

Б Ы Т І Е

С Е Р Д Ц А М О Е Г О .

EPITHE

CEPHYIA MOELG

БЫТІЕ
СЕРДЦА МОЕГО,
ИЛИ
СТИХОТВОРЕНІЯ

КНЯЗЯ
ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА
ДОЛГОРУКАГО.

Угодень — пусть меня чишають,
Пропивень — пусть въ огонь бросають;
Трубы похвальной не ищу.

~~~~~  
*ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.*  
~~~~~

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Т Е А Т Р Ъ.

Комедіи: Дурыломъ, или выборъ въ Старшины;

Отчаяніе безъ печалм, или такъ водится.

Опера: Любовное волшебство.

СТИХОТВОРЕНІЕ:

ПРІЯТЕЛЮ. ШУТКА ЗА ШУТКУ.

~~~~~
М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи.

1818.

Печаташь позволяешся съ представленіемъ 5
экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для ка-
зенныхъ мѣстъ. СПБ. Мая 28го дня 1818 года.
**Сталскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ
Тимковской.**

Изданіе Императорскаго Московскаго
Университета Коммиссіонера А. С. Ширяева.

ДУРЫЛОМЪ,
или
ВЫБОРЪ ВЪ СТАРШИНЫ,
КОМЕДІЯ
ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Печашана съ дозволенія Минисперства
Полиціи

Іюля 31 го 1817 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДУРЫЛОМЪ , зажиточной Дворянинъ Задонской.

ПАВЛИНА , } его дочери.

СУСАННА , }

ЛЕСТИГОНЪ , старинной другъ дома.

РАДИНЪ , любовникъ Сусанны,

СУСЕКИНА , пріятельница ихъ дома.

ПЕЧАЛКИНЪ , молодой человѣкъ, знакомой въ домѣ.

ДИКСМАНЪ , экономя Редуша.

СЛУГА.

ШВЕЙЦАРЬ.

ДВОРЯНИНЪ , безъ рѣчей.

Дѣйствіе на Камѣ въ домѣ и комнатахъ
Г-на Дурылома.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 1е.

Дурыломъ одинъ. (Онъ въ полу-сершукъ, по домашнему, въ ушреннемъ своемъ кабинетѣ)

О спѣны, въ коихъ я чрезъ разныя явленья
Всю публику держу лѣшъ шридцащъ въ изумленья!
Уже ли съ вами рокъ распашься мнѣ велищъ,
И купчую на васъ Палаша совершищъ? —
Уже ли городъ весь, любя мои превои,
Изъ вращъ своихъ мнѣ вонъ велищъ искащъ дороги? —
Имѣя на Дону помѣспья за собой,
На Каму привлеченъ нечаянной судьбой,
И новую найдя здѣсь родину изъ дѣипспва,
Учился лишь одной наукѣ — раболѣпспва,
Здѣсь выросъ, взялъ жену, и къ счастью какъ-то съ ней
Я прижилъ нѣсколько прекрасныхъ дочерей;
По нихъ спалъ всѣмъ знакомъ, по нихъ ко мнѣ
ласкались,
И дружеспва со мной какъ счастья добивались;
Редушъ меня своимъ Дирекшоромъ нарекъ;
Семнадцащъ лѣшъ въ немъ былъ я громкой человѣкъ;
Всѣхъ Членовъ имена, чины и лѣша знаю,
И каждому на вкусъ забавы снаряжаю: —
Но, ахъ! колико свѣщъ спалъ нынѣ развращенъ!
Въ невѣжеспвѣ умы, и духъ уничиженъ!
За всѣ мои шруды, какихъ никшо конечно
(Могу я самъ съ собой сказать чистосердечно),
Никшо изъ равныхъ мнѣ боярь не оказалъ,
Въ награду изъ Спаршинъ изверженъ нынѣ спалъ;
И подлый эконокъ — бездушна шваръ Нѣмчурка,
Который ѣлъ мой хлѣбъ, моя возила бурка,
Кшо? — Диксманъ на носу играетъ у меня!

Нѣтъ, нѣтъ, не потерплю. О Небо! о земля!
 Поѣду, поскачу искашь другаго края,
 И лучше пусть меня сразитъ судьба лихая,
 Чѣмъ долѣе еще такой позоръ терпѣть!
 По дудочкѣ чужой не мнѣ плясать и пѣть.

Я В Л Е Н І Я .

Дурьломъ и Диксманъ.

Дурьломъ. (Въ сторону)

О чертъъ молвъ, онъ шутъ; но должно скрытъ
 досаду;

Ему везетъ у насъ.

Диксманъ.

Прекрасную помаду

Съ спафешой получилъ сей часъ я изъ Москвы;
 Мнѣ помнится, ее выписывали вы:

И пакъ я поспѣшилъ съ нижайшимъ къ вамъ по-
 чтенъемъ

Обрадовавъ вашъ домъ такимъ увѣдомленъемъ.

Дурьломъ.

Помада? . . . . . помню. . . . . пакъ. — Спасибо.
 Что цѣна?

Диксманъ.

Червонный за горшокъ она заплачена.

Дурьломъ.

Червонный? — Не ужъ ли? —

Диксманъ.

За то и ароматы!

Дурьломъ.

И выдохнутъся вмигъ; а добрые дукапы. . . .

Диксманъ.

Не пахнутъ и легки, бѣгутъ какъ съ горъ вода.
 Духи на головѣ бывають иногда
 Вамъною шому, чего внутри природа
 Не всякому дала.

Дурыломъ.

Пустое брашець, — мода;
 По модѣ живучи, вскружился цѣлой свѣтъ.
 Жесминовъ ты найдешь вездѣ и духъ цвѣтъ:
 У модницъ на груди, у франца на кафтанѣ,
 И смѣшанъ съ табакомъ у сшарика въ карманѣ;
 Не рѣдко я видалъ, сынъ, дочь, весь домъ въ дырахъ,
 Опець какъ маковъ цвѣтъ, — а машушка въ духахъ.
 Но дѣло не о шомъ, — снеси горшки къ Павлинѣ.

Диксманъ.

Какъ кшаци мой шоваръ ко мнѣ подѣхалъ
 нынѣ!

Сегодня всѣ въ редушъ съѣзжаются чины,
 Обжорный шамъ обѣдъ — и выборъ въ Сшаршины.
 Каштановъ безъ числа и усприцевъ наслали,
 Не шупочной мнѣ пиръ въ собраньи заказали;
 Какой съ Венгерскимъ кремъ, уха — хопъ бы Царю!
 Жена толчетъ миндаль, я пуншъ рояль варю;
 А къ вечеру, дабы короновать забаву,
 За рубль съ персоны дашь взялся я балъ на славу.

Дурыломъ. (Въ сторону)

Нѣтъ мочи выносить надменности такой!
 Ты развѣ членъ, чшобъ могъ дашь праздникъ самъ
 собой? —

Мнѣ памяшенъ Успавъ Дворянскаго Собранья,
 Кошорый ушвержденъ съ публичнаго желанья,
 Подписанъ въ 809 годѣ мной,
 Понеже я тогда былъ первымъ Сшаршиной;
 Правительствшвомъ самимъ онъ признанъ превосход-
 нымъ.

Диксманъ. (Въ сторону)

Тогда и былъ хорошъ ; а нынѣ спалъ негоднымъ.

Дурыломъ.

Ты дерзокъ не пушемъ. — Параграфъ въ немъ одинъ ,

Я помню , шакъ гласишь . . .

Диксманъ.

Вы спорить, господинъ ;

Но скоро послѣ васъ Успавъ перемѣнился
И новый въ Клобъ здѣсь порядокъ дѣлъ явился.

Дурыломъ.

Прошу сказать, какой ? — Не вѣрю, бышь не
льзя !

Меня не оплешешь. — Иль ты забылъ, какъ я,
За то, что экономя спалъ мершвымъ сномъ у печки
И въ пору не успѣлъ зажечь на балѣ свѣчки,
Велѣлъ ему въ сѣняхъ сто палокъ опсчишашъ,
Немѣцкіе бока по Руски опкашашъ.

Диксманъ.

Да то не Диксманъ былъ. — Задоритесь на-
прасно ;

Досады вашей я причину вижу ясно :
Привыкнувъ сполько лѣтъ Дирекпоромъ все бышь,
Вамъ пошню рядовымъ и годъ одинъ прожишь.
Вишь я не виновашъ, что велъ себя шакъ худо
Вашъ прежній экономя.

Дурыломъ.

Кшо ? — Мовель ? — Это чудо !
Онъ былъ не безъ грѣха, конечно ; но за то
Редушу шакъ служишь не смыслишь здѣсь никшо.

Диксманъ.

А я слыхалъ объ немъ во всѣхъ домахъ иное.

Дурыломъ.

А что бы на примѣръ слыхалъ объ немъ худое ?

Диксманъ.

Извольте; — но прошу заранѣй не пѣнять,
 Коль искренность моя васъ будетъ обижать. —
 Я слышалъ, что за споль плашили всѣ безмѣрно,
 А кушали всегда на балахъ очень скверно;
 Что часто подавалъ изъ промзглыхъ онъ кошлець,
 Въ лампадномъ маслѣ всѣмъ плавучій винегреть.

Дурыломъ.

Неправда! — Винегреть былъ кусъ наипрі-
 яшмой,
 Изъ разныхъ шонкихъ мясъ, и очень деликатной.

Диксманъ.

Я то передаю, что публика швердишь.

Дурыломъ.

Она все мѣлеть вздоръ, къ ней весь пропалъ
 кредишь.

Что далѣе? —

Диксманъ.

Еще я слышалъ, будто смѣшны
 Великой спойли негодные пашпешы;
 Что будто Мовель вашъ на салыцѣ ихъ капалъ,
 И вмѣсто куличковъ, мышиною хвостъ торчалъ.

Дурыломъ.

Ты вздоръ несешь. — Я самъ до пироговъ охощ-
 никъ;
 А масло спавишь къ вамъ и нынѣ мой же скошникъ:
 Приспѣшниковъ такихъ, какіе у меня,
 Со свѣчкой поискашь.

Диксманъ.

Вамъ очень вѣрю я;
 Но рша всѣмъ не зажмешь. — О винахъ всѣ
 полкуюшь,
 И вспомня прежній Клобъ, до сихъ поръ негодуюшь,
 Что въ нихъ всегда была смѣсь, порча, кислоша,

Что даже по чинамъ проведена черта,
И слуги были шакъ намешаны нахалы,
Когда вокругъ спюла пойдуть ходитъ бокалы,
Для первыхъ няши классъ шампанское нальютъ,
А прочимъ лишь воды смородинной дають.

Дурьломъ.

Трещешка, замолчи! — Всѣ вины были славны;
Выписывалъ ихъ самъ, ручаюсь, что исправны.
А есѣли по чинамъ не всѣмъ былъ равенъ пай,
Такъ что тушь за бѣда? — Чинъ чина почиай.
Ты знаешь равенства братъ нанюхался въ Парижъ;
Тамъ всякой самъ себя не чтесть другаго ниже:
А здѣсь у насъ еще ведется въ людяхъ страхъ.
Поѣзди, посмотри; — во всѣхъ ты городахъ
Увидишь, что не всѣмъ Шампанское подносятъ,
Иные и медку съ поклонцами попросятъ.

Диксманъ.

Прекрасной аргументъ! — Когда манеръ такой,
Такъ спало бытъ у васъ чиновникъ небольшой
Могъ нюхашъ осетра, а ѣсть подъ хреномъ свинью?

Дурьломъ.

Напрасно, извини; — я самъ крошилъ башь-
винью;

И эшаго никто не скажетъ про меня,
Чтобъ ею обнесни кого дозволилъ я.

Диксманъ.

Что хуже-то всего, — простите дерзновенье,
Вы знаете мое къ вамъ личное почтенье, —
Весь городъ говоритъ, что будто въ каждый балъ
Всѣ кремы, пироги, вашъ Мовель собиралъ,
Пошомъ они къ вамъ въ домъ съ спюла переѣзжали,
И шамъ на холодку въ подвалъ ночевали.
Конечно вамъ обманъ спюль тнусной не знакомъ;
Но многіе изъ тѣхъ, которы въѣзжи въ домъ,
Увѣритъ и меня по совѣсти хотѣли,
Что гости ваши спюшь не безъ догадки ѣли

Тѣжъ кушанья у васъ на завтра клобна дня,
Которыя сняшы съ редушнаго огня.

Дурьломъ.

Не городъ, нѣтъ не онъ, споль скаречно зло-
словишь;

Одинъ лишъ твоя языкъ повсюду пустошь ловишь:
Но дерзости такой снеспи я не могу.

Диксманъ.

Что всѣ такъ говоряшь, по чеспи я не лгу.

Дурьломъ.

Съ двора долой, Диксманъ, въ немъ вѣкъ не
попадайся.

Диксманъ.

Помаду какъ?

Дурьломъ.

И съ ней ты къ черту убирайся!

Я В Л Е Н І Е 3.

Дурьломъ. (Одинъ)

Возможно ли снеспи такого мнѣ туза?

Споль дерзко обругаешь придпи меня въ глаза!

Онъ щаспливъ только тѣмъ, и опъ того я плачу,

Что въ Клобъ ничего уже совсѣмъ не значу.

Но кпожъ таковъ Диксманъ? — Въ полпѣ просто-
людинъ,

А я родился, былъ и буду Дворянинъ;

Задонскіе края, гдѣ все мое имѣнье,

Присягой подтвердяшь мое произхожденье:

Лишь только покажусь — во славу буду я!

Здѣсь кинули — а тамъ всѣ выберушь меня.

Одно ли только здѣсь Дворянское Собрание?

Нѣтъ, нѣтъ, Диксманъ, швое онмспипся поруганье!

Хоть въ городѣ я съ годъ шашаюся какъ спень,

Но скоро, можешь быть, придетъ твой черный день.

Я В Л Е Н І Е 4е.

ПАВЛИНА, СУСАННА и ДУРЫЛОМЪ.

Павлина.

Bon jour rара.

Дурьломъ.

Я къ вамъ ужъ заходилъ; вы спади.

Сусанна.

Проснувшись, сей часъ сюда мы побѣжали.

*Дурьломъ.*Поздненько! — У прыгушь за чѣмъ перенимашъ
Ложись по упру, а къ вечеру вспавашъ?*Сусанна.* (Павлинъ)

Поди, просись.

Павлина. (Сусаннъ)

Je crains, онъ вспрѣшилъ не умильно.

Сусанна.

Конечно что нибудь вспревожило васъ сильно?

Дурьломъ.

Пустое, — ничего; мнѣ такъ не по себѣ.

Павлина. (Сусаннъ)

Mauvais moment, ma soeur.

Сусанна. (Павлинъ)

Пророчила тебѣ.

*Павлина.*Я слышала, въ редушь курьеръ привезъ помаду;
Какъ ради мы съ сестрой!*Дурьломъ.*

И мнѣ какъ быть не раду.

Диксманъ мнѣ сей же часъ такъ нагло нагрубилъ,
Что я его съ двора по шеѣ проводилъ.

Сусанна. (Павлинѣ)

Прости твоей балъ, та soeur.

Павлина. (Сусаннѣ)

Какой guignon ужасной!

Дурьломъ.

Что скажете еще?

Сусанна.

Сегодня день прекрасной!

Дурьломъ.

Да только не для васъ, — на балъ не бывашъ.
За спыдъ сочту шуда дѣшей своихъ пускашъ,
Гдѣ Диксманъ экономя забавы учреждаетъ
И Русское чрезъ то Дворянство унижаетъ, —
Тамъ дочери мои не будутъ никогда:
Чессть первой мой законъ — я вамъ швердилъ всегда.

Павлина.

Позволили ли намъ хошъ съѣздитъ опобѣдитъ
Къ Сусекиной?

Дурьломъ.

За чѣмъ?

Павлина.

Чтобъ новости развѣдашъ.

Дурьломъ.

Не кшати, — пустяки. — Вдова сира, бѣдна,
Какой у ней приѣмъ? — Всегда живетъ одна,
Шатается пѣшкомъ въ хоршую погоду,
Въ ненастѣе подъ окномъ поетъ свою свободу;
Того гляди, сама пошчасъ явится здѣсь.

Павлина. (Сусаннѣ)

Ma soeur, oui c'en est fait, пропалъ проѣхъ
мой весь.

Дурьломъ.

Сусанна, что тебѣ Павлина тамъ бормочетъ?

Сусанна.

Боишься вамъ сказать, прогнѣвашъ васъ не
хочетъ.

Дурьломъ.

Да чтожь таки, скажи?

Сусанна.

Мы слышали, что спалъ
Прѣздомъ возлѣ насъ какой-то Генераль.

Павлина.

И опъ Сусекиной къ нему въ окно все видно.
Онъ молодъ и хорошъ.

Дурьломъ.

А вамъ, я чай, завидно!
Павлинушка, мой другъ, куда какъ шы проста!
Въ окошкѣ вѣкъ шорчатъ — что шумъ за кра-
соша?

Павлина.

Быть можешъ, Генераль къ окошку спулъ по
спавишъ
И на меня лорнетъ нечаянно направишъ.

Дурьломъ.

Ребенокъ! — У тебя все бабочки въ умѣ.
Иной и Генераль, а чущь чущь не въ сумѣ.
Я сколько вамъ швердилъ, — но обѣ вы шакъ
вздорны, —
Въ муцинахъ хороши достоинства опборны.
Не леншы, не чины, ледунка, патроншажъ,
Все епо мишура; а главной аваншажъ
Имѣшъ всегда въ рукахъ, чтообъ прямо бышъ любезну,
Недвижимаго шьму и движимаго бездну.

Павлина.

Такихъ намъ жениховъ, рара, здѣсь не найшишь.

Дурыломъ.

Такъ не за чѣмъ, друзья, къ Сусекиной ходишь.

Пошлите-ка, добро, позвашь ее къ обѣду;

Пускай поѣстъ у насъ: — я радъ всегда сосѣду.

Слуга (Входитъ)

Печалкинъ у воротъ; — прикажешь ли принять?

Дурыломъ.

Проси. — Ахъ, никакъ его скончалась мать!

Сусанна.

Она ужъ такъ давно сердечная хворала!

Павлина.

Сегодня умерла. — Ты развѣ не слыхала?

Дурыломъ.

Откуда, кѣмъ и какъ, я не пойму ей, ей,

Со всѣхъ базаровъ къ вамъ снесешь такихъ вѣстей?

Воспитываю васъ, всѣ знаютъ, превосходно,

Учу и поступать и мыслить благородно;

А кончится всегда, какъ осмошрюсь, — увѣ!

Гдѣ сплелня? — У меня. — Кѣмъ въ сплелнѣ? —

Я, да вы.

Сусанна.

Мы слышимъ только то, что дѣвки намъ болта-
ютъ,

Когда они меня съ сестрами одѣваютъ.

Дурыломъ.

Какогожъ перенять съ холопами добра?

Поди же; — мнѣ принять Печалкина пора.

Я В Л Е Н І Е 5.

*Дурыломъ и Печалкинъ.**Дурыломъ.*

А! здравствуйте. — Что вы?

Печалкинъ.

Я машушки лишился
 Сегодня поупру, — и зная васъ, рѣшился
 Пріѣхать попросить, чѣмъ въ горести шакъ
 На счетъ обрядовъ намъ совѣтъ вы дали свой.
 И смѣюль все сказать, коль будетъ вамъ возможно,
 Взять милосливый шрудъ устроишь все какъ
 должно!

Дурыломъ.

Всѣмъ сердцемъ жаль мнѣ васъ. — Съ покойной я
 знакомъ
 Опъ самыхъ юныхъ лѣтъ, и очень вѣзжъ былъ
 въ домъ.

Печалкинъ.

Такъ, слышалъ я, сударь, опъ всѣхъ моихъ домаш-
 нихъ,
 Что были вы одни въ числѣ друзей всегдашнихъ.

Дурыломъ.

Не думайте, чѣмъ я нохваспашья хопѣлъ;
 Но нынѣ у меня своихъ шакъ много дѣлъ,
 Что право ни одной минушкы нѣтъ свободной.
 Вы знаете, что я по склонности природной
 Не только что друзьями, чужимъ гошовъ служишь;
 Мнѣ все равно, крестишь, вѣнчаешь, иль хоронишь,
 Лишь только бы я могъ на что нибудь быть годенъ.

Печалкинъ.

Кто думаетъ какъ вы, тотъ прямо благороденъ; —
 Мнѣ совѣстно въ глаза вамъ это говоришь,
 (Въ сторону)
 Но вы у насъ фениксъ . . . . . пришлось болвану
 льстишь.

Дурьломъ.

(Въ сторону)

(Въ слухъ)

Прекрасной молодець! — Чѣмъ машушка скончалась?
Позвольте мнѣ спросить; не такъ сшара казалась.

Печалкинъ.

Три Доктора ее лѣчили цѣлый годъ:
Одинъ предполагалъ въ груди скопленье водъ,
Другой въ ней утверждалъ чахошку несомнѣнно,
А третій параличъ, и всѣ попеременно
Прописывая ей рецепты безъ конца,
Отправили въ чертогъ небеснаго Ошца.

Дурьломъ.

Злодѣй! — Да чему бышь доброму, скажите?
Изгляните вы на все; — редушъ лишь покажите,
То видно. . . . .

Печалкинъ.

Точно такъ; но слышенъ общій гласъ,
Что будете вы вновь Директоромъ у насъ.

Дурьломъ.

Я право не ищу.

Печалкинъ.

Позвольте же мнѣ снова
Напомнить о себѣ.

Дурьломъ.

Не смѣю дать вамъ слова;
Пороюсь, посмотрю. Есть книга у меня,
Въ которой дачи всѣ записывалъ самъ я;
Изволише ли знать, я очень занимался,
И въ церемоніяхъ весь вѣкъ свой обращался.
Видѣть можно иногда бездѣлкою, ничѣмъ,
Пусшить такую пыль и диво сдѣлать всѣмъ,
Что всякой скажетъ: — Ахъ!

Печалкинъ.

Кто такъ какъ вы имѣете
Способность скрасить все . . . . .

Дурыломъ.

И всякой разумѣетъ,
 Что надо мертвеца скорѣе схоронить;
 Да сила - то не въ томъ: а надо смастерить,
 Чпобъ это было все великолѣпно, славно,
 Все къ мѣсту, все на спашь, и пышно и исправно.
 Я многихъ уже здѣсь, признаюсь, спарожилъ
 Отъ скуки лишь одной въ кладбищѣ проводилъ.
 Повѣришель! при мнѣ не плачуть и не рвущся;
 Лишь только покажусь — всѣ въ запуски смѣются.

Печалкинъ.

Вотъ въ томъ - то и секретъ. — И такъ въ по-
 слѣдній разъ
 Позвольте убѣдить....

Дурыломъ.

Все сдѣлаю для васъ;
 Сынъ друга моего на то имѣетъ право.
 Полезнымъ въ свѣтѣ бытъ мой долгъ, и честь,
 и слава!

Я В Л Е Н І Е 6.

Дурыломъ. (Одинъ.)

Кто что ни говори, а правда въ свѣтѣ есть:
 Безчестному — все стыдъ, а честному — все
 честь.

Какъ въ городѣ меня ни жмутъ и ни поносятъ,
 А чую гдѣ нуженъ блескъ — меня шуда и просятъ.
 (Здѣсь входитъ Леспигонъ.)

Я здѣсь одинъ, — могу похвастать самъ себѣ,
 Что многіе моей завидуютъ судьбѣ.
 Богатъ, смысленъ, досужъ, гораздъ на всѣ зашты,
 И буду гдѣ нибудь, проклятые злодѣи!
 Въ редушѣ Старшиной, — вотъ буду, буду!...

Я В Л Е Н І Е 7.

*Дурьломъ и Лестигонъ.**Лестигонъ.*

Вздоръ!

Ужь цѣлой годъ у насъ идешь объ эшомъ споръ.

Дурьломъ.

Ба! ешо Лестигонъ! — Ошкуда ни возмешся!

Ошперъ какъ лезвее, какъ шмель вездѣ ворвешся.

Ошкуда, не слыхашь?

Лестигонъ.

Пѣшкомъ шель изъ суда,

Да водки захопѣлъ, и завернулъ сюда.

Я думалъ, что тебя съ закускою заспану;

Но ты въ шакихъ сердцахъ . . . Добро — молча
чапъ все спану.*Дурьломъ.*

Нѣтъ. . . такъ . . . сегодня я все упря хлопощалъ.

Не знаешь ли, скажи, какой здѣсь Генералъ

Провздомъ возлѣ насъ вошъ шущъ ошановился?

Лестигонъ.

По чемъ мнѣ ешо знашь? — Вишь я не подрядился,

Какъ ты же, по дворамъ всѣ вѣспи развозишь.

Дурьломъ.

Да что шущъ за бѣда? — Не лзя ужъ и спросишь!

Ворчанье не ошвѣтъ. — Я знаю, что ты скрышенъ;

Мой грѣхъ не пошаю: — я очень любопытенъ. —

Въ редушѣ нынѣ пиръ и выборъ Старшинамъ,

Заказный маскарадъ, — ужъ ли же ты не шамъ?

Лестигонъ.

Ты судишь по себѣ, что будто всѣмъ охоша

Толпишься цѣлой день до кроваваго поша;

Взгляни - ка на себя! — Вишь ты ужъ посѣдѣлъ

Ошъ множества швоихъ непоспижимыхъ дѣлъ.

Ты суешень какъ червь, и что тебѣ за радость,
 Всѣ сплени собираешь, подслушаешь всяку гадость?
 И въ будкахъ ужь кричаешь: — рехнулся Дурьломъ!
 Взойдешь къ тебѣ всегда какъ будто въ желтой домъ,
 Всѣхъ свелъ вокругъ себя съ ума своимъ редупомъ,
 И спалъ ты наконецъ у насъ наряднымъ шупомъ.
 Какъ скоро до тебя коснется рѣчь въ пирахъ,
 То клобъ на языкъ, улыбка на устахъ.

Дурьломъ.

Ой мнѣ твоя мораль! — Тебѣ я цѣну знаю;
 Но въ обществѣ какъ жить ни въ чемъ не уступаю.
 Гордись не горжусь, не нижу и тебя.
 Послушай, Лестигонъ! — знай всякой самъ себя.
 Не хуже я кого другаго былъ воспитанъ,
 Французскихъ, Рускихъ книгъ съ ребячества на-
 чинанъ;
 За вѣжливостъ одну покойной мой отецъ,
 Желая, чпобы я во всемъ былъ молодецъ,
 Пяшь тысячъ въ годъ плашилъ Французу Monsieur
 Пенги.
 Танцмейстеръ удалой. . . .

Лестигонъ. (Хочетъ)

Ну, плакали, братъ, деньги,
 По крайней мѣрѣ всѣмъ ты эшаго не ври.

Дурьломъ.

Еще тебя прошу, учтивѣй говори,
 А по . . . .

Лестигонъ.

Не горячись . . . меня унять не трудно;
 Тѣмъ меньше поскупаться ты будешь безразсудно,
 Когда я замолчу? — И еспылибъ не любилъ,
 Спюль черспвыхъ истинъ я тебѣ не говорилъ.
 По совѣсти скажи: въ чемъ жизнь препровождаешь?
 Дрожишь надъ сундукомъ и деньги въ немъ счи-
 таешь;
 Въ госняхъ ты шрусъ, — но здѣсь самодержавна
 власнь.

Разумной разговоръ ты сносишь какъ напастъ;
А самъ заговоришь — такъ всѣхъ пройметъ зѣ-
воша.

Приспѣшная твоя любимая забота.

Наѣшься, ляжешь спать; — проснешься съизнова,
Душа всегда въ потьмахъ, — въ угаръ голова,
А сердце для одной проформы только бьется,
И то какъ параксизмъ редушной завернется.

Дурьломъ.

Не знаю, кпо изъ насъ теперь изъ двухъ умнѣй;
По крайней мѣрѣ я спокрапъ тебя скромнѣй.
Не такъ ли и въ судахъ у васъ дѣла рѣшаются,
Кпо шипче всѣхъ кричишь — шому вольно по-
драешься.

Лестигонъ.

До драки далеко; но право мочи нѣтъ
Мнѣ слышашъ, чпо вездѣ ты паквила предметъ.
Сочти-ка, сколь давно спознались мы съ побою!
Вранилъ ли я тебя, когда ты жилъ съ женою?
Хотя она ума не рѣдкаго была,
Однакожь на ногѣ пристойной домъ вела.

Дурьломъ.

Да, каюсь и теперь, что поступалъ не спрого;
За то и прожилъ я чрезвычайно много.

Лестигонъ.

А съ той поры, какъ ты, несчастной, овдсѣлъ,
Въ тебя вселилась блажь — ты будто одурѣлъ:
Внутри семейства шумъ, нелѣпица, раздоры,
А въ городѣ вездѣ почти со всѣми ссоры.

Дурьломъ.

Я шакъ хочу. — Уймись, — тебѣль меня учишь?
Годъ цѣлой все мораль изволишь мнѣ почишь.
Но знай, что ни кому собой не дамъ я правишь;
И шакъ, не лзя ли насъ въ покоѣ всѣхъ оснавишь.

Лестигонъ.

Не лѣзя. — Я не могу дѣшею забыть твоихъ,
 И мнѣ ли запретишь участіе брать въ нихъ.
 Ты помнишь, какъ твоя супруга умирала,
 Подъ клятвою мнѣ ихъ судьбу поручала;
 То вѣдая, что ты, оставшись вдовцомъ,
 Поплачешь день, другой, и полно, — а потомъ,
 Когда плерезамъ срокъ ужъ будетъ на отходъ,
 Ты пустишься опять дурачиться въ свободъ.
 Покойница тебя проникла.

Дурьломъ.

Знаю брать,
 Къ чему ты клонишь рѣчь; да только не въ попадъ.
 Я вѣдаю давно, что сваташь вы спакались
 За Радина мою Сусанну.

Лестигонъ.

Догадались;
 Худаго шутъ и нѣтъ. — Сусанна въ тѣхъ лѣпахъ,
 Что можешь безъ грѣха смыслять о женихахъ.
 Вишь Принца вамъ на ней женишься не заспавишь;
 Кому же, какъ не ей сей выборъ представишь?
 А Радинъ хошь куда. — Дѣтина молодой,
 Природной деорянинъ, пригожинькой собой,
 Чинъ естъ, доспашокъ шоъ, — его Сусанна лю-
 бишь. . . .

Дурьломъ.

Коль выйдешь за него, она себя погубишь.

Лестигонъ.

Не вижу вовсе, какъ; одинъ капризъ напалъ.

Дурьломъ.

Ни слова мнѣ о томъ.

Слуга. (Входитъ)

Пріѣзжій Генералъ

Спроситъ у васъ велѣль, когда съѣзжашься кушашъ
 Назначенъ часъ въ редушъ?

Дурьломъ.

Меня?

Лестигонъ.

Прошу прислушать.

Дурьломъ.

Да что я за швейцаръ? — Вопъ нынче какъ живущъ!

Невъжливой вопросъ учтивоспью зовущъ;

Да что и говоришь . . . . — Поди, скажи холопу,
Что я не подряженъ часы свѣрять для клобу.

Лестигонъ.

Вопъ какъ благодари ты самъ себя за то,
Ославился вездѣ, и на смѣхъ всякой, кпо
Сквозь городъ пролепя здѣсь пройку перемѣнишь,
Узнаетъ про тебя, и чѣмъ нибудь задѣнишь.
Прощай!

Дурьломъ.

Проваль возьми тебя, и весь редушь.

Лестигонъ.

Съ привѣспвиємъ такимъ меня давно шамъ ждущъ.

Я В Л Е Н І Е 8.

Дурьломъ. (Одинъ)

Лукавый человѣкъ! другъ міра, двуязычной!
Злословишь съ проспу всѣхъ твоей промысели обычной!
Поди и веселись, — шамъ пиръ готовъ чужой;
Здѣсь каши лишь горшокъ — но мой, и я большой!

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Большая гостинная въ убранствѣ.

Сусекина, Сусанна, Павлина.

Сусекина. (При входѣ въ двери)

Неправда, милой другъ, тебя я увѣряю;
Сегодня балу нѣтъ, я это точно знаю,
А только лишь обѣдъ и выборъ Старшинамъ

Павлина.

Не будешь ли рара?

Сусанна.

Какаяжъ прибыль намъ?

Павлина.

А та та соеи что мы хопъ разъ въ недѣлю будемъ
Людей вилашь! Ей, ей мы скоро позабудемъ,
Что естъ забавы, шумъ, вопъ топъ, отборной свѣтъ;
Такъ жишь, какъ мы живемъ, — вишь ссыла въ
двадцать лѣтъ.

Кто съ нами поушру? — Лишь мамушки, да няни;
Опъ нихъ мы ничего не слышимъ кромѣ дряни.
Придемъ сюда шорчать, — здѣсь молвишь слово
съ кѣмъ?

И вся день за день жизнь вершился наша шѣмъ,
Что дѣвки насъ къ полднямъ какъ куколокъ одѣ-
нутъ,

И спать ложась опять шѣжъ дѣвки насъ раздѣнушъ.
Сусекина! скажи, не правдуль говорю?

Сусекина.

Согласна, точно такъ и я на все смотрю.

Чтожъ дѣлашь? — Вашъ отецъ упрямъ и своево-
ленъ;

Всѣ люди не по немъ, всѣмъ въ свѣтѣ недово-
ленъ.

Ужь я ли не ищу, чѣмъ быть со мной хорошъ,
И ссорюсь и мирюсь, а пользы нѣтъ на грошъ.
Мнѣ кажется, что онъ, будь сказано межъ нами,
Такъ худо поступашъ примѣшно началъ съ вами
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ редушъ не выбранъ
Старшиной.

Сусанна.

Ты права! — Ахъ! какъ жаль, что можетъ онъ
мечшой
Споль низкой для него всечасно заниматься
И всячески попасъ въ Директоры спараться! —
О слабости такой намъ можно сожалѣть;
Но онъ все нашъ опецъ — нашъ долгъ та соеи
терпѣть.

Сусеккина.

Преблагородная, достойная дѣвица!

Павлина.

Я знаю, отъ чего, любезная сестрица,
Ты разсуждаешь такъ красиво и умно.

Сусанна.

Нѣтъ! съ правиломъ такимъ знакома я давно.
Не будучи, мой другъ, изнѣженнаго нрава,
Поменѣ тебя пригожа и вѣршлява,
Съ тѣхъ поръ, какъ начала при мапущкѣ росши,
Училась у нее я многое снести.

Сусеккина.

Да, подлинно сказать не согрѣшивши можно:
Покойница вела себя преоспорочно;
За то у васъ былъ домъ совсѣмъ тогда иной, —
Живали вы съ людьми, прѣздъ къ вамъ былъ боль-
шой;

А нынѣ старики лишь только, да спарухи
Изъ денегъ вкругъ ошца жужжашъ какъ лѣпомъ
мухи;

А башюшка рубля безъ выгоды не дасть:
Все купишь ни за что, — и дорого продасть.

Сусанна.

Я право не пойму, что пользы суешиться,
И въ кучѣ праздныхъ лицъ всю жизнь свою кру-
житься?

Сусеккина.

Нѣтъ, мать моя, со мной шы милость сотвори!
Конечно шы умна, но дѣло говори.
Съ Павлиной въ эшомъ я опмѣнно какъ похожа:
Ей публика мила, и мнѣ до смерти то же.
Что радости сидѣть въ углу своемъ одной,
Или читаешь романъ, иль слѣпнуешь за канвой?
Я знаю, что меня записываютъ въ дуры
Изъ зависти, что мнѣ мущины спроятъ куры;
Но право клеветы споль низкой не боюсь:
Хоть дура — да мила, дурна — да веселюсь!
И нечего при васъ грѣха таишь, — покаюсь:
Когда на званой балъ я выѣхашъ собираюсь,
Весь день шопъ занята уборкою своею;
Всѣхъ дѣвокъ прибраню, всѣхъ съ ногъ собью людей:
Кто бѣгаетъ искашь помады мнѣ душистой,
Кто розоновъ нарветъ, кто шлеть левкой пуши-
стой.

Пускай кричатъ, что я спара, — но ввечеру,
Со всѣхъ, кто знаетъ вкусъ, я дань любви беру.

Сусанна.

Да кто же изъ людей порядочныхъ на свѣшѣ
Старухой васъ зоветъ?

Сусеккина.

Есть люди на примѣшѣ,
Которые, меня желая уронить,
Изволяшъ язычки на мой сюжетъ оспришь.

Павлина.

А сколько же вамъ лѣтъ?

Сусеккина. (Въ сторону)

(Вслухъ) Ахъ! какъ бы не проврашья!
Объ эшомъ намъ къ чему шенерь разпроспраняться?

Павлина.

Однакожь. . . . —

Сусанна.

Taifez-vous пожалуйста, та soeur.

Сусекина.

Не кспаша ты воспра, Павлинушка, mon soeur.

Сусанна.

Что нужды намъ до лѣтъ; — въ годахъ ли наше
счасье?

Часпехонько дия ужъ чувсѣвуемъ ненастье,
Тогда какъ и спарикъ съ бѣдою незнакомъ!

Сусекина.

Таковъ-то вашъ отецъ, надменной Дурыломъ.

Сусанна.

Блаженство всякъ изъ насъ на свой аршинъ здѣсь
мѣримъ:

Иной, въ толпѣ людей за нимъ гоняясь, вѣримъ,

Что дашь его одна лишь можешь суепа,

Иль временная честь, богатство, красота; —

Какъ мало, признаюсь, такое обольщенье

Способно вольсвать мое воображенье!

Видала я не разъ, коль опыты не лгутъ,

Сквозь золото какъ слезъ испочки текутъ! —

И чуть не опъ поголь весь міръ не рѣдко спо-
неть,

Что бабочки никто любимой не догонеть.

Павлина.

Насилу мы дошли до бабочки. — А! а!

Я лущъ шебя, та soeur, давно жду.

Сусекина.

Какова? —

Секретецъ видно естъ, любезная Сусанна?

А мнѣ и не въ догадѣ; — живу я окоянно
Полвѣка . . . .

Павлина.

Такъ ужъ вамъ пошло за пятьдесятъ ?

Сусеккина.

(Въ сторону)

Ахъ, какъ я глупа !

Павлина.

(Сусаннѣ)

(Сусекиной)

Ура! — Вамъ шахъ! — вамъ матъ!

Прекрасно я васъ вдругъ обѣихъ подловила :

Тутъ бабочку поймавъ, — здѣсь крысу подцѣпила.

Сусеккина.

Не кешати ты, мой другъ, оскалила зубки ;

Не споишь моего мезинца у руки ,

Повѣрь мнѣ — Естѣлибъ я унизишься хотѣла ,

Насмѣшку возвращишь съ процентами умѣла ;

Но дѣвку сиротѣ безчестно обижаешь !

А то бы я вездѣ гошова рассказать ,

Что ты на всѣхъ мушинъ глаза въ окошки пя-
лишь ,

Не согласишь ничего, — лишь только тѣло рядишь ;

Что ты проси, дерзка, нагла . . . .

Павлина. (Смѣючись)

Да не сшара.

Сусанна.

Павлина, перестань ! Куда какъ ты скоро !

(Сусекиной)

Ужъ ли ты на дитя и вправду разсердилась ?

Сусеккина.

Хорошее дитя ! — Нѣтъ машка — оперилась.

Живите, коль умны, какъ знаете, одни ;

Пришлесе и за мной — придумъ и черны дни.

Я пропасть насказавъ вамъ новостей хотѣла ,

За тѣмъ звала къ себѣ, сама къ вамъ прилепѣла ;

Сусанна.

Чего совсѣмъ не должно;
Годами уличать старухъ неоспорочно:
Ты новаго лишь шѣмъ накликала врага,
Богъ знаетъ изъ чего! — Молва всегда спрога. —
Сусекина тебя начнетъ вездѣ злословить

Павлина.

Тѣмъ хуже для нее.

Сусанна.

Какъ любишь прекословишь!
Ужъ ли тебя и такъ не проняла шоска
Предметомъ сплешень бышь?

Павлина.

Отъ нихъ я далека;
Что хочешь говори. — Не лъзя же согласишься,
Что ей пятнадцать лѣтъ.

Сусанна.

Хоть пять. — За что сердиться?

Павлина.

Безъ смѣха не могу я вспомнить и теперь,
Какъ хвастала она.

Сусанна.

Попробуй же, увѣрь,
Что хуже всѣхъ она одѣла въ клубной залѣ.

Павлина.

А! — помнишь, какъ зимой прошедшею на балѣ
Явилась она вдругъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ.
Подъ желтымъ паричкомъ сверхъ бѣлыхъ волосовъ
Чего не прибрала! — Спекло, шомпакъ, шумиха,
И съ ногъ до головы нарядная шумиха;
На личикѣ, чтобъ скрыть обиду многихъ лѣтъ,
Квасцы ей дали лоскъ, кирпичекъ яркой цвѣтъ. —
Сквозь всѣ ряды мушинъ какъ пава выступала,
Головкою прясла и вѣеромъ махала; —

Пострѣлъ ее взманилъ какой-то танцовать,
И польской впереди изволила начать. —
Тамъ всѣ ее на смѣхъ мущины подымали,
До обморока стѣнь несчастную тоскали; —
Задохлась наконецъ, — и сынъ ее большой
Насилу отпоилъ Унгарскою водою.

Сусанна.

Кто спорить, — это все и жалко и забавно;
Но ей сказать въ глаза ничуть не благоугодно.
Коль пребудемъ къ себѣ почтенья отъ людей,
Должны въ замѣнь плащить учтивостью своей. —
Повѣса!

Павлина.

Ну pardon ma soeur, вперёдъ не буду.

Сусанна.

А завтра поужь опять.

Павлина.

Нѣтъ, право не забуду.

Сусанна.

Повѣрь, Павлина, мнѣ: съ пріятельствомъ красоты
Насмѣшкой никогда милѣй не будешь ты.

Павлина.

Чу! кто-то къ намъ идетъ; — не бабюшкаль
проснулся.

Я В Л Е Н І Е 3.

Тѣ же и Дурьломъ. (Проти-
раетъ глаза со сна)

Дурьломъ.

Какъ сладко я поѣлъ; — за то едва очнулся.

Сусанна.

Сполъ жиренъ очень былъ.

Дурыломъ.

Онъ шѣмъ-то и здоровъ;
Такихъ, какъ у меня, не сыщешь поваровъ.
Грѣхъ будешь, дѣши, вамъ сіазапъ. гдѣбъ вы ни были,
Чѣмъ худо въ домъ васъ родителескомъ кормили.
Да не былъ ли кто здѣсь, покамѣсь я уснулъ?

Сусанна.

Никто не прѣзжалъ.

Дурыломъ.

Я часъ, другой схрапнулъ.

Павлина.

Сусекина одна. . . .

Дурыломъ.

Кудажъ она урыла?

Ахъ! да бишь, позабылъ, — я чаю покапила
Для балу ввечеру лице подгошовлять.

Павлина.

Сегодня балу нѣтъ.

Дурыломъ.

Тебѣ какъ это знашь?

Сусанна.

Сусекина вездѣ объ этомъ разглашаетъ.

Дурыломъ.

Такъ видно Диксманъ плутъ одинъ лишь вздоръ
болтаеиъ.

Я той же вѣры самъ. — Какъ можетъ онъ нахаль
Наръ шипъ шопъ ушавъ, кошорой подписаль
Со всѣмъ редупомъ я! — Нѣтъ, это бытъ не мо
жетъ;

Гдѣ денегъ ему взять и кто ему поможетъ.

Не сказывалаль вамъ Сусекина чего

О выборѣ Спаршинъ? — Какъ мѣшашъ, на кого?

Сусанна.

Объ этомъ намъ она ни слова не сказала.

Дурьломъ.

Диковинка; а чай вездѣ перебивала.

Чудесная Мадамъ! — Едваль ее доходъ

Исправить можешь весь домашній обиходъ,

Но всякой день на ней шюрбаны, да капошны,

На всѣхъ пирахъ корпимъ, всѣ знаемъ анекдоты;

А модой до того она заражена,

Что даже собственны французскіе имена,

И съ дѣтками когда въ Собранье выѣзжаетъ,

Мирошу то и знай Мондоромъ называютъ.

Павлина.

Миронъ! — Ah! quelle horreur! — Какъ дамъ dit
bon ton

Такъ подло называть un fils joli garçon.

Дурьломъ.

Того гляди ей, ей сударки наши Руски

Во вкусъ введутъ даваешь молитву по Французски.

Пора и мнѣ съ двора; — такая тѣма заботъ,

На цѣлой день суешь сегодня полонъ ротъ.

Да врядъ еще ли я во всѣ мѣста успѣю:

Къ кандидату, — въ ряды, — а тамъ къ Архіерею!

Сусанна.

Конечно онъ васъ звалъ?

Павлина.

Не умеръ ли кто?

Дурьломъ.

Да!

Вы знаете, что я готовъ помочь всегда,

И въ радостяхъ беру и горести участие.

Сегодня пріѣзжалъ сказать свое несчастіе

Печалкинъ; — у него вчера скончалась мать.

Въ

Сусанна.

Ахъ, бѣдная! какъ жаль! — Сиротъ, я чаю,
пятъ?

Дурьломъ.

Все правда; какъ же быть. — Сиротъ самъ Богъ
устроитъ;

Живымъ пошлешь Онъ хлѣбъ, а мертвыхъ упокоишь.

Но мнѣ не до того; — онъ просишь схоронишь,

И такъ, чѣмъ весь обрядъ лучше сохранишь,

Доспашечекъ - то малъ, а взялся не умѣешь,

Увидя, что меня просишь о томъ не смѣешь,

Самъ вызвался, сказалъ: Изволь, любезной другъ,

Ты деньги пригошовъ, и жди моихъ услугъ.

Павлина.

На что же вамъ, рара, кандиперскія лавки?

Дурьломъ.

Ты слушай, да молчи, — швоей не просятъ справки;

Я знаю самъ, дружокъ, что гдѣ чему на спашъ:

Чего другаго нѣтъ, — ума - то не заняшь.

Не все могилы рыть, — захочешь посмѣяться.

Знакомой вздумалъ мой подьячій обвѣнчаться;

Богатъ онъ не богатъ, но входитъ съ кѣмъ-то въ
связь,

Не хочется себя лицомъ ударишь въ грязь,

А свадьбу онъ сыграетъ намѣренъ попышнѣ,

И сунулъ ко мнѣ, — за тѣмъ, что смышленѣ

На едаки дѣла не сыщется никто.

Реэспрь всему готовъ. — Да не забылъ ли что?

Дай разъ еще взгляну. (Читаетъ бумагу въ лисъ.)

Сусанна.

Ахъ! бабюшка, скажите,

За чѣмъ вы такъ себя напрасно тяготе?

Дурьломъ. (Сусаннѣ)

Вопъ выскочила вдругъ тоужо рс швердитъ, да вздоръ!

Выкалываетъ поди на пальцахъ свой узоръ,

А мнѣ не смѣй оппюдь указывать, Сусанна;
Я знаю самъ мораль. — Не кспаци ты жеманна.
Долгъ всякаго изъ насъ, чѣмъ смыслишь, послужишь;
Не всѣмъ дано судьбой сорокоумнымъ бышь.

Павлина.

Изъ крайности за чѣмъ въ другую намъ кидашься;
Не лгать вишь намъ веляшь, — веляшь остерегаться.

Дурьломъ.

Я фду. — Если кто пожалуетъ сюда,
Сусанна, ты прими; — госпямъ я радъ всегда.
Павлина! ты со мной. — Зафдемъ мы къ Никашки;
Я слышалъ, получилъ онъ свѣжія фисшашки;
Накупимъ, и велимъ изъ нихъ намъ сдѣлать кремъ;
Признашься, день не въ день, коль сладко не поѣмъ.

Я В Л Е Н І Е 4.

Сусанна. (Одна)

Ушли; — дадимъ просторъ душѣ и размышленью. —
Что пользы принесли все въ жертву просвѣщенью,
Безъ помощи чужой образованъ себя,
Жишь въ мірѣ, ничего мірскаго не любя,
Коль надобно еще за крестъ такой въ награду
И дома злыхъ скорбей всегда бояшься яду? —
На что намъ Небеса таланты раздаютъ,
Природа съ Божесвомъ на насъ щедроты льютъ,
Коль въ самой пишинѣ, рокъ злой гошова муку,
Опъ насъ другимъ и намъ опъ всѣхъ наноситъ
скуку?

Разнообразны шакъ всѣ нравы у людей,
Что въ шочности съ другимъ не сходствуетъ ни
чей;

И съ юности перцѣшь дни горестнаго вѣка
Есть подвигъ выше силъ простаго человѣка!
О Радинъ! — еслибъ ты души моей не зналъ,
Когда бы для меня въ себѣ ты не вмѣщалъ
Всего, что можешь бышь любезно во вселенной,

Минушмь не снесла судьбы своей спѣсненной!
 Коль некому любви любовью заплашишь,
 То жизнь не шакъ сладка, чѣмъ ею дорожишь.
 (Слуга входитъ)

За чѣмъ? —

С л у г а.

Пріѣхалъ гостѣ.

С у с а н н а.

Кто?

С л у г а.

Радинъ.

С у с а н н а.

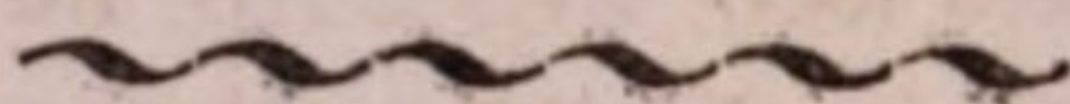
Дома, дома.

С л у г а. (Въ сторону)

Ворошился опарикъ, — чѣмъ не было садама.

С у с а н н а.

Чѣмъ ты бармочешь тамъ; — ему себя не ждашь.
 Поди, скажи, что я сюда велѣла звать.
 Какъ случай иногда любви даетъ защиту!

Я В Л Е Н І Е 5.

С у с а н н а и Р а д и н ъ.

С у с а н н а.

А, здравствуйте! — Чѣмъ я обязана визиту
 Нечаянну совсѣмъ.

Р а д и н ъ.

Хоть рѣдко въ этотъ часъ
 Пріемъ бываетъ здѣсь, — но ѣхавъ мимо васъ,
 Не могъ я уперѣшь, чѣмъ съ вами не видашься.
 А башюцка вашъ гдѣ?

Сусанна.

Поѣхалъ прогуляться,
Сестрица съ нимъ, и я ихъ скоро жду назадъ.

Радинъ.

Какой счастливой мигъ! — Сусанна! какъ я радъ,
Что можно мнѣ его дѣлить съ тобой одною!
Встрѣчая весь вашъ домъ съ огромною толпою
На балахъ, гдѣ великъ приличія законъ
Иль съ дамой сшапъ въ кадрили, иль съ картой
сѣсть въ бостонъ,
Я жизнь свою тогда лишь только ощущаю,
Когда хоть крапкой мигъ съ тобою раздѣляю!

Сусанна.

Я въ нѣжныхъ чувствахъ сихъ сама не уступлю;
Ты знаешь, какъ тебя я искренно люблю!
Ты знаешь, что одно къ родителю почтенье
До нынѣ дѣлитъ мое съ тобой соединенье;
И вѣрь, что чѣмъ бы свѣшъ мнѣ пышной ни поль-
стилъ,
Ты болѣе всего въ немъ будешь вѣчно миль!

Радинъ.

Жестокой швой отецъ всю мысль мою смущаетъ!
Хваля меня въ глаза, заочно презираетъ.
Сегодня былъ у васъ поутру Леспигонъ?

Сусанна.

Не знаю, можетъ быть; — старинной другъ намъ онъ.

Радинъ.

Я слышалъ отъ него, что будто въ разговорѣ
О клобѣ, Старшинахъ и въ самомъ жаркомъ спорѣ
Коснулась какъ-то рѣчь до моего лица;
Хотѣлъ онъ своего усовѣстить отца,
Но тошъ вдругъ зашумѣлъ, и такъ . . .

Сусанна.

Обыкновенно;

Мы къ этому давно привыкли совершенно.

Р а д и н ъ.

А между тѣмъ меня къ себѣ пускаешь въ домъ;
 Цѣлуешь и бранишь, все вмѣстѣ Дурыломъ:
 Припворспива разобрашь не смышлю я шакова.
 Добро бы говорилъ о немъ я что худова,
 Или бы иногда въ пріятельскомъ кругу
 На щепъ его шушилъ; — нѣтъ, испинно не лгу,
 Что я, простя его со мной поступки спранны,
 Въ немъ вѣчно буду чшишь — родителя Сусанны.

С у с а н н а.

Пріятень опзываетъ мнѣ такой въ устахъ твоихъ;
 Спайайся бышь учтивъ. — Что нужды до другихъ. —
 Повѣрь, что для души чувствительной и нѣжной
 Спокойства тишины одинъ залогъ надежной
 Есть собственное въ насъ признаніе свое,
 Что милое для глазъ — достойно для нее.

Р а д и н ъ.

О вѣрный другъ! будь мой всегда пугеводитель!
 Ты дней моихъ краса, ты геній мой хранишель!
 Давно бывъ обрѣченъ къ несчастію судьбой,
 Едва я спалъ дышащъ, уже былъ сиротой;
 И юностью своей господствовать не зная,
 Наглядкою одной жить въ свѣтѣ привыкая,
 Тебѣ лишь одолженъ развитіемъ ума:
 Богатство безъ него бѣднѣе, чѣмъ сума.
 Бесѣдою твоей полезной и пріятной
 Я такъ былъ увлеченъ, что кинулъ кругъ раз-
 вращной,

Гдѣ юноша, ни чѣихъ упрековъ не стыдясъ,
 Съ пороками крѣпимъ неразрушиму связь.
 Опъ скользкихъ ты путей меня осерегала;
 Жизнь дали Небеса, — ты сердце воспишала:
 Оно принадлежишь единственно тебѣ!
 Владыкой спавъ его, будь богъ моей судьбѣ!
 Свяжи ее съ своей узломъ любви сердечнымъ;
 До гроба будешь твердъ, за гробомъ будешь вѣч-
 нымъ!

С у с а н н а.

Такъ, вѣчнымъ! — Я клянусь не быть женой ни чьей;
 Иль жишь и умерешь супругою своею!
 Я слышу шумъ, — прости. — Любовь не преступ-
 пленье;
 Но въ чемъ у насъ вины не сыщешь подозрѣнье?

Р а д и н ъ.

Прости, сердечной другъ! (Одинъ) Чѣмъ намъ смяг-
 чить напасть,
 Которою грозить родительская власть?
 Есть способъ . . . . но боюсь, . . . , удастся ли —
 не знаю.
 Форшуна! помоги! — Авось! къ тебѣ взываю!

*Я В Л Е Н І Е 6.**Р а д и н ъ и Л е с т и г о н ъ.**Л е с т и г о н ъ.*

Ба! Радинъ! — я тебя совсѣмъ не чаялъ здѣсь.
 Что дѣлаешь ты шумъ, когда нашъ городъ весь
 Со всѣхъ сторонъ теперь въ свое Собранье скачетъ,
 А бѣдной Дурыломъ съ печали чуть не плачетъ.

Р а д и н ъ.

Вы видѣли его.

Л е с т и г о н ъ.

Сей часъ меня завезъ
 Съ Павлиною сюда; и вѣришь ли, безъ слезъ
 Не могъ проѣхать клобъ. — Какая, право, жалость,
 Что всякой день его крушитъ такая малость.

Р а д и н ъ.

Я дорого бы далъ, чтобъ могъ ему помочь.

Л е с т и г о н ъ.

Послушай же меня! — Ты любишь его дочь?

Р а д и н ъ.

Люблю ли? — Безъ ума!

Л е с т и г о н ъ.

Такъ сдѣлай славно дѣло.

Здѣсь должно поступишь проворно, быстро, смѣло

Р а д и н ъ.

Совѣшу вамъ не лѣзя безчестнаго подашь;

И такъ скажишь, — все готовъ я предпринять.

Л е с т и г о н ъ.

Догадкою кривой ты совѣсти не мучай;

Безчестнаго здѣсь нѣтъ, — смѣшной, но вѣрной
случай.

Ты знаешь ходъ спраспей, тебѣ извѣстенъ свѣтъ;

Удачъ и неудачъ ищи ты въ нихъ секретъ.

Несчастной Дурыломъ на клобъ повредился;

Сегодня годъ какъ онъ Директорства лишился,

И приспащешьдесять пять разъ мнѣ полковалъ,

Какъ этимъ оскорбленъ, всѣмъ уши набрюзжалъ:

Тамъ выборъ ввечеру. — Ты въ лучшія вѣзжъ дома,

Тебѣ всѣ удалцы редушныя знакомы;

Кому перебивашъ, — барышъ вишь не великъ;

А въ выборахъ во всѣхъ даетъ побѣду крикъ:

Попробуй какъ нибудь, не лѣзя ли ухищришься,

Чтобъ снова Сшаршиной ему въ редутъ явишься.

Не ужь то Сшаршина и впрямъ Персидской Шахъ!

Пускай съ своей мечтой онъ будетъ въ дуракахъ;

А ежели ему всѣ кинуть въ пользу балы,

То къ ужину сговоръ, — и полешать бокалы:

Увѣренъ въ епомъ такъ, какъ въ томъ, что здѣсь
сшою

И мысленно уже твое здоровье пью.

Р а д и н ъ.

Я самъ было попалъ на эту мысль и прежде;

Но если обманусь въ шель сладостной надеждѣ,

Кодъ онъ худой усѣхъ въ вину мнѣ обратишь,

То можешь бышь къ себѣ и вѣдшь запретишь.

Лестигонъ.

Пустое, — ничего испоршить шѣмъ не можешь,
 Напрасно лишь себя сомнѣніемъ превозишь;
 Опважься и спупай, — на славу все поидеиъ.
 Коль вхати, шакъ пора, чу! шеспи часовъ ужъ бьешъ.
 Пусть выберутъ его, — ручаюсь совершенно,
 Что будетъ за тобой Сусанна непременно.

Радинъ.

Лечу, мой другъ, лечу свой жребій рисковатиъ.

Лестигонъ.

Не рѣдко въ жизни мы должны va tout игратиъ.

~~~~~  
 Я В Л Е Н І Е 7.

Лестигонъ. (Одинъ)

Прекрасной молодецъ! — Хоти въ полъ и не воинъ,
 Невѣста жениха, женихъ ее достоинъ.
 По счастью, что ея душевныя красы
 Не соблазняютъ здѣсь гусарскіе усы!
 Но гдѣ же нашъ спарикъ? — куда запропастился?
 А, вотъ никакъ и самъ съ покупками явился.

~~~~~  
 Я В Л Е Н І Е 8.

Сусанна, Павлина, Дурыломъ и Лестигонъ.

Дурыломъ.

Велите все прибрать, и бархати и парчи,
 Конфекты снести въ буфетиъ, — Попу отдатиъ свѣчи;
 Къ поршнихъ занеси шафшу и нишки съ шелкомъ,
 Да молвишъ не забудъ въ поварѣ нашей полкомъ,
 Чтоби завтра, слышишъ ли? намѣшъ себѣ на лбу!
 На свадьбу припасли миндальную шрубу,
 Для похоронъ купью...

Лестигонъ.

Какая смѣсь прекрасна!
Куда такой припасъ?

Дурыломъ.

Печалкина несчастна
Скончалась, и ее мы завтра опподемъ.
Другой бы наплевалъ; — въ характеръ моемъ,
Суровости такой Богъ не далъ опъ природы;
О ближнихъ не жалѣшь способны лишь уроды.

Лестигонъ.

И такъ, чшобъ доказать намъ горести свои,
Для ближнихъ мы должны заказывать кушья?

Дурыломъ.

Какъ хочешь разумѣй, а я какъ понимаю
Объ ешомъ лучше васъ.

Лестигонъ.

О Боже мой! — Я знаю,
Чшо въ васъ ошибокъ нѣтъ; напрошивъ каждой шагъ
Такъ вѣрно разочшенъ, чшо топчасъ и въ оврагъ.

Дурыломъ.

Сусанна, кто здѣсь былъ?

Лестигонъ.

А свадьба чья такая,
Къ копорой, слышалъ я, печется дорогая
Миндальная шруба?

Дурыломъ.

Чшо слово, шо вопросъ!
Не кажется ли вамъ, чшо пишете допросъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ?

Паслина.

Гара, вишь вы забыли
Для крему захватить двѣ палочки ванили.

Дурыломъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ такъ; — но будетъ кремъ, не
бось.

Ахъ! память у меня спановится хоть брось.

Лестигонъ.

Павлина! свадьба гдѣ?

Павлина.

Не мудрые фасоны,
А папиньку съ упра въ опіцы звалъ посажены
Какой-то копеистъ.

Лестигонъ.

Никакъ онъ вырылъ кладъ?

Дурыломъ.

Видь деньги не твои. — Не били ли ужъ въ набатъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ? — Чпожъ ты не оше-
чаешь?

По Руски говорю, — иль ты не понимаешь?

Сусанна.

Гопова я была вамъ, бапюшка, сказаъь,
Что . . . .

Павлина.

Папинька, кудажъ прикажете дѣвать?

Дурыломъ.

Павлина, замолчи! — Вы всѣ никакъ рехнулись;
Дай ей договорить.

Лестигонъ.

Хоть разъ бы улыбулись;
Сердишься всякой часъ лишь шолько портишь
кровь
И гонишь навсегда вонъ изъ дому любовь.

Дурыломъ.

Да эшаго-то я весь вѣкъ свой добиваюсь;
Любовь есть сущій бредъ. — Я часто даже каюсь,

Что поводъ дѣшамъ далъ о спраспи разумѣть.
Романовъ накупилъ, — шеперь куда ихъ дѣтъ?
Любовь чума въ семьѣ, въ которой дѣвокъ много!

Лестигонъ.

Любви счастливой путь, и скапертью дорога!

Павлина. (Сестрѣ)

А намъ пришлось сказать: — аминь, и дѣлу край!

Дурьломъ.

Добьюсь ли, кто здѣсь былъ? — (Павлинѣ) Молчи и
не мѣшай.

Сусанна.

Давно на языкѣ, сказать вамъ безъ обмана,
Что Радинъ заѣзжалъ.

Дурьломъ.

Къ чему не кстапи рано?

А! видно между васъ давно соглашенось;
Однакожъ вамъ меня не проведши, не бось!
Тебѣ за нимъ не бытъ, — даю честное слово.

Сусанна.

Несчастье для меня испытывать не ново;
Но ежели мнѣ бытъ за нимъ не суждено,
То въ бракъ вступишь со мной всѣмъ будешь мудрено.

Дурьломъ.

Такой же далъ отвѣтъ, что вижу я, въ романѣ
Какой нибудь Эгмондъ какой нибудь Марьянъ.

Лестигонъ.

И вѣрно тамъ же естъ, что какъ отецъ ни лихъ,
А дочь была за шѣмъ, кто суженой женихъ.

Дурьломъ.

Ты скоро дочерей со мной научишь драться.
Ашъ двадцать Лестигонъ какъ началъ съ нами
знашся,

И вѣчно не могу тебѣ я опучить,
Чтобъ за носъ ты меня не пробовалъ водить.

Лестигонъ.

Дерзнулъ я когда разсудкомъ вашимъ править,
И васъ въ числѣ людей обыкновенныхъ ставить?

Дурьломъ.

О небо! — Лестигонъ! — не дай всего сказать.

Лестигонъ.

Трагедію никакъ вамъ хочется сыграть.
Исполнить я готовъ боярскую вашу волю;
Косцюмовъ только нѣтъ, а впрочемъ знаю ролю.

Сусанна.

Хоть для ради меня уймися, Лестигонъ,
Для Радина.

Дурьломъ.

Моей рукой погибнетъ онъ!

Лестигонъ.

Піэса началась . . .

Павлина. (Опцу)

Увы, та соеиг зачахнетъ!

Лестигонъ.

Поширѣ спаньте всѣ, — здѣсь смертной казнью
пахнетъ.

Дурьломъ.

Что слышатъ ты меня привелъ, ужасной рокъ!
Еще ли жребій мой не досыта жестокъ?
Подите обѣ прочь, опъ глазъ моихъ сокройпесь!
Коль спѣшь не спыдно вамъ, шакъ Неба вы
побойтесь!

На по ли васъ училъ и пѣть и шанцовать,
И разнымъ языкамъ, чтобъ за мужъ отдавать
За жителей земли совсѣмъ непросвѣщенной,
Гдѣ клобной позабылъ уставъ мой несравненной!

Самъ Радинъ чшо за шварь? — Породы темной сынъ,
 Ассессоръ безъ заслугъ, безъ знами дворянинъ.
 Задонскія мои всѣ волоспи чшо скажущъ,
 Когда въ моихъ зящьяхъ имъ Радина покажущъ?
 Нѣтъ, нѣтъ, зимой въ Москву, — шамъ Графы и
 Князья.

Павлина.

Графинею будешь ты . . . . Принцессой буду я!

Лестигонъ.

Теперь кинжалъ мнѣ въ бокъ за дерзкія измѣны,
 И положенье лицъ прекрасное для сцены.

Дурыломъ.

Подише! — не могу я больше видѣть васъ.
 (Они уходящъ.)

~~~~~
 Я В Л Е Н І Е 9.

Дурыломъ и Лестигонъ.

Лестигонъ.

Какъ свѣтъ спойшъ, такихъ не видывалъ проказъ.
 Прекрасно съ дочерьми комедію играешь,
 Морочишь ихъ съ лица, съ изнанки самъ спра-
 даешь,
 И думаешь, тебя совсѣмъ здѣсь не поймушъ;
 Меня не проведешь: — въ умѣ швоемъ редушъ
 Всѣ думы помушилъ. — Вошъ, не было печали,
 Какъ люди говоряшъ, да черши накачали.
 Спокойся; на ушко скажу пріятну вѣсть:
 Сегодня Спаршины тебѣ воздастся честъ.

Дурыломъ. (Въ сторону)

Уже ли правда то? — О радостъ! — восхищенье!
 (Вслухъ)

Пустая лишь молва, кошорой разглашенье

Я спавлю ни во что. — Въ моихъ уже лѣпахъ
Спокойство находить не кспашъ въ суепахъ.

Лестигонъ.

Напрасно для меня схватился ты за маску;
Довольно на лицѣ твоёмъ замѣшилъ краску,
Чтобъ видѣшь, что ты весь опъ радости не свой.
Повѣрься мнѣ, съ души притворство все долой.

Дурьломъ.

Такъ, вижу, что не лѣзя скрыватьсѣ мнѣ съ побою;
Ты вѣчно вынешь все, что спрячу за душою.
Но вѣренъ ли сей слухъ? — Какъ свѣдалъ? — Опъ
кого?

Лестигонъ.

Пустаго не скажу, ты знаешь, ничего.
Несешся эша вѣспъ съ обѣденнаго часа;
Она вѣришь спокрашъ оракула *Халхаса*.

Дурьломъ.

Но кто такой *Халхасъ*? — Пожалуй безъ запѣй,
Оракулы всѣ прочъ, скажи мнѣ поскорѣй,
Какіе вдругъ пуши къ Директорству открылись?
Враги мои со мной еще не примирились;
Ихъ паршія сильна, — примѣръ ужъ былъ таковъ,
И въ ящикъ накладушъ мнѣ черныхъ тѣму шаровъ.

Лестигонъ.

Все слажено; — но ты не говори ни слова.
На выборъ взялся просить того, другаго
И мнѣніе людей важнѣйшихъ согласишь
На то, чтобъ Старшиной тебѣ въ редушѣ бышь,
И промаха не дастъ, — слуга твой безпримѣрной
Со всѣми въ клобъ другъ, ходапай самой вѣрной.

Дурьломъ.

Ну, кто же?

Лестигонъ.

Опгадай.

Дурьломъ.

Чай Радинъ?

Лестигонъ.

Онъ и есшь.

Каковъ же? .

Дурьломъ.

Молодецъ. — Въ немъ видны разумъ,
чесшь;

И испинно такихъ талантовъ превосходныхъ
Ни въ комъ не нахожу у нашихъ благородныхъ.

Лестигонъ. (Въ сторону)

Вотъ такъ-то въ жизни сей, любя свои мечшы,
Мы всѣ и всякой день ворочаемъ лисшы.

(Въ слухъ)

Теперь, прошивъ него смягчивъ свою досаду,
Придумаешь долженъ шы и дочери награду.

Дурьломъ.

Конечно, почно такъ, — потчасъ увижусь съ ней;
А шы спѣши въ редушь, и хитросшыю своей
Пронюхай, какъ пойдушъ дѣла мои въ Собраньи,
Чего мнѣ ждашь, — мои исполняпсяль желаньи:
Пожалуста узнай, и все мнѣ Расскажи,
Чшо давній шы мнѣ другъ, сегодня докажи.

Лестигонъ.

Ты Радину, не мнѣ, обязанъ. . . .

Дурьломъ.

Знаю, знаю;

Скажи, чшо я его люблю и почишаю;
Чшо дочь моя, коль я сегодня Спаршина,
Его . . . (Закашлялся)

Лестигонъ.

Ну, чшо потомъ? —

Дурьломъ.

Жена, сударь, жена!

(Уходишь.)

Я В Л Е Н І Е 10.

Лестигонъ. (Одинъ)

Поѣхашъ хлопоташъ! — Я буду радъ сердечно,
 Когда свершу свой планъ; — вѣкъ жить не лзя без-
 печно.

Задонской дворянинъ хопъ чванился казной,
 Но смысломъ не богашъ, и сущій ноль душой.
 Онъ шѣшилъ дочерей пряпьемъ и всякимъ вздоромъ;
 Появился женихъ, — опкажешъ всѣмъ соборомъ.
 Сусанну подъ вѣнецъ пора, да и пора!
 Павлина пригожа, но взбалмошна, скоро;
 Пусшь опытомъ она свою познаешъ должностъ:
 Терпѣнье нашъ урокъ, учитель оспорожностъ!
 Но какъ не хохоташъ надъ спранныостью такой,
 Что для того, чтобъ бышь въ редущѣ Спаршиной,
 Опецъ вѣнчаешъ дочь, и самъ въ своей неволѣ
 Изъ бѣдъ двухъ лицъ шворишь счастливѣйшія доли?
 О мудростъ! аксіомъ ты вѣрной изрекла:
 Нѣшъ худа безъ добра, и нѣшъ добра безъ зла.

ДѢЙСТВІЕ III

ЯВЛЕНІЕ I.

Сусанна и Дурьломъ.

Дурьломъ.

Сусанна! я хочу поговорить съ тобою.
Давно пора твоей заняться мнѣ судьбою,
И чувствую, что ты въ такихъ уже лѣтахъ,
Въ копорыя кипишь огонь любви въ сердцахъ;
По совѣсти скажи, — я другъ тебѣ не ложной, —
Съ кѣмъ здѣсь находишь ты союзъ себѣ возможной?

Сусанна.

Сказавъ о томъ вамъ разъ, я видѣла вашу гнѣвъ;
Чпожъ пѣсню повтораю на томъ же все напѣвъ?

Дурьломъ.

Прости, я иногда бываю очень занятъ,
И то и сѣ меня со всѣхъ споронъ ширяютъ:
Тамъ ждушъ моихъ трудовъ торжественны вѣнцы,
Здѣсь просятъ моихъ рукъ печальны мершвецы;
Не знаю, какъ меня спаетъ еще доселѣ!
Урвавшись отъ суешъ, поговоримъ о дѣлѣ.
Кто нравишься тебѣ изъ здѣшнихъ жениховъ?

Сусанна.

Ошвѣтъ на сей вопросъ для васъ уже не новъ.
Одно скажу всегда, хошь это васъ шревожишъ:
Счастливою меня лишь Радинъ сдѣлашъ можешъ.

Дурьломъ.

Не спорю, — Радинъ здѣсь имѣетъ репутее,
Худаго слова нѣтъ о нравѣ, объ умѣ,
И я давно швою къ нему замѣшилъ нѣжностъ,
Его къ тебѣ любовь, къ услугамъ мнѣ прилѣжностъ;

Но Радинъ не такой породы человекъ ,
 Чѣмъ знашностью своей украсишь могъ твой вѣкъ.

Сусанна.

Для счастья на что вся суешность породы? —
 Спокойной уголь, другъ, и прелести свободы
 Леснѣе для моей чувствительной души,
 Чѣмъ знашной алфавитъ. — И въ мирной той глуши,
 Въ которой жишь себя всегда приготавлила,
 Родилася, росла и гдѣ передавала
 Мнѣ силу нѣжныхъ чувствъ сама родная мать,
 Къ чему породы мнѣ въ супружествѣ искашь?
 У трона ей цѣна, — вдали совсѣмъ другая;
 Порода тамъ профей, — химера здѣсь пустая.

Дурьломъ.

И вышелъ все романъ! — Ты лжешь сама себѣ.
 Какъ будущее знашь? — Быть можешь и себѣ
 Сто случаевъ такихъ фортуна пригостишь.

Сусанна.

Нѣтъ, бабюшка! она въ пошлемкахъ насъ не
 ловишь;

А я спокойной духъ такъ много берегу,
 Что къ солнцу подь лучи за ней не побѣгу.

Дурьломъ.

Добро, положимъ такъ, — пускай ты здѣсь за-
 гинешь,

И съ мужемъ обнявшись, вселенную всю кинешь;
 Но Радинъ небогатъ; — безъ денегъ-то, мой другъ,
 Не взмилится тебѣ и сладостной досугъ.

Со мною ты выросла на кремахъ, да на шорпахъ,
 Привыкла щеголять, брянчать на клавикордахъ;
 А тамъ на столъ лапшу съ тусыней подадешь,
 Капоты всѣ прощай, adieu навѣкъ редуешь.

Сусанна.

Богатство на меня не дѣйствуетъ такъ сильно;
 Гдѣ мало прихожей, тамъ въ нужномъ изобильно.

Сколь часто нищета сквозь пышности видна!
 Довольства не даетъ сохранная казна;
 И если пожелаешь, что въ разумъ ни попало,
 Повѣрьше, всѣхъ владыкъ сокровищъ будешь мало.

Дурьломъ.

Однакожъ хорошо, когда доспашокъ есть:
 Накупишь и родни, друзей, — заслужишь честь.

Сусанна.

Гвилая та родня и всѣ знакомства въ свѣшѣ,
 Которыя корысть имѣють на примѣшѣ;
 Въ нихъ также какъ въ моряхъ приливъ свой и
 опливъ:

Волна бѣжитъ шуда, гдѣ самъ хозяинъ чивъ.
 При машущѣ, когда вы праздники давали,
 Друзьями были всѣ; — шеперь, какъ перешали,
 Хошь шѣ же люди здѣсь, — но ѣздишь ли къ намъ кшо?
 Забросяшь карпу разъ, и полно, да и шо,
 Когда денекъ хорошъ, дороги сухи, гладки;
 Не правда ли?

Дурьломъ.

Все вздоръ, сударыня; — нападки!
 Совсѣмъ не ошъ шого я въ городѣ запалъ;
 Редушь меня, редушь прокляшой доконалъ.
 Когда бы кшонибудь въ немъ форсу снова наддалъ,
 Увидѣла бы ты, какую пыль я задалъ.

Сусанна.

О Радинѣ никакъ у насъ вишь рѣчь зашла?

Дурьломъ.

На ешомъ пунктѣ ты совсѣмъ съ ума сошла;
 Подумай-ка пушемъ; съ побою въ чемъ онъ ро-
 венъ?

А мнѣ всего пошнѣй, что онъ малочиновень.

Сусанна.

Рѣшась въ деревнѣ жишь, на шолъ чиновъ желашъ,
 Чшобъ въ рамахъ за стекломъ сосѣдямъ показашъ

Папешы на стѣнѣ, и хвастахся въ госпиной
Пуспыхъ своихъ заслугъ нарядною личиною?

Дурыломъ.

Ты все несешь свое! — Знай, у кого малъ чинъ,
Въ избѣ ли, во Дворцѣ, — шопъ жалкой господинъ.

Сусанна.

Какъ вамъ угодно! — Здѣсь опъ сердца повторяю,
Что въ мірѣ ни чиновъ, ни знаши не желаю.
Дни вѣка своего безъ Радина сгублю;
По васъ я никого споль сильно не люблю!
Онъ чеспень, добръ, уменъ, — мнѣ нравишься умѣешь.
За нимъ не много душъ, — но душу самъ имѣешь,
Которая во всемъ съ моею такъ сходна,
Что кажешся у насъ у двухъ она одна.

Дурыломъ.

Твой Радинъ мнѣ какъ колъ спалъ въ горлѣ, — не
проглотишь.

Ей! вспомнишь и мои слова, — да не воропишь.

Сусанна.

За шяжкой ставя грѣхъ себѣ прогнѣвать васъ,
Изъ воли вашей я не выпущлю ни разъ;
Но долгъ велишь сказать вамъ, — рано, или поздно,
За нимъ вездѣ мнѣ рай, — и адъ вездѣ съ нимъ
розно.

Я В Л Е Н І Е 3.

Сусанна, Дурыломъ и Павлина.

Павлина.

Ахъ, папинька! — я къ вамъ, и съ новостью боль-
шой!

Видъ знаете ли? — Вы въ редушѣ Спаршиной!

Дурыломъ.

Откуда, не слыхашъ, дошли такія вѣсши?

Павлина.

Такъ точно, я могу увѣришь васъ по чесши.
Сусекиной одна дѣвченка къ намъ зашла;
Она на щемизешъ узорчики брала
У Диксманши, — а та ей какъ-то проболталась,
Что вамъ дѣйствительно въ Дирекшоры досталось.

Дурыломъ.

Умѣла бы держашъ ты ешо про себя.

Павлина.

Да чпожъ шупъ за секретъ?

Дурыломъ.

Молчи, не до тебя!

Павлина.

Я думала, рара, вамъ эшимъ подслужись.

Дурыломъ.

Анъ худо разочла! — За чѣмъ такъ шоропишься.
И Диксманша и ты, и дѣвочки всѣ врутъ!
Какъ могутъ они знатъ, кому шары кладутъ?
Не всякой вишь молвъ на свѣтѣ должно вѣришь;
Народъ вездѣ лукавъ, — умѣетъ лицемѣришь.
Нарочно иногда такую пуспяшь вѣспъ,
Чтобъ послѣ въ дураки ловчѣе было ввесъ.

Павлина.

Какъ рада буду я, коль эшо справедливо!

Сусанна.

Ты сущее дышя!

Дурыломъ. (Въ сторону)

Какъ жду неперпѣливо!

Павлина.

И радости та соеиг семейной веселюсь.

Дурьломъ.

Вы кровь моя, опъ васъ ни въ чемъ не пощаюсь!
Такъ, дѣши! эшопъ слухъ въ воспоргъ меня при-
водитъ,

И сердце ходенемъ ошъ радости все ходишъ!
Редушъ мнѣ здѣшній милъ, — онъ духъ живошво-
ришъ,

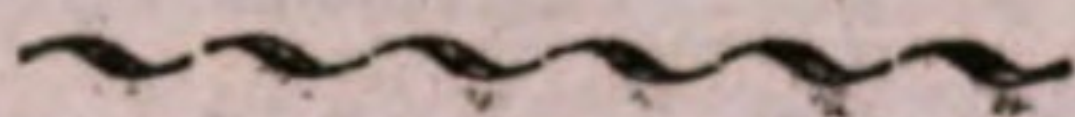
Директорской пишущей, превыше прочихъ льстивой;
Мнѣ любо, признаюсь, размашистой рукою
Подписывать себя на каршахъ Старшиною,
Печашать, раздавать, кому хочу, бидеть!
Какія суебны, когда дають банкеты!

То шопъ меня, другой о распорядкѣ просяшъ,
Всѣ кланяюща, всѣ до неба превозносятъ!

И этого-то я былъ счастія лишень!

Хлѣбъ въ душу мѣ не шелъ, — и день и ночь смущень.

Но если не сшупилъ на счетъ мой кто нарочно,
Болъ вправду я опять Директоромъ. . . .

Я В Л Е Н І Е 3.

Тѣ же и Лестигонъ.

Д е с т и г о н ъ. (Перебивая рѣчь)

Такъ точно !

Смнѣнья въ епомѣ нѣтъ !

Дурьломъ.

О верхъ моихъ утѣхъ!

О радостнѣйшій день!

Д е с т и г о н ъ.

Съ шобою право смѣхъ.

Д у р ы л о м ъ.

Скажи, любезной другъ, какъ это все спеклося?

Павлина.

Вы видѣли, мое пророчество сбылось.

Лестигонъ.

Все такъ произошло, какъ давеча сказалъ.
Не вовсе безъ хлопотъ, но ихъ я оптадаю;
И правду чшобъ сказахъ тебѣ чистосердечно,
Обязанъ одному ты Радину конечно.

Павлина.

Ma sœur vous entendez? — Да чшожъ ты такъ
блѣдна?

Сусанна.

Не ксташи пристаешь, — и шушка не смѣшна.

Дурьломъ.

Кшо Радину помочь?

Лестигонъ.

Любви всемошна сила!

Такіяль чудеса она производила?

Сусанна. (Въ сторону)

Досшойнѣйшій мой другъ!

Дурьломъ.

Все ешо обинякъ.

Пожалуй разскажи въ подробности мнѣ, какъ
Шель выборъ въ Старшины?

Лестигонъ.

Не ужъ ли ты не знаешь?

Или моимъ словамъ еще не довѣряешь?

Такъ слушайше!

Сусанна.

Едва я духъ перевожу!

Дурьломъ.

Молчишежъ, ни гу - гу!

Лестигонъ.

Всю повѣсть расскажу.

Тамъ нынѣ былъ обѣдъ, и всѣ перепилися,
По каршочнымъ споламъ попомъ разобралися:
Кшо въ вискъ, а кшо въ боспоиъ, — иной понпи-
ровалъ,

И пуншемъ каждой свой убышокъ запивалъ; —
Вдругъ въ залу прилешѣлъ, какъ воронъ ждущій крови;
Нашъ Радинъ, — сѣлъ въ углу и понасупилъ брови;
Межъ шѣмъ, какъ хмѣль свои вывѣпривалъ пары,
Диксманъ гошовилъ споль и ящикъ и шары.
Изъ всѣхъ домовъ пошчасъ съѣзжашься спали Члены,
И разныя въ лицѣ казалися перемѣны,
Зашла о Спаршинахъ неугомонна пря,
И всякой шупъ занесъ чуху свою на зря.
На Радинѣ лице румянцомъ заиграло,
Зардѣлся молодець, — и сердце воспылало!
Бросаяся ко всѣмъ, гдѣ крикнешъ, гдѣ шепнешъ,
Хватъ ящикъ со стола, и самъ шары несешъ:
Отвагою шакой собранье изумленно,
Неволею за нимъ какъ будшо увлеченно,
Кидаешъ бѣлой шаръ шому, о комъ просилъ,
И Радинъ наконецъ свой подвигъ совершилъ!
Изъ ящика при нѣ шары шамъ вынимали,
И Члены, ихъ сочшя, всѣ въ голосъ закричали:
Сшо двадцашъ пашъ шаровъ! — Дирекшоръ Дурь-
ломъ!

Я бросился сюда. — Тамъ полкъ идетъ о шомъ,
Кому явишья здѣсь опъ имени Собранья,
Вамъ Рѣчью возвѣспишъ о почести избранья.

Дурьломъ.

Хошѣлъ бы знашъ, кого нарядяшъ на примѣръ?

Лестигонъ.

О выборѣ шакомъ на выборъ и курьеръ
Пришлешся — и я чай, что Радинъ, главной воинъ,
Одинъ лишь чеспи сей бышъ можешъ удосшоеинъ.

Я В Л Е Н І Е 4.

*Тѣ же и Сусекина.**Сусекина.*

Узнавши сей моментъ. . . .

Лестигонъ.

Я васъ предупредилъ.

Сусекина.

Не можешь это быть. — Мондоръ мой приходилъ
 Въ пошу какъ въ мылѣ весь, — меня въ испугѣ
 будишь —

Легла было я спать: — ахъ, маминька! кто будишь
 Опять здѣсь Сшаршиной! — Узнайте! — Дурьломъ!

Дурьломъ.

Ай малой! мнѣ его отецъ бывалъ знакомъ.

Лестигонъ.

Надѣнь, сударь, кафтанъ; — такъ просто не годишься
 Приняшь къ себѣ посла.

Дурьломъ.

Да, надо нарядиться.

Прощу меня простить! — я выду на часокъ.

Что дѣлать, — суеша! — а скинуть сершучекъ.

Я В Л Е Н І Е 5.

*Сусекина, Сусанна, Павеллина и Лестигонъ.**Сусекина. (Въ сторону)*

Покажемъ, что и мы науку міра знаемъ;
 Кому не лѣзя опмспить, того всегда прощаемъ.
 (Въ слухъ)

Вы видите, что я не памятую зла.

Хоть пронули меня сегодня до зѣла;

По случай не шаковъ , — и безъ него бы вѣчно
Не помирилася я съ вами всеконечно.

Сусанна.

Сусекина ! мнѣ жаль , что ты , начавши споръ ,
Хотѣла съ нами вдругъ поссориться за вздоръ.

Лестигонъ

А что такое ?

Сусанна.

Такъ , не спойшь повѣщенья ;
Не всякую вину исправишь извиненъе.

Лестигонъ.

Твои проказы знашь , Павлинушка , мой свѣтъ ?

Павлина.

Да ! — дѣло началось съ того , какижъ мы лѣтъ.

Лестигонъ.

О ! съ дамами въ годахъ избави Богъ считаться.
Вамъ двумъ не будешь спа , не правдаль ?

Павлина.

Можешь спасться.

Лестигонъ.

По сколько же кому по розницѣ смѣкнущъ ?

Павлина.

Мнѣ минешь . . .

Сусанна.

Ты опяшь пожаръ гошова вздушь.

Лестигонъ.

Не ссорьтесъ , и въ ранжиръ ! — Я вижу депуташъ
Директору несущъ регалии богаты :

Ключи ошъ погребовъ , и ящичекъ съ казной . —

Сусекина ! — тебѣ не ѣхать ли домой ?

Сусеккина.

Ахъ, батшка мой! за что немилость вдругъ такая?
Я также посмотрѣшь хочу, какъ и другая.

Лестигонъ.

Чего?

Сусеккина.

Какъ будешь Рѣчь рассказывать ему;
Вишь я таки, мой свѣшь, хошь что нибудь пойму.

Лестигонъ.

Повѣрь мнѣ, что и шопъ, кто въ школахъ вѣкъ
свой прешся,
Въ торжественныхъ Рѣчахъ и толку не добьешься!

Я В Л Е Н І Е 6.

Тѣ же и Радинъ; за нимъ Дворянинъ безъ
словъ, Диксманъ и швейцаръ.

Радинъ. (Сусаннѣ)

Сегодня для меня день радости большой!
Да будешь награжденъ мой трудъ своей цѣной,
И люшая судьба, преславши бышь суровой,
Въ сей часъ намъ, можешь бышь, гошовишь жребій
новой.

Сусанна.

Пріятно мнѣ себя той мыслию ласкать,
Что, можешь бышь, тебя супругомъ спану звать;
Но можешь ли мнѣ бышь въ тожъ время и не больно,
Что наглою шушкой здѣсь . . .

Радинъ.

Винювенъ я невольно!

Поняшемъ мнѣ упрекъ любезнѣйшей моей;
Но могъ ли безъ того назвать тебя своей?

Увы! къ намъ времена шолко были спроги,
 Чпо къ счастію не зрѣлъ иной себѣ дороги,
 Какъ шу, которой я въ одинъ рѣшился мигъ
 Ударишь прямо въ цѣль, и можешь бышь доспигъ.

Лестигонъ.

Доспигъ, увѣренъ будь; — дано уже мнѣ слово.

Сусанна.

Какое? — опъ кого? — Не мучь ты насъ. . .

Лестигонъ.

Опцово!

Теперь мнѣ объясняшь все это недосугъ.

Сусанна.

О, какъ одолжены тобой, почтенной другъ!

Лестигонъ.

Чпо знаете о томъ, вы виду не кажите;
 Соспавыте взоръ, лице, наружноспію лгите:
 Чпо дѣлашь? — Радинъ пусть комедію свою,
 Какъ въ клобъ зашвердиль, при насъ сыграешь всю;
 Здѣсь въ домѣ все подъ часъ зависить отъ минушы,
 И обстояшельства бываюшь очень крушы.

Радинъ.

Да гдѣ же и не такъ? — и счастье и бѣда
 Находятъ на людей отъ фарсы иногда,
 И выше всѣхъ лепить, кто сладку пустошь мѣ-
 лишь,
 Или кто жестко спать — а мягко очень спелишь.

Диксманъ.

Извольте по мѣсшамъ, — идетъ нашъ Спаршина;
 Проспоръ ему! — просторъ!

Радинъ.

Гдѣжъ Рѣчь? — А! вопъ она!

Л е с т и г о н ъ.

Ну, Радинъ, возглашай! — мы всѣ пропянемъ уши;
Пришлось никакъ играть Мольеровъ Мамамуши.

(Во время этой сцены между Леслигономъ, Сусанной и Радинымъ Павлина и Сусекина суетяшся и занимающся приготовленіемъ покоя къ параду.)

~~~~~

Я В Л Е Н І Е 7 и послѣднее

*Сусекина, Сусанна, Павлина, Дурьломъ,
Радинъ и Леслигонъ.*

(За ними поодаль дворянинъ, Диксманъ и швейцаръ. — Дворянинъ держитъ ящикъ съ казною, Диксманъ ключи на блюдѣ и билеши, швейцаръ съ своимъ жезломъ въ ливреѣ.)

Р а д и н ъ. (Важнымъ видомъ)

Въ собраніи Дворянъ давно носился гласъ,
Что шло Спаршины похищено у васъ
Безъ права, безъ причинъ и въ слѣдствіе раздора,
Смутившаго чины гражданскаго собора;
Семнадцать слишкомъ лѣтъ швердили и швердяшъ,
Что былъ при васъ редушъ шоржесшвенъ и богашъ,
Съ восшоргомъ помняшъ всѣ дни вашего правленья;
Но завистъ, не храня къ заслугамъ уваженья,
Когда, какъ бурный вѣпръ несется на кого,
Заразою все шлишъ дыханья своего! —
Подобны времена и въ Греціи бывали,
Невинныя не разъ въ подсолнечной страдали:
За правду Ариспидъ изверженъ изъ Аѳинъ,
Извержены вы здѣсь шакъ шочно изъ Спаршинъ!
Преемники по васъ шолико важной власши
Редушу нанесли жестокія напасши:
Порядокъ весь изчезъ, — нарушенъ нашъ ушавъ,
Жилищемъ шшаль крамоль вседневной храмъ забавъ;
Ошвыкли на пирахъ вкушашъ миндальны шрубы,

И Членамъ за споломъ давали яспвы грубы;
 Казался слаще имъ монашескій укрутъ;
 Спрадали чувства всѣ: вкусъ, зрѣніе и слухъ. —
 Прошекъ искусовъ годъ — и всякой восхищался,
 Чшо выбору Спаршинъ срокъ новой приближался;
 Сегодня собрались — и каждое чело
 Чиспѣйшей радостью внезапно процвѣло:
 Хошѣлось всѣмъ, чтобъ вы вновь были Спаршиною.
 И ящикъ и шары пошли въ походъ со мною; —
 Шипѣли кое гдѣ змѣи издалека,
 Но слава вашихъ дѣлъ какъ быспрая рѣка,
 Въ ущелины загнавъ сихъ гадовъ ядовитыхъ,
 Готовила позоръ для недруговъ сокрытыхъ. —
 Въ Царьградѣ не бывалъ столь шумень иподромъ.
 При имени швоемъ, почщенный Дурыломъ!
 Лепѣли въ ящикъ всѣ шары ко мнѣ на право,
 И шопъ моменшъ, когда я вскрикнулъ величаво:
 Директоръ Дурыломъ! вошъ бѣлыхъ спо шаровъ!
 Моменшъ сей, признаюсь, въ Собраньи былъ шаковъ,
 Чшо онъ въ лѣпописяхъ редушъ нашъ воспрославишъ,
 Нопомспво нашимъ днямъ завидовашъ заспавишъ.

Д у р ы л о м ъ.

Ошѣвшиспвовашъ шеперь я съ духомъ не сберусь, —
 Языкъ мой онѣмѣлъ; но внутренно горжусь,
 Чшо чесшью взысканъ здѣсь толико превосходной!
 Хошя я Дворянинъ законной и природной,
 Хошя я на Дону имѣю семьсотъ душъ,
 И множество скоша, и яблонъ шѣма и грушъ,
 Но въ знакъ усердныхъ чувствъ къ Собранью пре-
 словушу
 До гроба посвящишъ гошовъ себя редушу.

Р а д и н ъ.

Теперь позволше мнѣ опъ сердца изъяснишъ,
 Сколь счаспливъ я, чшо могъ вамъ шипло возвѣспишъ,
 Къ кошорому никакъ не лзя бышъ равнодушнымъ,
 Признаніемъ когда дано единодушнымъ.

Дурьломъ.

Я чувствую вполнѣ всю цѣну шѣхъ услугъ,
За кои буду вѣкъ вамъ искреннѣйшій другъ!
Отправля эшикетъ, поговоримъ сердечно.

Радинъ.

По сердцу вамъ гошовъ принадлежащъ я вѣчно!
Оно, сударь, меня единственнo влекло
Искашъ удачи въ томъ, что здѣсь произошло.

Сусенинъ.

Объ этомъ городъ весь сегодня же услышитъ.

Лестигонъ.

И всѣхъ подъячихъ онъ чѣмъ свѣтъ въ редушъ за-
нишетъ.

Диксманъ. (Тихо)

Пришлось и мнѣ его опять решекшоващъ.

Дурьломъ.

Ну, Нѣмецъ! подспунай. — Ты масперъ вишъ бол-
ташъ.

Радинъ. (Подводитъ Дворянина)

Товарища я вамъ представитъ честь имѣю.

Дурьломъ. (Тихо Радину)

Увольте отъ Рѣчей, — я ихъ не разумѣю.

Радинъ.

Угодно ли шеперь вамъ вещи осмотрѣшъ,
Что въ вѣдѣнъи своемъ обязаны имѣтъ:
Сохранную казну, билеты, списокъ балогъ....

Диксманъ.

Ключи отъ кладовой, застольной и подваловъ.

Дурьломъ. (Радину)

Покорнѣйше, сударь, за трудъ благодарю.
До завпраго . . .

Сусанна.

Узнашь судьбу свою горю!

Диксманъ.

Прошу принять и мой поклонъ всенижайшій!

Дурьломъ. (Осанисто и важно)

Тебѣ бы сдѣлать могъ я выговоръ спражайшій;

Для радости пардонъ. — Но просимъ не забыть:

Въ колодезь не плевать, — случился въ немъ ис-
писъ.

Диксманъ. (Иронически)

Я преданъ былъ всегда и буду всей душою!

При васъ пойдемъ редушъ манерою другою,

И славно будешь все . . .

Дурьломъ.

Не старая пора!

Прощай, Monsieur Диксманъ. (Экономъ уходитъ.)

Лестиеонъ. (Въ сторону)

Вездѣ, какъ у Двора,

Есть свѣчка дураку, кадило жгушъ уроду,

И чванамъ и льстецамъ нигдѣ нѣтъ перевода.

Дурьломъ.

Теперь чины всѣ прочь. — Шампанскаго! бокаль!

Поздравьше всѣ меня, — опять я паномъ сталъ.

Сусеккина.

Бывало я въ редушъ ни разу не сберуся;

Теперь не пропущу, — и на годъ запишуся.

Дурьломъ.

Вотъ такъ-то, нашихъ знай! — Такъ, барыня, люблю!

Ранехонько съ утра къ вамъ съ Диксманомъ пришлю

За подписомъ своимъ билетъ на починъ.

Сусеккина.

Зависшиковъ моихъ число прибудешь нынѣ.

Сусанна. (Въ сторону)

И больно, и смѣшно, и весело — все вдругъ.

Дурыломъ.

Да чпожъ ты, Лестигонъ, задумался, мой другъ?

Лестигонъ.

Я жду, чпобы твои бокалы показались.

Однакожъ, братъ, вишь мы еще не расквипались;

Я Римскую люблю пословицу швердишь:

Давъ слово Дворянинъ, въ немъ споекъ долженъ бышь.

Дурыломъ.

Павлина, прикажи ты спарому Ефрему,

Чпобъ подалъ намъ уже хорошенькаго крему.

Лестигонъ.

Да ксшапи слова два примольше о кушь.

Дурыломъ.

Спасибо, что объ ней напомнили вы мнѣ.

Хотя не до того, признашь въ этомъ можно,

Но все таки свой долгъ позабывать не должно;

Я радость и печаль въ одно совокуплю,

На свадьбу попаду, — и выносъ не просплю.

Сусеккина.

Великой мужъ вездѣ занятіе находишь.

Лестигонъ. (Въ сторону)

Какой шому досугъ, кшо вѣчно колобродишь.

Радинъ.

Прекрасная вездѣ видна души черта!

Полезнымъ бышь для всѣхъ — похвальна суеша!

Лестигонъ.

Но что ни говори, а подарить-то надо

За добру вѣспъ посла!

Радинъ.

Бышь имъ — моя награда!

Лестигонъ.

Прекрасныя слова, — вездѣ слыхалъ ихъ я;
 Но баснями у насъ не кормяшъ соловья:
 По Руски, Дурыломъ, ты съ нами обходися,
 И слова не давай, а давши — такъ держися.

Дурыломъ.

И ксшапи вошъ бокаль. — Да, сколько ни полкуй,
 Пришлось виднѣ пѣшь: — Ісаіе ликуй!

Лестигонъ.

Рѣшися и объявляй, — на что такъ долго вздоришь!
 Гдѣ сердца данъ приказъ, уму не переспоришь.

Дурыломъ.

И такъ поздравьте всѣ невѣсту съ женихомъ;
 Во мзду за то, что ты обрадовалъ мой домъ,
 Сусаннѣ бытъ твоей женою позволяю,
 Досады позабывъ, причину ихъ прощаю.

Лестигонъ. (Пьетъ здоровье)

Прекрасно подарилъ! — Вивапъ, нашъ Спаршина!
 Налей мнѣ пополниѣй; я выпью весь до дна.

Сусанна.

Ахъ, башюшка! могла я ждашь такого счастья?

Лестигонъ.

Пріяшнѣй солнца намъ по многихъ дняхъ ненастья.

Радинъ.

Чѣмъ можемъ мы воздашь, дражайшій нашъ опецъ,
 За нѣжной сей союзъ влюбленныхъ двухъ сердецъ!

Дурыломъ.

Ну, пейте, пейте, знай! — вино сударь прекрасно;
 Смошрите, какъ кипитъ!

Р а д и и ъ.

Любить такъ буду страстно!

С у с а н н а.

Меня, меня одну, — и будетъ каждой часъ
Казаться рай опверсшъ, мой милой другъ, для насъ!

Л е с т и г а н ъ.

Онъ счастливѣй теперь Владыки Испагана.

П а в л и н а.

Рара, я молода, рѣзва, мнѣ замужъ рано;
Однакожъ и меня вамъ должно подарить.

Д у р ы л о м ъ.

На радости такой Павлину какъ забыть?
Чегожъ тебѣ? Тюрбанъ? —

П а в л и н а.

Нѣтъ, бѣленьку бумажку;

Я шпенсеръ закажу, куплю себѣ фуражку,
И выйду верхомъ, чѣмъ весь кричалъ базаръ:
Смотри, какой лепишь пригоженькой гусаръ!

Д у р ы л о м ъ.

Ребенокъ! — какъ молодъ ты дряни не соскучишь!
Фуражки не бываешь, — а денежки получишь.

С у с е к и н а. (Съ бокаломъ)

Дай Богъ вамъ жить, да быть, да дѣшокъ наживать,
А вамъ здѣсь Старшиной безсмѣнно вѣковать.

Д у р ы л о м ъ.

Такіе Старшины, за келью здѣсь признаешь,
Вѣками на Руси, Сударыня, родящая.

Л е с т и г а н ъ.

Дошолъ и моего привѣтствія чередъ.
Желаю, чтобы вы и нынче и впередъ

Свершили весь вашъ вѣкъ вполне благополучно,
 Сердцами за одно, другъ съ другомъ неразлучно;
 Дѣтей своихъ, внушая успѣли воспитать,
 И чувства имъ свои прекрасны передашь!

Р а д и н ъ.

Я слово не найду мое благодаренье
 Столь живо изъяснить . . . .

С у с е к и н а.

Какое восхищенье!

Д у р ы л о м ъ.

Воспорга своего вмѣспить я не могу!

Р а д и н ъ. (С у с а н н ѣ)

А я лишь для тебя всѣ чувства берегу.

С у с а н н а.

Гдѣ общая любовь, начало шамъ блаженства.

Л е с т и г о н ъ.

Такъ точно, безъ любви ни въ чемъ нѣтъ совершен-
ства,

И слабостямъ своимъ, хоть видима бѣда,

Кпо дани не плашилъ на свѣтѣ иногда?

У всякаго конекъ. — Но шопъ, кпо безъ искусства,

Подобно какъ и шы, въ избыткѣ сладка чувства

Умѣешь дни другимъ пріятные дарить,

Сноснѣе для меня, коль правду говоришь,

Чѣмъ геній естества, котораго всѣ спраши

Колеблешь цѣлой міръ и спроютъ лишь напасши.

Д у р ы л о м ъ.

Разскащикъ хоть куда, — за шо его и взяшь.

Добро, пойдемъ за споль. — Ну, будущій мой зять,

Посмотришь, какъ свой чинъ за ужиномъ прославлю:

Миндальную шрубу съ узорами поставлю.

Наѣмся, и въ постель. — Ужь то-то оддохну;
 Годъ цѣлой такъ не спалъ, какъ въ эту ночь засну.
 Поплакали, — пора приняться и за шушки.

Лестигонъ.

Сумяпицей такой начавъ и кончивъ шушки,
 Оспанешся желанъ хорошаго всѣмъ сна.

Дурьломъ.

Есть правда на землѣ, — когда я Спаршина!!!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ОТЧАЯНІЕ БЕЗЪ ПЕЧАЛИ,

ИЛИ

ТАКЪ ВОДИТСЯ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Печатана св дозволенія Минисперства

Полиціи

Декабря 7 го 1817 года.

Эту комнатную піэсу написалъ я въ угоду-
ность одному пріятельскому обществу, кото-
раго имѣлъ нѣкогда удовольствіе быть чле-
номъ. Карпина людскихъ обычаевъ того вре-
мени дала мнѣ матеріалы; но работа была
безуспѣшна, потому что ее нѣсколько разъ
читали, а ни одного не играли изъ уваженія
къ благоприсойности. Не успѣлъ я ее со-
чинить, какъ дѣйствительно умеръ одинъ
родственникъ того семейства, куда собирал-
ся кругъ нашъ. Тогда располагались давать
на театрѣ того общества благородной спек-
такль; я самъ былъ въ числѣ актеровъ. Въ
назначенный для зрѣлища день приѣзжаю я
въ театръ; со мною вся моя гардероба. Уже
предвкушалъ я то удовольствіе, которое про-
изводяще рукоплесканіе зрителей и восторги
сопосарищей, какъ вдругъ усапой швейцаръ
объявляетъ мнѣ, что театръ отъказанъ.
Какъ? — отъ чего? — На миллионъ вопросовъ
слышу одинъ отвѣтъ: „такой-то скончался.“
Между тѣмъ я уже въ гостиной, сопровож-
даемъ сомнѣніемъ; — тамъ увѣрился я на-
конецъ, что и подлинно наша комедія не со-
стоится, и что покойникъ слишкомъ близ-
кой дому родня, чтобы можно было заба-
вляться тогда, какъ около изсохшаго шуло-
вища его приготавливается зрѣлище совсѣмъ
другаго рода. Quel guignon! сказалъ я; од-
нако гардеробу отослалъ домой, глаза попу-

пилъ внизъ и сѣлъ у печки. О, какую бы написалъ я тогда, по мнѣнію моему, славную Диссертацію на счетъ предразсудковъ, еспѣлибъ имѣлъ я перо и досугъ заниматься вмѣсто живыхъ, меня окружавшихъ, мертвымъ! — Подлинно! — Онъ никогда не ѣзжалъ въ эшотъ домъ, не извѣстенъ былъ лѣтъ 30 уже никому, и вспомнили въ Московской публикѣ о существованіи его нѣкогда въ ней по тому только, что объявленіе о смерти его было какъ бы афишей, затворившей входъ въ театръ всѣмъ тѣмъ, кои къ оному съ билетами подѣзжали, — а прекращая удовольствіе общее для смерти частнаго человека, котораго едва ли жалкому нибудь, казалось мнѣ тогда самымъ безразсуднымъ дѣломъ; но въ свѣтѣ водилъ поступать иначе, и свѣтъ передѣлать трудно; — а по тому спанемъ соображаться съ его обычаями, доколѣ они еще не болѣе тягостны, какъ опмѣна комедіи. — И такъ скоропостижная смерть дяди сдѣлала невозможнымъ представленіе моей комедіи, по тому что, хотя она написана была гораздо прежде его кончины, и конечно я не одаренъ былъ, писавши ее, волшебнымъ вдохновеніемъ, однако многіе могли бы подумать, что она сложена послѣ, и что дядюшкино преставленіе подало причину комедіи. — Мое самолюбіе не доходило до той степени, чтобъ потребовать пожертвованія себѣ сего подозрѣнія, и еспѣли оно обрашилось только въ предлогъ къ отказу разыграть та-

ную піэсу, копорая кромѣ того недоспой-
на была нінакого вниманія, то я долженъ
пріятелямъ моимъ оспаться обязаннымъ на-
всегда и за то, что они такъ нѣжно по-
щадили авторскую щекопливость. — Вошъ
испорія сей комедіи! — Есшъли почипашъ
справедливымъ то, что мы наслаждаемся жи-
знію гораздо болѣе въ воспоминаніяхъ о про-
шедшемъ, нежели ощущеніемъ наспоющаго,
опнося мысль сію къ однимъ забавамъ, то
можелъ бытъ старые мои друзья прочшупъ
комедію эту въ печати съ нѣкопорымъ чув-
спвомъ удовольствія, въ лестномъ ожиданіи
чего я умножилъ ею послѣднюю Часшь мо-
ихъ сочиненій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГОСПОЖА ИНДОЛАНТОВА.

МАННА ЕВТРОПОВНА САМОПРЯДОВА.

АМУРА АПОЛЛОНОВНА ИСКОРКИНА, дочь ея.

Г. БОСТОНКИНЪ, игрокъ.

Г. МАЗУРКИНЪ, франтъ.

ВИКУЛЬ МЕРКУЛЫЧЪ ЗАСЫПАЕВЪ, *bel esprit*.

ГОСПОДИНЪ КОМИФО.

ШВЕЙЦАРЪ.

ПАРАША, служанка.

ПАРИКМАХЕРЪ ФИЛЬКА.

Дѣйствіе въ домѣ Гжи. Индолантовой.

Я В Л Е Н І Е 1.

Театръ представляет будуаръ Гжи. Индолантовой, въ которомъ всякое щегольство комнатнаго убранства придумано. Она лежитъ на дюшесѣ и почиваетъ; проснувшись, звонитъ, и начинаетъ сцену.

Индолантова. Ахъ! какъ я долго проспала. Параша! чѣмъ ты меня не разбудила?

Параша. Я, сударыня, и не знала, что вы за-почивали; я васъ оставила за книгой.

Индолантова. Которой часъ?

Параша. Еще рано; только семь часовъ было сію мину.

Индолантова. Не былъ ли кто здѣсь?

Параша. Тотчасъ, сударыня, спрошу Швейцара.

Индолантова. Позови его самого.

Я В Л Е Н І Е 2.

Индолантова, сперва одна, потомъ входятъ Параша и Швейцаръ.

Индолантова. Нѣтъ! всѣ эшѣ книги мнѣ не нравятся. Гжа. Радклифъ пугала привидѣніями, а нынѣшнія сочинительницы на Метафизикѣ съ ума сошли. Я хочу читать что нибудь повеселѣе; я и такъ часто въ ипохондріи. Какъ душно здѣсь, что ужасъ. Подойди сюда. Кто здѣсь былъ?

Швейцаръ. Пріѣзжали, Сударыня, молодые господинъ Развѣнчаевъ съ супругою, и оставили карточки.

Индолантова. Ахъ! какіе они несносные!
(Берепъ билеты) Дай сюда!

Швейцаръ. Викуль Меркуловичъ заѣзжалъ, и велѣлъ доложить, что чрезъ часъ онъ къ вамъ будетъ, а теперь де, Сударыня, не досугъ, — ѣду на скачку.

Индолантова. Ахъ! какой онъ пошлой!

Швейцаръ. Сей часъ принесли письмецо отъ вашей сестрицы.

Индолантова. Чпожъ ты мешкалъ мнѣ его подашь; ты долженъ былъ элимъ начашъ глупую свою реляцію. Поди. — Какіе люди! Они такъ глупы, что имъ ничего не вполкуешь. (Читаетъ) „Я спѣшу, моя милая Cousine, тебѣ сказать, что завтра маскарадъ; ты догадываешься у кого. Ахъ! ma chere, выпроси у Мaman, чпобъ она меня avec vous шуда оппустила; шамъ будушь славноши, о vous n'avez pas d'idée, что это такое будетъ! Сегодня меня Мaman завезешъ chez vous, чпобы ѣхашъ на балъ. Adieu, je vous embrasse.“ — Я хочу бытъ damnée, ежели я знаю, у кого эпомъ балъ; ma cousine такая верченая, что это удивительно. — Параша!

Параша. Чего изволите, сударыня!

Индолантова. Приготовъ мнѣ имараншовое плашье; да кликни парикмахера поправишь на головѣ.

Параша. Тотчасъ, сударыня!

Я В Л Е Н І Е 3.

Начинается туалетъ Гжи. Индолантовой.

Парикмахеръ се чешетъ, Параша поминутно то за тѣмъ, то за другимъ бѣгаетъ. Швейцаръ анонсируетъ Засыпаева.

Швейцаръ. Господинъ Засыпаевъ...

Индолантова. Зови сюда. Ахъ! здравствуй мой милой! Я знаю, что ты ко мнѣ заѣзжалъ.

Гдѣ былъ, что видѣлъ? Усядъся хоть на минушу и все мнѣ расскажи.

(Во время этой сцены Индолантова, не внимая рѣчамъ Засыпаева, отвѣчаетъ ему на вѣтеръ и занимается своею ческой.)

Засыпаевъ. Куда бы я ни шелъ, кудабы ни заѣзжалъ, Подобной бы я вамъ нигдѣ не отыскалъ.

Я былъ, сударыня, на скачкѣ; ахъ! какъ шамъ скучно! вы себѣ вообразить не можете. Одна лошадь другую погоняешь, такъ *insipide*, что мочи нѣтъ! Правду сказать, въ Москвѣ часъ ось часу тощнѣе, и я готовъ хоть заспѣлился.

Индолантова. Пожалуй-спа послѣ балу, а не теперь; ты мнѣ сдѣлаешь, топ соеут, исперику, и я потеряю случай провальсировать пріятно цѣлую ночь. — Долго ли тебѣ драшь волосы? —

Парикмахеръ. Да вѣдь я, сударыня, не философъ, кругъ пальца не обернешь.

Индолантова. Онъ же и умничаешь. Какъ ты глупъ; прошу молчать и дѣлать свое дѣло.

Засыпаевъ. Что, сударыня, ежели бы я и впрямь заспѣлился, вамъ бы жаль меня было только изъ приличія.

Индолантова. Конечно! Въ какомъ же свѣтѣ ты живешь? Пишешь *des vers* всякую минушу, и до сихъ поръ не знаешь, что первое правило общежитія состоить въ томъ, чтобы сердце похоже было на вѣтреную мельницу, и управлялось однимъ зефиромъ. А, кспаши! Господинъ ученый! какъ сказать *Zerhur* по Руски?

Засыпаевъ. Не уже ли вы думаете, что для меня всякому Французскому слову нужно исполкованіе? Вы забыли конечно пѣсенку, копорую я вамъ поднесъ на вашемъ любимомъ нарѣчьи?

Индолантова. По ней-то я и сужу, что ты меня безъ переводу не поймешь.

Засыпаетъ. Смѣйшесь, сударыня, смѣйшесь надъ моимъ невѣжествомъ; но кто при васъ не подверженъ зашмѣнью.

Индолантова. Ахъ! слышала ли ты о сегодняшнемъ балѣ?

Засыпаетъ. Не только слышала, но и званъ; Тамъ будутъ, говорятъ, и танцы и огни, Сюрпризы безъ числа и радости одни. —

Индолантова. Ты не можешь вообразить, какъ все это будетъ *interessant*.

Засыпаетъ. А съ кѣмъ вы ѣдете? — Нельзя ли мнѣ пожаловать мѣсечко въ вашей каретѣ?

Индолантова. Нѣтъ, право; вѣришь ли, что насъ и такъ шестеро въ каретѣ: я, та *cousine*, — ея *cousin*, дядюшка. . . .

Засыпаетъ. А все четверо; — потомъ?

Индолантова. Можетъ быть еще кто нибудь набѣжитъ.

Засыпаетъ. Да я, кажется, и очень набѣжалъ.

Индолантова. Полно, *mon chér*, пустяки говоришь. Посмотри, тамъ на ешполикѣ новые списки лежатъ; сегодня только ихъ ко мнѣ прислали, самые свѣженькіе.

Засыпаетъ. Чьего сочиненія?

Индолантова. Прочти напередъ, а тамъ я и скажу. (Парикмахеру) Какъ ты меня ширанишь? Будешь ли конецъ?

Засыпаетъ. Извольте слушать:

Видалъ ли дамъ на нашъ манеръ,
Когда онѣ между собою
Кричатъ, сцѣпясь одна съ другою:
Ахъ! я въ опчаяньи, та *chère*!

Я пари держу, что ихъ написалъ Г. Комифъ; вездѣ желчь и насмѣшка.

Индолантова. Анъ не отгадалъ; мнѣ ихъ прислала Бездѣлушкина; она ихъ вырѣзала изъ книжки, которую ей поднесъ Любушкинъ, а издатель ея Дружбининъ.

Засыпаевъ. Ахъ, какая исторія! Скажишь-ка мнѣ лучше, какова вамъ кажется выпущенная мною на свѣтъ пѣсня? (Сказываетъ куплетъ)

Все прекрасно я сказалъ,
И къ селу мой путь направилъ;
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Я В Л Е Н І Е 4.

Тѣ же и Комифо

Комифо. Какъ это, посю пору вы дома и еще не убраны? Я удивился, найдя у васъ карету; скоро восемь часовъ, и вы еще не на балъ?

Индолантова. Кто же такъ рано на балъ ѣздитъ? Сверхъ того, я жду кузины; а между тѣмъ прекрасные слышу спихи.

Комифо. На какой сюжетъ?

Индолантова. Какъ можно спрашивать! На любовь, сударь, на любовь! Расскажи пожалуй еще!

Засыпаевъ. (Перечитываетъ.)

Комифо. Не ваши ли они, сударь?

Засыпаевъ. Опгадали. — — —

Комифо. Прекрасные; — Авторъ ихъ конечно похвалы достоинъ.

Засыпаевъ. Я весьма вамъ благодаренъ.

Комифо. Конечно за Автора?

Засыпаевъ. Однако въ самомъ дѣлѣ поздно; — мнѣ еще надо въ одно мѣсто завернуть до балу. Скоро опять увидимся, сударыня. Бога ради прѣзжайте на балъ поранѣе!

Тамъ безъ васъ, какъ безъ души,
Мы скучать лишь только станемъ;
Ахъ! пожалуй не круши!
А не то мы всѣ завянемъ.

Индолантова. Я и такъ всегда другихъ жду.

Я В Л Е Н І Е 5.

Индолантова и Комифо.

Индолантова. Понялъ ли онъ швою насмѣшку на его счѣтъ?

Комифо. Я право эшаго не примѣшилъ.

Индолантова. Ну, сударь, безпрестанной правоучишель, куда ты денешься, на балъ, или на валь?

Комифо. То есть кто ни шуда, ни сюда не попадешъ, шому ужъ и дѣваться некуда? Ошибись, сударыня; я поѣду опъ васъ домой, потуляю по саду, опужинаю, и лягу спать.

Индолантова. Ахъ, какой несносной! Жалость, жалость! Ты по чеспи на себя блажь напустилъ; — какъ эшо можно на балъ не ѣздишь и опъ публики бѣгаешь?

Комифо. Я, сударыня, ни опъ кого не бѣгаю; а не ѣзжу въ ваши большія собранія для шото, что ни я опборному свѣшу, ни онъ мнѣ ни на что не надобенъ. Въ каршы я не играю, танцовать опвыкъ, чтожъ я шамъ буду дѣлать?

Индолантова. Какъ что? Тамъ шакъ много оккюпацій для всякаго пола и возраста; но у тебѣ какой-то amour propre находишь все ридикюльнымъ, что другимъ нравится.

Комифо. Повѣрьте, что подобное дурачество мнѣ и въ голову не входитъ. Только скажите же мнѣ и вы, много ли между шакъ называемыми умными людьми найдете вы людей благоразумныхъ?

Индолантова. Развѣ эшо не la même chose?

Комифо. Думаю, что нѣтъ; пошому что умными часто слывушъ и злодѣи, а благоразумными они конечно не бываютъ.

Индолантова. Параша, подай сюда письмо моей кузины; прочши пожалуста! — Завтра маскарадъ, и ты, что хочешь пой, шолько надѣвай маску и будь мой кавалеръ.

Комифо. Охотно, съ шѣмъ только, чѣобы не ѣхатъ домой ночью, — я боюсь потемокъ.

Индолантова. Какая abomination! — Да эшаго опасаться впрочемъ нечего; мы конечно тамъ дождемся ушра.

Комифо. А на этомъ договорѣ еще меньше согласенъ. Хотя я и увѣренъ, что вы всякой безпорядокъ умѣете сдѣлать пріятнымъ, однако . . .

Индолантова. Однако я никакой не люблю конспрадикціи; прочти и ни слова больше.

Комифо. (Читая, говоритъ) Скажите, за что такія прекрасныя дѣвушки, какъ ваша сестрица, думаютъ, что коли онѣ письмо напишутъ по Руски, такъ онѣ провинятся; или вы ставили себѣ проспишельнымъ недоспашкомъ, и даже превосходнымъ дарованіемъ не умѣть ни читать, ни писать, пошому что вы любезны?

Индолантова. Все мораль! — Какъ ты мнѣ надоѣлъ! Тѣмъ-то, сударь, мы и головы вамъ кружимъ.

Комифо. А безъ того вы бы насъ привязывали.

Индолантова. Не о томъ рѣчь; чѣожъ въ маскарадѣ ѣдешь ли?

Комифо. На эшопъ? Нѣтъ, пошому что я къ нимъ въ домъ не ѣзжу.

Индолантова. Какъ! Да давно ли ты опъ нихъ былъ безъ ума; бывало, что слово, то объ нихъ. Или я ошибаюсь. Мнѣ кажется, эшопъ балъ собираешь Богачевской.

Комифо. Точно такъ; но развѣ я не человекъ, и не могу заблуждаться? — Они мнѣ неосторожно дали почувствовать своимъ обращеніемъ, что я имъ не на иное что былъ надобенъ, какъ на ихъ забавы; а такъ какъ я не ремесленникъ, котораго опускаютъ, когда онъ свою работу кончилъ, то я переспалъ къ нимъ ѣздить прежде, нежели они успѣли мнѣ показать, что я у нихъ лишній.

Индолантова. Ужь ли ты на нихъ сердишься?

Комифо. О, нѣтъ, сударыня, право нѣтъ, я никогда не требую невозможнаго; — всякой обхожденія такъ, какъ онъ смыслилъ, и что ихъ на другое обращеніе не стало, въ помѣ не они, а нашура ихъ виновата.

Индолантова. Какъ ты милъ, что ужасъ! Видѣлъ ли новыя стихи на женщинъ?

Комифо. Какіе? —

Индолантова. Вотъ они. —

Комифо. (Прочтя про себя) Не Гнѣ. ли Засыпаевъ ихъ сложилъ?

Индолантова. Конечно нѣтъ; у него есть замашка выдавать себя сочинителемъ чужихъ произведеній, такъ какъ и давшія пѣсни вѣрно не его пера.

Комифо. Что не онъ ее сочинилъ, въ помѣ я васъ могу увѣрить, — я знаю ихъ Автора; онъ имѣетъ прекрасной талантъ. Да хопите ли объ закладъ, что онъ и эти стихи за свои выдасъ?

Индолантова. Не спорю, j'е suis pour mon homme.

Комифо. Странной обычай всегда въ чужія лица наряжаться.

Индолантова. Вѣчной маскарадъ; ужь ему-то раг ехемпле никогда не скучно.

Комифо. Однако я у васъ засидѣлся; прощайте, — девятой часъ.

Индолантова. Нѣтъ, я до пѣхъ поръ тебя не опущу, пока сама со двора не поѣду. — (Парикмахеру) Уже ли совсѣмъ?

Парикмахеръ Готово. — —

Индолантова. Параша, я иду одѣваться. Пожалуйста подожди меня, и ежели пріѣдешь кузина, или кто-нибудь, такъ faites les honneurs за меня. (Швейцаръ подаетъ записку) Отъ кого? —

Швейцаръ. Отъ Амуры Аполлоновны.

Индолантова. (Читая) „Я въ опчаяніи, ma cousine; ma mere prie, чтобы вы къ ней заѣхали, — у ней какъ-то старинная amie и ей некогда меня завезти chez vous; ma charmante, mon adorabe,

сдѣлай эту amitie. Ахъ! какъ я грифонирую. Adieu au revoir.“

Комифо. Занисочка въ самомъ послѣднемъ вкусѣ. (Смѣется.)

Индолантова. Я опъ балу два шага, а поѣзжай къ нимъ, Богъ знаетъ куда, на край свѣта! Ей Богу, моя шешушка пресстранной человѣкъ! Нѣтъ, я къ нимъ напишу, чтобы она прислала ко мнѣ кузину съ няней, еспъли одное ошпустишь не смѣешь; нѣтъ ничего несноснѣе эшихъ старыхъ прюдовъ. Еще шосоль, еще записка.

Комифо. Сегодня у васъ никакъ дожжикъ письменной.

Индолантова. Я ужъ ничего не разберу; — lisez пожалуста, что шамъ еще такое.

Комифо. La visite est finie; какъ я рада, та-тап, шопчасъ fera chez vous.

Индолантова. Не уже ли обѣ записки вдругъ пришли?

Швейцаръ. Минуть черезъ пять одна послѣ другой.

Комифо. Видно вашей кузинѣ очень суебно.

Индолантова. Ахъ! еспълибъ ты зналъ, какъ мнѣ недосугъ! Ну, Параша, одѣвайся, одѣвайся. — Ты не уѣдешь однако, я надѣюсь.

Комифо. Не опасайтесь, у меня нѣтъ такихъ спрашныхъ недосуговъ, чтобы я не могъ еще у васъ посидѣть. Спранной обычай! Днемъ спашъ, а ночь всю пропрыгать; — и что они пріятнаго находятъ въ такомъ безпорядкѣ, не понимаю. Всѣ люди съ умомъ шолкуютъ имъ, что это предосудительно, медики увѣряютъ, что вредно для здоровья, ни одна пущная книга нынѣшнихъ обрядовъ не хвалитъ, злорѣчіе кидаетъ въ нихъ поминутно язвительныя стрѣлы, и при всемъ томъ жены наши и дочери успѣли выворотишь все на изнанку; вотъ и удалцы бонъ пону зачали сюда слезашься! По-смотримъ издали на ихъ любезность.

Я В Л Е Н І Е 6.

Комифо, Бостонкинъ и Мазуркинъ.

Мазуркинъ. По чести, брашець, моей мочи нѣшъ, а еще надобно скакать на балъ и всю ночь кошильонить. Слуга вашъ, сударь; а гдѣ Гжа. Индоланшова?

Комифо. Она потчасъ выйдетъ, пошла одѣвашься.

Бостонкинъ. Представьте же себѣ, что мнѣ надобно еще сыграть нѣсколько туровъ въ бостонъ у одной имянинницы, да на балъ поспѣть.

Комифо. Когдажъ эшо будетъ? около утра, я думаю?

Бостонкинъ. Чшожъ прикажете дѣлать? — Не поспѣть — вездѣ сѣшуютъ, поспѣть — способу нѣшъ; живучи съ людьми большаго свѣта, надобно подлаживають ихъ обычаю.

Мазуркинъ. Вообразить не лѣзя, что я сегодня обскакалъ; эшо удивительно!

Бостонкинъ. А я-то гдѣ былъ, — эшо невѣрояшно!

Мазуркинъ. Сперва дернулъ въ спрой, изъ спроя къ разводу, обѣдалъ у Шефа, послѣ обѣда былъ на скачкѣ, опшуда въ шеапръ, и чунъ засталъ комедию. Ахъ, какъ мерзко играли, эшого разсказать не лѣзя! Какъ смѣнись съ Парижемъ! Вы вѣрно видали Talma и du Chenois parlez moi de cela; а здѣсь гадко, мерзко. Изъ шеапра съѣхались мы съ нимъ на валу. Жаль, что и ѣздили; памъ никого нѣшъ, опричь эшаго сочинителя, какъ бишь, Викуль — — — ахъ! да, — вопъ, Засыпаевъ, которой спихи какіе-то намъ свои чишалъ; да лишь только прочель, я ударился скакать сюда. Спасибо, что корошки, — опсюда на балъ; лошадей совсѣмъ измучилъ. Да что объ нихъ говоришь, эшо скошъ, они же ямскія.

Колифо. О! такъ стало бытъ они совсѣмъ другой напуры; вѣдь ямскія лошади никогда не усыпають, не такъ какъ свои. —

Бостонкинъ. Нѣтъ, сударь, мое-то вообразище положеніе; я вездѣ тамъ же былъ, гдѣ онъ, да сверхъ того въ одномъ домѣ сыгралъ 24 шура въ бостонъ, — индо въ глазахъ зарябѣло.

Мазуркинъ. За то вѣдь ты брапець слынешь хвашикомъ; а пророс, видѣлъ ли ты новомодную кадриль?

Бостонкинъ. Вотъ хорошо; а вчерась-то мы вмѣстѣ ее репешировали.

Мазуркинъ. Ахъ! да бишь, comme je suis bete!

Колифо. (Беретъ книгу.)

Бостонкинъ. Чшожь мы здѣсь будемъ дѣлать? Поѣдемъ!

Мазуркинъ. Она пошчасъ выдешъ, и la cousine скоро сюда будешъ; — ахъ! какая она распрямилая!

Бостонкинъ. Божество. — — —

Мазуркинъ. Которой ты съ ней танцуешь конпрдансъ?

Бостонкинъ. Второй.

Мазуркинъ. А я мазурку.

Бостонкинъ. Чшо это какъ несносно танцуешь Мигалова! Я бы ей заказалъ вовсе на балы ѣздишь; совсѣмъ вальсировать не умѣешь.

Мазуркинъ. Нѣтъ ужъ, брапець, какую я вчера поддѣпилъ танцовщицу, вотъ окказія. Вообрази! Ухватишься за шею и вершишься кругомъ такъ вотъ точно, какъ на виншу.

Бостонкинъ. Помнишь ли ту кадриль, которую мы танцовали на Масляницѣ? — Сыграй ее пожалуста.

Мазуркинъ. Ахъ! какъ забышь это благополучное время! Помнишь ли je gave? Надо признайся, что тогда весело было (играетъ). Ахъ! какъ декорде, играешь способу нѣтъ!

Бостонкинъ. Не правдали, чшо весело было и во время Святковъ?

Мазуркинъ. Охъ, брашецъ, не говори мнѣ объ этомъ времени; гусарскіе усы шакъ было насъ дѣхали, чшо помилуй Господи. Пожаловали сюда съ разноцвѣтными песиками наши Парижскіе побѣдоносцы, да мы чупъ не слегли всѣ въ бѣлую горячку.

Бостонкинъ. Слава Богу, что скоро ихъ изъ Москвы вызвали къ полкамъ; а то бы они намъ вольнопрактикующимъ дансѣрамъ задали работы...

Я В Л Е Н І Е 7.

Тѣ же и Манна Еетроповна съ падчерицей.

Самопрядова. Здравствуй, мать моя! — Да гдѣ же наша хозяйка?

Комифо. Она, сударыня, пошчасъ выдешъ; просишь васъ ее подождатьъ.

Самопрядова. Оправься, Амура, шы дорогою - шо волосы поизмяла,

Амура. Нѣтъ, татап, я хорошо-сь.

Самопрядова. Вошъ, бывало въ старину, такъ ужъ мы спашъ ложимся въ эшу пору, а теперь такъ молодые - шо люди шолько лишъ жишъ начинаюшъ. Я право насилу допацилась: да чшожъ будешъ дѣлашъ, молодыхъ людей надо пошѣшишъ, вѣкъ на вѣкъ не приходишъ.

Комифо. Вѣдь вы, сударыня, на балъ не поѣдете?

Самопрядова. И батюшка, ужъ до балу ли? Мнѣ бы вошъ ее руками сдатьъ сесприцѣ, да и домой. Однако шы Амура не очень засиживайся; прѣзжай домой поскорѣе.

Амура. Эшо, татап, не въ моей волѣ, какъ та *cousine* захочешъ.

Бостонкинъ. А сесприца ваша конечно пошнараешся уѣхашъ послѣдняя.

Мазуркинъ. Съ такимъ сокровищемъ, съ какимъ она ѣдетъ, она не можетъ опасаться слишкомъ долго пробыть на балѣ. — Боже мой, какъ она мила!

Амура. Вы вѣчно мнѣ комплименты дѣлаете, — это удивительно.

Бостонкинъ. Не забыли ли вы, сударыня, о второиъ конспрдансѣ.

Амура. Да - съ, я съ вами ангажирована.

Мазуркинъ. А со мной мазурку. —

Амура. Ахъ, какъ вы insupportable, — конечно съ вами.

Самопрядова. Амура, не забыла ли ты чего; осмотришь заранѣе, мать моя, чтобы послѣ не шуришь понапрасну Фомку домой съ балу: я вѣдь не знаю, гдѣ у тебя твои наряды лежатъ.

Амура. Нѣтъ, маман; какъ вы милы! — все со мной.

Я В Л Е Н І Е 8.

Тѣ же и Индолантова.

Индолантова. Ахъ, здравствуйте, пешушка! Не прогнѣвайтесь, что я васъ заспавила подождать! Здравствуй, Амура. Боже мой, какъ вы авантажна; сюпербъ, могу сказать. Здравствуйте, господа! Что это, пешушка, такъ давно васъ не видалъ было?

Самопрядова. Ахъ, мать моя, я такъ на дняхъ расперепросудилась, что не могла съ поспели встать, и къ себѣ первой выѣхала.

Индолантова. А ты, Амура, что ко мнѣ вчера не заѣхала; мы бы вмѣстѣ на прудахъ побывали. Ты нынѣче совсѣмъ изважничалась, топ соеиг, мочи нѣтъ!

Самопрядова. Нѣтъ, мамка моя, въ этомъ она не виновата; правду себѣ скажешь, я ее вчера

не пустила: танцмейстеръ прѣзжалъ ей лекцію давать.

Комифо. (Въ сторону) Вѣдь не бось, я думаю, сшаруха-шо считаешь, что она по модѣ изъяснилась.

Индолантова. Какъ вы милы, что прѣхали; мы вмѣстѣ поѣдемъ на балъ. — Скажише пожалуйста, былъ ли кто изъ васъ на валу этими днями? Я цѣлые два дни не удосужилась шуда захватъ.

Бостонкинъ. Мы сей часъ опшуда, сударыня, и никого не встрѣтили кромѣ Г. Засыпаева.

Индолантова. Ахъ, не читалъ ли онъ вамъ стиховъ своихъ, которые у меня тамъ на сполікѣ; шущъ есть опчаяніе, та chere!

Мазуркинъ. Точно ихъ-шо онъ намъ и напачивалъ, говоря, что самъ ихъ сочинилъ.

Комифо. Ну, вошь, сударыня, не правду ли я вамъ сказалъ?

Индолантова. Могу сказать, что онъ забавенъ.

Бостонкинъ. Онъ настоящій Викулъ.

Самопрядова. Ну, мать моя, прощай; сдаю тебѣ мою Амуру съ рукъ на руки.

Индолантова. Будете увѣрены, что я ее въ цѣлоспи вамъ опдамъ.

Амура. Dittes lui donc ma chere объ маскерадѣ.

Индолантова. Ахъ, шепушка! позволъше сестрѣ со мной завтра ѣхать на балъ къ Богачевскимъ.

Самопрядова. Да я, мать моя, съ роду у нихъ въ домѣ не бывала.

Индолантова. Въ знакомствѣ нужды нѣтъ; они люди очень хорошіе; на балѣ у нихъ всегда и людно и весело. Впрочемъ я постараюсь васъ рапроширивать; она зашлетъ къ вамъ карточку, — и дѣлу край.

Самопрядова. Помилуй, мать моя, что мнѣ въ ея карточкѣ; я и безъ нее знаю имя ея и

впечество. Въ нашъ вѣкъ не важивалось вѣхашъ шу-
да, куда не просятъ; это называлось нахальствомъ.

Комифо. Напрасно вы шакъ, сударыня, это-
го бойтесь; что было безчинно въ ваше время, то
нынѣ позволено, и даже въ достоинство вмѣняется.

Индолантова. Какъ ты радъ, что можешь
дать просторъ своей мизантропѣ.

Комифо. Да развѣ я не правъ, сударыня!
Вѣдь нынѣ на балъ никого не зовутъ, а кличъ кли-
чутъ. Ыздишь ли кто къ кому, или нѣтъ, какое до-
шого дѣло; слуга развезетъ карточки, вошь и зна-
комство. Хозяинъ зажжетъ пропашъ свѣчъ, музыка
гремѣетъ во всѣхъ углахъ дома, народъ валишь со
всѣхъ концовъ города, всякой дѣлаетъ, что хо-
четъ, и вошь что называется нынѣ дашь балъ,
вошь въ чемъ состоить прѣятная свобода.

Мазуркинъ. Какъ эшотъ философъ мнѣ
надобль.

Бостонкинъ. Настоящій проповѣдникъ.

Самопрядова. Вѣкъ на вѣкъ не придетъ
конечно; да мнѣ ужъ не подь спашъ плясать по
чужой дудкѣ. Проси, мой свѣтъ! (*Цѣлуетъ Аму-
ру*) Смощи, ты не очень рѣзвись у меня на балѣ.

Амура. Нѣтъ, татап! я буду очень смирна.

Я В Л Е Н І Е 9.

Тѣ же, кромѣ Самопрядовой.

Амура. Ну, та bonne amie, она вѣрно ме-
ня не опусшитъ!

Индолантова. И, милая, полно врапъ;
если насъ сегодня позовутъ на балъ, какъ я и
увѣрена, то я шутъ же за себя слово дамъ, и bon-
gré, malgré, она тебя опусшитъ, а къ старухѣ
чѣмъ свѣтъ опправимъ карточки.

Амура. Bien imaginé! ахъ! какъ ты мила!

Индолантова. Да скажи пожалуй, что вы так дома сегодня жёшкали, что у васъ была за нервѣшимость?

Амура. У Матап, моя жизнь, были *des vî-tes*, я вѣдь тебѣ писала. Ахъ, та *cousine*, что я тебѣ уже расскажу про одного кавалера и даму, — это невѣроятно, — это удивительно.

Индолантова. И тебя давно знаю; ты всегда себя надѣлаешь такія фикціи.

Мазуркинъ. Ахъ, сударыня! что можетъ быть лучше пріятной иллюзіи? Прямое щастіе такъ рѣдко, что весьма проспишительно иногда на обманъ его польститься.

Индолантова. Ахъ, какъ ты любезнишься!

Комифо. Однако, чтобы и балъ вашъ непревратился въ фикцію, — десянь часовъ уже.

Индолантова. Какъ ты *mauvais genre*! какъ это неучтиво выгонять дамъ изъ своей компаніи. Я увѣрена, что ежели бы мы были одинакихъ лѣтъ съ Амурой, ты бы вѣрно не шоропился отъ меня уѣхать.

Комифо. Ошибаетесь, сударыня, вы любезны, а любезнымъ людямъ, особливо женщинамъ, вѣрку нѣтъ; въ разговорѣ съ ними всякой лѣта забывается.

Индолантова. Благодарить меня, что я тебѣ дала случай такъ хорошо извиниться. Я бы право сей часъ уѣхала, да на зло тебѣ еще промѣшкаю съ полчаса. Параша, вели провѣдашь, съѣзжаются ли на балъ; вѣдь это отъ меня два шага.

Мазуркинъ. А вы, сударыня, ежелибъ до сихъ поръ сыграли найъ чтонибудь и проѣли!

Амура. Я право безъ нотъ ничего не играю.

Индолантова. Ну, полно дѣлать *la petite bouche*, моя милая; терпѣть эшаго не могу; сыграй чтонибудь, что знаешь.

Амура. (Играя, поетъ *агію*.)

Индолантова. Bravo, Амура, масшерски!

Комифо. Какъ нѣжно и прекрасно!

Бостонкинъ. Чрезвычайно! — Съ какой экспрессіей! не лъзя лучше!

Мазуркинъ. Короче сказать, распребезподобно!

Параша. На балъ, сударыня, каретъ съ двадцать.

Индолантова. Видите ли, что мы не такъ-то еще опоздали. Параша! *ridicule*, перчатки; а *propos*! Мнѣ вздумалось собрать у себя концертъ изъ короткихъ пріятелей, и самой маленькой: арфа, гитара и фортепіано; это будетъ совсѣмъ въ новомъ вкусѣ, не правда ли?

Мазуркинъ. Я думаю, что это подлинно пріятной сдѣлаешь эффектъ.

Бостонкинъ. Какія вы масшерицы на всякія зашты; другой эдакой выдумщицы на забавы право нѣтъ, какъ вы.

Индолантова. За экомъ комплиментъ я съ тобою буду сегодня въ бостонъ играть.

Амура. Ахъ, *ma cousin*, онъ со мною *engagé la seconde contredance*.

Бостонкинъ. Я, сударыня, въ это время другого за себя попрошу сѣсть, есѣли вы позволите.

Индолантова. Дайте лишь дѣхатъ, мы все это аранжируемъ въ каретѣ. Вели, Параша, карету подвезти. И такъ гошовьтесь завтра на балъ.

Мазуркинъ. Безъ сомнѣнія, сударыня.

Бостонкинъ. Щасливо бы было для насъ, есѣлибъ также, какъ сегодня, могли ѣхать туда съ вами.

Индолантова. Для чегожъ нѣтъ? — Я вездѣ и всегда вамъ рада; — я думаю Амура одного со мною мнѣнія; не такъ ли?

Амура. Ты знаешь, *ma chere*, что я все то люблю, что тебѣ нравится.

Индолантова. *Surtout* пикникъ лѣтомъ, а зимой маскарадъ, для меня всѣхъ забавъ лучше.

Мазуркинъ. А! хороши и ваксалы.

Бостонкинъ. А клюбъ! Какое райское удовольствіе!

Амура. А для меня гдѣ есть балъ и вальсъ, тамъ и щастіе жизни.

Комифо. Воля ваша, я не могу утерпѣть, чтобы не укоришь васъ въ непостоянствѣ. Еще сегодня для васъ не прошло, а ужъ вы о завтрашнемъ думаете, и скучать начинаете баломъ отъ того только, что пора уже шуда вхашъ.

Индолантова. Не хошите ли вы, чтобы я въ постоянствѣ поравнялась съ вашимъ сосѣдомъ Дурькинымъ, которой, вообрази та chere, такъ constant, что кромѣ Энциклопедіи ничего не читаетъ. Прочтешъ, да сизнова, и говоришь, что очень volage перемѣняшь книги, а надо все одну читать. Каковъ мальчикъ!

(Всѣ смѣются) Ха, ха, ха, ха! — —

Швейцаръ. Карета гошова, сударыня!

Индолантова. Ну, поѣдемъ-ше, пора; прощайте, сударь, суровой любитель женщинъ, желаю вамъ une bonne nuit и хорошій сонъ. (Идетъ и ворочается) Ахъ, постойте, постойте на минуточку! Боже мой! какъ я affeurai, что ужасъ. Цѣлой вечеръ одѣвалась, и что ни лучшее забыла, а вы господа не примѣчаете.

Мазуркинъ. Мнѣ кажется, все при васъ.

Бостонкинъ. Вы все взяли съ собою.

Амура. Il ne vous manque rien, та chere.

Индолантова. И! какіе вы несносные! Бѣкъ около дамъ вершишесь, у пѣши шуалешовъ въ день перебиваете, а не умѣете догадаться, что было я дома забыла.

Бостонкинъ. Не марки ли бостонныя?

Индолантова. Такъ, кто чѣмъ занятъ, у того шо и въ головѣ.

Комифо. Позвольте мнѣ опгадать!

Индолантова. Извольте! — — —

Комифо. Съ вами нѣтъ саншиману.

Амура, Бостонкинъ. Ахъ! и подлинно, il a raison.

Индолантова. Опгадали, сударь. Я его забыла дома для того, что вы въ немъ оспавались.

Комифо. О женщины! какъ вы милы, когда вы хотите нравиться! —

Индолантова. Параша! ты шакъ засовалась, что забыла мнѣ саншиманъ подашъ; принеси поди.

Параша. Которой прикажете?

Комифо. (Смѣется) О! неподобной вопросъ!

Индолантова. Вчерашній! — — —

Мазуркинъ. Какъ, два дни сряду все одинъ.

Бостонкинъ. Это слишкомъ постоянно.

Комифо. Позвольте же теперь спросить, копорой саншиманъ вы для меня оспавляли дома?

Индолантова. Вы слишкомъ мешант, чтобъ я вамъ опвѣчала, — оспавляю на догадку. Adieu! поѣхали! поѣхали!

Амура. Я думаю, что мы прїѣдемъ послѣднїя.

Индолантова. Я по чести эшаго бы желала. Вообрази! въ полночь на балъ, два кавалера съ нами, а мы только что изъ за шуалеша: какъ эшо будешъ interessant.

Амура. Безподобно! —

Мазуркинъ. Прекрасно! —

Бостонкинъ. Чрезвычайно! —

(Бостонкинъ ведетъ Индолантову, а Мазуркинъ Амуру, и всѣ выходятъ.)

Я В Л Е Н І Е 10.

Комифо. (Одинъ) Прошу искашь въ эшихъ сердцахъ привязанности; прошу ожидашь опъ нихъ чувствительности въ замѣну любви страстной; прошу выскивать способы пронуть ихъ душу и возбудить въ нихъ хотя малѣйшее къ себѣ вниманіе. О, какъ умно ты оказалъ, милый и справедливой писатель:

Часть IV.

Ж

O femmes, comme on s'abuse,
 En esperant vous enflammer;
 Tout vous distrait, tout vous amuse,
 Vous n'evez pas le tems d'aimer.
 (Уходитъ; а на театрѣ выходятъ Швейцаръ,
 Параша и Филька и прибираютъ комнату.)

Я В Л Е Н І Е 11.

Параша, Швейцаръ и Филька.

(Во всю эту сцену свѣчи гасютъ и оставляютъ одну, или двѣ, и лѣнивымъ образомъ прибираютъ покои.)

Параша. Слава Богу, на силу поѣхали! Вели же прибрать кому нибудь.

Швейцаръ. Эка жизнь какая проклятая! Цѣлой день торчи въ сѣняхъ, дѣла не дѣлай, опъ дѣла не бѣгай, инда ногъ не услышишь; легко ли сегодня какъ меня шурили!

Парикмахеръ. Нѣшъ, а мнѣ шакъ ужъ больше всѣхъ доспалось. Давича барыня не даетъ гребнемъ пронуть, вершился по шуда, по сюд, да еще требуетъ скорой чески; нѣшъ, шущъ развѣ какого Француза дай, шакъ и пошъ рошъ разинешъ.

Параша. Ужъ мнѣ эти подбѣгашели, да волокиты пошнѣй всего; опъ нихъ и я на силу могу уйши, — по и дѣло, что приспаяютъ, и у меня у самой пѣна у ршу. Вѣдь вошъ тецерь часовъ до пяти шамъ просидятъ, я должна раздѣшъ ее, а завшра гошовишъ новое платьѣ въ маскерадъ.

Швейцаръ. Вамъ обоимъ все хошъ ушромъ можно опдохнушъ, вѣдь госпожа проспешъ до вечеренъ.

Парикмахеръ. А шы что, не бось, шакже не проспешъ.

Швейцаръ. Нѣшъ, посмошрѣлъ бы шы еште съ ушренной зари молокососы-по давишнѣ зачнущъ

пуришь, по пошь, по другой: иной письмо шлешь, иной на словахъ приказываешь; ну, какъ же ты ошойдешь? Способу нѣтъ!

Параша. И что у нихъ за разговоры и за пересыдки, поняшь не могу; всякой день вмѣстѣ и все не наговоряпся. — Чу кто-то прѣхалъ.

Швейцаръ. Кому прѣхашъ; теперь, я чаю, всѣ пляшутъ до кроваваго поту: а это знашь кареты оппустили сюда спояшь по близости.

Парикмахеръ. Ну, у Мазуркина какая хвастская чешвершка, все бѣгуны.

Швейцаръ. Слуга сказывалъ, что по двѣсши плапашъ на мѣсяцъ.

Параша. Лошади щегольскія, а ѣздишь — экава труса и не сыщешь.

Швейцаръ. А ты по чемъ знаешь?

Параша. А вошь недавно барыня моя куда-то съ нимъ ѣздила за городъ и меня брала съ собой, — такъ чуть не плачетъ назадъ ѣхавши; знаешь, темно спало на дворъ, а мѣсяца — то нѣтъ, такъ не радъ ни чему.

Парикмахеръ. Охъ, какъ-то онъ одинъ разъ съ слугой своимъ схватился, такъ я живописки надорвалъ смѣючись. Поѣхали, видишь ты, они въ госпи къ кому-то въ деревню, да далеко что-то ему показалось, а ночь-то ихъ захватила; кучеръ на лошадей кричитъ, а лошади приспали; онъ кучера въ спину, а слуга прижался на запяшкахъ, да и кричитъ ему: знавши, сударь, свой обычай, вы бы лучше не ѣздили никуда въ деревню. Мало вамъ мѣста въ Москвѣ; — слава Богу! есть куда ѣздишь-то; понеси васъ Господь за городъ, да ночью; ужь бы вы лучше не зашѣвали. — Ну, я, слышь ты, какъ онъ рассказывалъ, помираю со смѣху

Швейцаръ. Нѣтъ, съ нашей барыней врядъ кому угоняпся; по и дѣло кричитъ: пошелъ, и нужды ей нѣтъ, оврагъ, канава, что ли, скачи, да и полно.

Параша. Чтожъ мы здѣсь заговорились, кажешся все на мѣстѣ, пора и опдохнуть; вѣдь шеперь ихъ не жди до ушра.

Парикмахеръ. Что это имъ за радости эдакъ поздно сидѣть; кабы я былъ баринъ, я бы все ложился съ курами вмѣстѣ.

Параша. Ну, ужъ захопѣлъ ты чего; — швоей ли рожѣ быть бариномъ!

Парикмахеръ. А чтожъ такое? Не бось, развѣ я хуже Мазуркина? Что въ немъ толку? Только ногой дрягаешь, да мизинцемъ шевелишь и улыбаешься; такой истощенной, кости, да шкура, какъ будто усопшій.

Параша. И — — дуракъ, дуракъ! Да что въ дородномъ-то? Какъ къ намъ ѣздишь низовой-ашъ, шотъ, какъ бишь его зовушь?

Швейцаръ. А! Раздувайко.

Параша. Да! Пудъ во сто, да ни краснаго словца опъ него, ни смѣшной шутки; сидишь, ѣсишь, да прѣешь: куда какая забава!

Парикмахеръ. Чтожъ дѣлать-то, мапушка Прасковья Парамоновна, вѣдь не всѣмъ-то намъ умнымъ быть, какъ вы, сударыня.

Швейцаръ. Охъ! эшотъ чудакъ Раздувайко анамеднись въ жаркой день на силу вылѣзъ изъ кареши; ужъ онъ шель, шель, никакъ въ часъ добрель до госпоиной, и опдуваешься, какъ изъ воды буйволь.

Параша. Ну, куда эдакой уродъ годишся. А вѣдь давишняя-то молодежь, что ни говори, а любо слушаешь, какъ соловьи поюшь, одинъ другаго воспрѣе.

Парикмахеръ. Что съ вами дѣлать-то; хлѣбомъ не корми, да по Французски лепечи.

Параша. Пошельбы ты, добро, провѣдалъ про собаку; госпожа пріѣдетъ, ужъ вѣрно про нее хвашишся, а ее что-то давно не видашь: она безъ нее не ляжетъ.

Швейцаръ. Посмотришь на господъ, — зашѣй-то, зашѣй, конца нѣтъ! Выдумали собакъ въ

поспелъ себѣ класъ, эка невидаль! Пойшижъ и мнѣ въ самомъ дѣлѣ схрапнушъ.

Параша. Да пожалусица вели шамъ ношникъ въ сѣняхъ поставишъ.

Швейцаръ. Да гдѣ его шеперь взять? Нѣмца - то управишеля и съ собаками не сыщешъ! Господа въ карешу, а онъ на дрожки; а безъ него не опущаешъ.

Параша. За чтоже ему даюшъ по 500 рублей въ годъ?

Парикмахеръ. За что! Спроси у барыни.

Швейцаръ. Чего спрашиваешъ? Извѣстно дѣло, Нѣмецъ; небось Рускому не дадушъ. Нашимъ барямъ кошъ осла дай, да иноземца, шакъ и ладно. — Э! да не онъ ли ѣдетъ, что - то зашумѣло.

Параша. Нѣшъ, эшо никакъ кареша, а не дрожки.

Парикмахеръ. (Глядитъ въ окно) Господа, господа пріѣхали!

Швейцаръ. Вотъ шѣ на! А меня шамъ нѣшъ; ну, управишель-ашъ меня опдѣлаешъ же.

Параша. Еще разговорился; бѣги скорѣе въ низъ. Ахши, ужъ не занемогла ли барыня!

Парикмахеръ. Пойдешъ попѣха! Гадали до утра просидѣшъ, а пріѣхали прежде полночи; ужъ будешъ пыли, шолько лишъ свяшыхъ неси вонъ.

Параша. Отворяй двери, да зажигаи свѣчи поскорѣй, голубчикъ!

Парикмахеръ. А! шеперь голубчикъ, какъ пришла бѣда; а давеча, шакъ и мѣры нѣшъ!

Я В Л Е Н І Е 12.

Индолантова, Амура, Параша, Парикмахеръ и Швейцаръ.

Индолантова. (Парикмахеру) Вели намъ дашъ чего - нибудъ ужинашъ, ко мнѣ шопчасъ будешъ Мазуркинъ и Баспонкинъ; (Швейцару) пошли

къ Гну. Комифо сказахъ, что я ворошилась, и что мнѣ до него крайняя нужда. — Это шакъ несносно, что я въ себя придти не могу.

Параша. Не сдѣлалось ли вамъ, сударыня, чего - нибудь? Здоровы ли вы?

Индолантова. Ахъ, Параша, не говори; я въ такую приведена конфузiю по милости ея ма-тушки, что ни съ чѣмъ не соображу!

Амура. Матап право могла бы se passer намъ такую дурную nouvelle, и шакъ не ксташи прислать.

Параша. А что такое - съ?

Индолантова. Мы только что прѣхали, и почти не успѣли госпямъ опшлаться, какъ вдругъ къ намъ опъ нее гонецъ, что какой-то у Амуры дядя умеръ, и чтобъ я потчасъ ее съ балу къ ней завезла; я принуждена все бросить и уѣхать. Ей Богу, шакъ досадно, что я бы эшаго дядю за это не велѣла хоронить, что онъ шакъ mal - à propos умеръ.

Амура. Что бы ему стоило, ma cousine, дошянуть до завтра? Il est insupportable.

Индолантова. Какъ до завтра? ужъ лучше бы до послѣзавтра, а то бы всему помѣшалъ, все равно. Не вели, Параша, кареты опкладывать; она съ шобой доѣдетъ домой.

Амура. Ахъ, ma chere! я хощу опужинаю съ шобой! не шакъ ли моя милая, incomparable?

Индолантова. Ужъ ли же я тебя до ужина опущу? Нѣтъ, то ужъ извинише; пускай маминь-ка твоя кричитъ до зашпринь, а я съ шобой прежде бѣла свѣша не разшанусь.

Мазуркинъ. (Входитъ) Помилуйше, что съ вами подѣлалось?

Индолантова. Спроси у Амуры.

Амура. Какой-то дядюшка у меня скончался.

Мазуркинъ. Какъ же вамъ не спѣшно для такой пусшой причины уѣхать съ балу и ее съ собой увезши! Вѣрно его смерть никого шакъ не

огорчила, какъ вашъ опѣздъ меня дезолировалъ. Я только что повернулся, велѣлъ играть коншрадансъ, и пошелъ васъ искашь, анъ васъ — и слѣдъ проспыхъ.

Амура. А я какъ фаше, что вы вообразить себѣ не можете.

Мазуркинъ. Да скажите пожалуйста, развѣ дядюшка вашъ воскреснешъ опъ эшаго, что вы домой уѣхали?

Индолантова. Чпожъ дѣлать съ ситаринными людьми. Машъ ея прислала записку, хопъ пресни, да вези ее домой! Она такъ несносна съ своими капризами!

Бостонкинъ. (Входитъ) Могу сказать, очень мило вы со мной поступили! Я за вами съ часъ бѣгалъ по залѣ съ винновой двойкой, а васъ не шупъ-то было!

Индолантова. Я въ опчаяніи.

Амура. А я еще больше.

Бостонкинъ. Да опъ чего же? Можно сказать.

Индолантова. У нее вдругъ дядя умеръ.

Бостонкинъ. Попомъ?

Индолантова. И ей велѣла машъ домой ѣхать.

Бостонкинъ. Только! Смѣшны вы, воля ваша, что послушались. Развѣ мы бы не умѣли всякой своимъ манеромъ ему поминки опправишь, — вы за бостономъ, она въ кадрили; а машушка ея шамъ, какъ бы знала, такъ бы на проспорѣ и рюмила.

Индолантова. Вамъ все шупки, а мнѣ право досадно.

Бостонкинъ. Опъ чего? Чпо дядюшка — то ея умеръ?

Индолантова. Ахъ! какой шы несносной! Нѣпъ, сударь, нѣпъ; мнѣ досадно, — ахъ! что и говоришь! — Я чаю шамъ очень весело!

Бостонкинъ. Такъ скачущъ, и балъ такъ апіме, что я рѣдко эдакой видалъ.

Амура. Ахъ! та cousine, какъ я malheureuse!

Мазуркинъ. И я не меньше вашего. У меня пригопвлена была для контрадансу съ вами такая прекрасная фигура, совсѣмъ въ новомъ герге.

Бостонкинъ. А я было собрался лабешовъ десянь у васъ сорвать.

Амура. По этому, та *cousine*, мы и завтра не поѣдемъ?

Индолантова. Я право ничего не знаю; меня такъ твоя татап демоншировала, что я ничего не придумаю.

Засыпаевъ. (Входитъ) Разобидѣшь и разшерзашъ человека нельзя больше, какъ вы меня! Какъ это можно, — лишь только въ двери, да и вонъ! Вы какъ шигръ съ нами поступили.

Индолантова. Право и намъ не легче вашего.

Амура. Я въ опчаянїи.

Засыпаевъ. Я слышалъ, какой-то дядюшка у васъ умеръ? Естли я ему не сдѣлаю такой эписифїи, онъ копорой онъ . . .

Индолантова. Сызнова умирать, — не правда ли? *Quelle tete!*

Амура. Ахъ! сдѣлайте такую, чтобы онъ воскресъ; мыбы оцашъ поѣхали на балъ.

Мазуркинъ. *Charmant*, какъ вы милы!

Бостонкинъ. Удивительно! — —

Индолантова. Какъ мнѣ ни грустно, а съ тобой не лзя не разсмѣяться; ты такъ забавень, что мочи нѣтъ!

Комифо. Посланной вашъ, сударыня, такъ меня испугалъ, что я безъ души бросился сюда узнать, что съ вами случилось.

Индолантова. Я въ жизнь мою не была такъ распроена! я въ такомъ опчаянїи . . .

Амура. И я.

Мазуркинъ. И я.

Бостонкинъ. И я.

Засыпаевъ. И я ошъ общей ихъ напасти Разшерзанъ весь на мѣлки части!

Комифо. Надобно думать, что опчаяніе самое важное, когда и спихи на него поспѣли. Да что такое, пожалуйста скажите?

Индолантова. У ней дядя умеръ.

Бостонкинъ. Сей часъ. — —

Мазуркинъ. Скоропоспихно.

Амура. Какъ на смѣхъ.

Засыпаевъ. Онъ такъ умѣлъ свой вѣкъ пригнать, что имъ не удалось ни сколько поплясать.

Комифо. Конечно вамъ жаль его, сударыня, и смерть такая неожиданная васъ огорчила? Чувствительное сердце такимъ случаямъ часто подвержено бываетъ.

Индолантова. Ахъ! нѣтъ, совсѣмъ не то, вы насъ не понимаете.

Комифо. Чтожъ такое?

Амура. Намъ дядюшки *pas du tout* не жаль.

Комифо. Опъ чего же вы всѣ погружены въ такое опчаяніе!

Индолантова. Какъ же, *mon cher*, я принуждена съ балу уѣхать, на которомъ до смерти хотѣлось оспаться!

Комифо. За чѣмъ же не оспались?

Амура. Матаишь, чтобы меня увезши съ балу, и та *cousine* такъ была *complaisante*, что и сама уѣхала.

Бостонкинъ. А я, сударь, только за бостонъ садился, анъ не шутъ-то было; принужденъ разорвать паршю и сюда уѣхать: это до смерти досадно.

Мазуркинъ. А я ни вальса, ни мазурки не имѣлъ удовольствія пропанцовать съ Амурой Аполлоновной; я опъ этого съ досады внѣ себя.

Засыпаевъ.

А я было хотѣлъ наспроить свою лиру, чтобъ дамъ сихъ разхвалилъ на балѣ всему міру; Но лишь хвашился ихъ, — о страшная бѣда! Уѣхали они — уѣхали сюда.

Комифо. Какъ! такъ все ваше опчаяніе происходитъ опъ того только, что вы не на балѣ?

Индолантова. Чшожь, развѣ для васъ мало эшаго кажешся?

Амура. Я никогда не была шакъ malheureuse!

Мазуркинъ. Это пересшаешь бышь пошѣхой.

Бостонкинъ. Я не знаю, что можешь случишься de plus noir.

Засыпаевъ. А я-шо, сударь, а я пошѣль, трудился, сочиняль свою оду, хошѣль ею похва-снать, — и все къ чершу.

Бостонкинъ. Ни одного шура не сыграшь, — эшо слишкомъ нещасливо.

Мазуркинъ. Слышашъ копильонъ, и само-му не кружишься; онъ эшаго, чершь меня возьми, можно въ воду бросишься.

Амура. Будшо шупка наряжашся цѣлой день для шого, чшобъ безъ успѣха домой возвра-тишься!

Индолантова. Я бы швою татап удавила!

Амура. Ябы топ once Богъ знаетъ какъ за эшо . . . .

Комифо. Онъ и шакъ ужъ умеръ, сударыня.

Бостонкинъ. Умирають же умные люди, да во время; а эшаго дядюшку догадало не въ пору шакъ скончашся.

Засыпаевъ. Да и скоропоспихно, какъ буд-шо гоняшь!

Комифо. Онъ, я думаю, очень бы желалъ вамъ не дѣлать эшой тревоги.

Засыпаевъ. И все, небось, скупость; я чаю, толковалъ съ управителемъ, какъ прихватило, по-слашь ли за докшоромъ, дашь ли за визитъ два руб-ли, — вѣдь онъ скряга былъ.

Индолантова. Какъ же, я его знала; шакон кашей, чшо свѣшь эдакаго не производилъ.

Бостонкинъ. То правду сказашь, самой былъ ледащій человекъ, — въ каршы бывало никогда не садился.

Комифо. Пошли дядюшкѣ поминки.

Засыпаевъ. Такъ и должно, чѣмъ покойнику дядюшкѣ опѣ безпокойной племянницы доспавалось.

Мазуркинъ. Съ роду не видывалъ, чѣмъ онъ пропанцовалъ что-нибудь, — такой былъ спранный!

Комифо. Короче сказать, онъ былъ самой худой человѣкъ, пошому что разстроилъ балъ, хотя впрочемъ въ этомъ его вины и нѣтъ ни малой.

Индолантова. Сколько ты ни умничай, я опнюдь не спыжусь говорить, что я въ опчаяніи.

Амура. Ахъ, та chère! и я по же.

Бостонкинъ. Да какъ и не быть въ опчаяніи?

Мазуркинъ. Особливо мнѣ.

Засыпаевъ. Чѣмъ лежишь до меня, по я въ самыхъ шерзашельныхъ обшоятельспвахъ опѣ по-го же, опѣ чего и вы.

Параша. Кушашъ, сударыня, гошова. Я споль накрыла въ вашемъ диванѣ.

Индолантова. Хорошо. Ну, господа! пойдѣмте за споль, и по крайней мѣрѣ вымѣспимъ хопѣ шѣмъ, чѣмъ дадимъ полную волю языкамъ нашимъ на счѣтъ мершваго ея дядюшки и живой мапушки.

Бостонкинъ. Я не прочь.

Мазуркинъ. И я по же.

Засыпаевъ. Куда вы, шуда и я безъ сомнѣнія.

Амура. Какъ бы я шеперь je m'en serois donnée на балѣ!

Мазуркинъ. Я нахожу, что вы опѣ эшаго сакрифису вдвое помилѣли.

Комифо. (Вѣ сторону) Надо это словцо записать.

Индолантова. Какъ бы ты меня эшимъ словомъ обрадовалъ, ешѣлибъ я не была de mauvaise humeur.

Засыпаевъ.

Чѣмъ намъ уже не лѣзя на свѣшѣ забавляться, О шомъ и въ разговоръ напрасно лишь пускаешься.

(Всѣ уходятъ ужинаать.)

Индолантоса. Я надѣюсь, что ты меня не оставишь въ такомъ опчаяніи и опужинаешь съ нами.

Комифо. Очень охотно, сударыня! я боюсь провиниться. (Къ партеру) Вотъ настоящее опчаяніе безъ печали.

Параша. (Одна) Не у насъ у однихъ эдакія живушъ выходки. Г. Комифо дивился, что они всѣ въ опчаяніи, а нечали нѣшъ на грошъ; нынче какъ поглядѣшъ на госиодъ, шакъ у нихъ и все на эшопъ манерь: любви нѣшъ, а влюблены; красавицъ нѣшъ, а всѣ безподобныя; диковинъ нѣшъ, а все удивительно; безпокойство чупъ набѣжишъ хопъ маленькое, то всѣ разперзаны! Долго ли эшо продлишся, Богъ вѣдаетъ; а шеперь видно шакъ водишся, а что водишся, того не перехишпришъ, — а между, шѣмъ, дай Богъ, чшобъ и всегда люди были въ опчаяніи безъ печали!

ЛЮБОВНОЕ
ВОЛШЕБСТВО,
ОПЕРА
ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Aujoud'hui ce qui ne vaut pas la peine d'être
dit, on le chante.

BEAUMARCHAIS.

Тобой, жена и другъ, любви познавши путь,
Тебѣ твоихъ чудесъ картину посвящаю!
Въ любви твоей ко мнѣ блаженство обрѣтаю;
Моею ты къ себѣ равно счастлива будь!

Печатана съ дозволенія Министерства
Полиціи
Декабря 7 го 1817 года.

ДВА СЛОВА ДО КОМЕДИИ.

Время спрасшей молодого человека есть по же для сердца, что бѣлая горячка для головы. Никто не избѣжалъ эшаго припадка; одни лѣша и опытъ вылѣчивающъ насъ опѣ онаго. Но къ несчастію въ эшомъ случаѣ здоровье часто скучнѣе болѣзни.

Въ самыхъ жестокихъ параксизмахъ вздумалъ я написать оперу, и вылилось — Любовное волшебство. Какова причина, таково и слѣдствіе: въ бреду сочиненъ бредъ. Я прочелъ ее Евгеніи — она улыбнулась: эшо было для меня вѣнецъ славы. Я, не размышляя, пошчасъ опдалъ Оперу въ печать и посвятилъ Евгеніи, очаровательницѣ моего сердца — этому 20 лѣтъ; я былъ тогда въ самыхъ пылкихъ годахъ сердечнаго чувства.

Но сіе уродливое порожденіе любовнаго жара не получило желаемого успѣха. Оперу никто не покупалъ; она попала въ кучу шѣхъ произведеній, кои лежатъ въ лавкѣ до шѣхъ поръ, какъ смякнешъ бумага и пригодитъ-

ся хопъ на оберпки, спасаая часпъ убышковъ книгопродавца. Скажу объ ней, какъ сказалъ о многихъ одинъ счастливой спихъ:

Ужъ въ Оперѣ моей и ваксу продають.

Но какъ не всѣ люди въ мірѣ постигли шайнштвенныя красоты Еврипида и Озерова, какъ не всѣ плѣняющся кистью Рафаэля, и многіе любующся на каррикатуры, украшающія прилавки Спаскаго мосту, то и мое Любовное волшебство нашло своихъ охотниковъ: его спали играть на одномъ провинціальномъ театрѣ. Зрѣлище удалось, понравилось. Вотъ болѣе 10 лѣтъ, какъ Опера моя не сходитъ съ репертуара; Дирекція тамошняя даетъ ее раза три въ годъ; театръ всегда полонъ, зборъ удовлетворителенъ. Я самъ видѣлъ свое дѣляшко во всемъ его блескѣ; это меня взманило изъ благодарности къ снисходительной Публикѣ при новомъ изданіи моихъ Сочиненій перепечатать и ее.

При семъ покорнѣйше прошу всякаго читателя вспомнить нѣсколько строкъ моего предисловія, и замѣтитъ, что я печатаю свое собственнo для себя и для того, чѣмъ сохранить подъ старость въ свѣжей памяти восхитительныя минуны бытія моего, а

та эпоха, во время которой черпиль я эпидрамапическое чудовище, была одна изъ счастливейшихъ въ моей жизни.

Разборчивая публика можетъ покупать и не покупать книги, цѣнить и осмѣивать мои труды, какъ ей угодно; я прежде всѣхъ охотно смѣюсь самъ надъ собою, и привыкъ глядѣть съ одинакимъ равнодушіемъ на хвалу и на сапиру, зная изъ опытовъ очень твердо, что въ Поэзіи, какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, часто зовутъ многое и худое изящнымъ; когда Авшору везетъ, и хорошее дерется на зависточки, есшлы сочинитель, какъ говорятъ Французы, дю проспой.

Впрочемъ позвольте и мнѣ нѣсколько пріосамиться. Когда играютъ Русалки, Черповы мѣльницы и проч. и проч., то для чего же и моей сумбурной Оперѣ не рекомендовать въ люди?

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГИППОЛИТЪ, дворянинъ досташочной, уединив-
шійся въ свои помѣстья.

ГЛАФИРА, бѣдная дворянка, сирота, соседка Гип-
полипу по землямъ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ, слуга Гипполиповъ.

АМУРЪ, Граціи, Игры и Смѣхи.

РАСПОТѢВЪ, староста господскаго села.

СМѢЯНА, дѣвка Глафирина.

МЕЧТОЛЮБЪ, знашной господинъ.

ПОДДАКИНЪ, секретарь его.

НИНА, его пѣвица.

ИЗОТЪ, мужикъ Гипполипова села.

ДОМНА, жена его.

ДАША, дочь ихъ.

Толпа крестьянъ и крестьянокъ.

Дѣйствіе въ помѣстьи Гипполита близъ Ка-
лы рѣки, на берегу которой расположены нѣ-
которые Гипполитовы потѣшные домики.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ 1.

Театръ представляетъ съ одной стороны Гипполитовы поля, жниво и еѣнокосъ, съ другой стороны видны селенія и часть земель, принадлежащихъ Глафирѣ. На Гипполитовыхъ лугахъ косцы поютъ хоръ, староста надсматриваетъ, а въ концѣ хора выходитъ и Гипполитъ съ слугою.

Гипполитъ, Весельчакъ, Распотѣевъ и Мужики.

Х о р ъ.

М у ж и к и.

Нушка, други, за одно
Спанемъ барщину работашъ;
А чщобъ время укоропашъ,
Спанемъ мы пѣянуть вино.
Намъ прудишься не наскучишь,
Пока баринъ доброй живъ;
Онъ насъ любишь и не мучишь;
О, да будешь онъ счастливъ!

Р а с п о т ѣ е в ъ.

Ну, ребѣша, поживѣй;
Богъ далъ красную погоду.

Д ѣ в к а.

Кончимъ поле поскорѣй;
Послѣ баринъ дастъ свободу.

М у ж и к ъ.

А тамъ къ вечеру домой
За любовь и за покой.

Распотѣевъ.

Вонъ и баринъ нашъ идетъ;
 Всѣ челомъ ему, кресстьяне!
 Наша братья съ нимъ живутъ
 Словно такъ, какъ бы дворяне.

Х о р ъ.

Нушка, други, за одно и проч.

Гипполитъ. Спасибо, друзья мои, спасибо;
 я сполько же дорого цѣню ваше усердіе ко мнѣ,
 сколько живо вы это чувствуете.

Распотѣевъ. Да продлилъ Богъ вашего вѣ-
 ку! Всѣ ваши мужички и я спаршой о томъ Его все-
 дневно молимъ. Хорошій баринъ такое на свѣшѣ
 для насъ сокровище, такой, слышь ты, кладъ, что....

Гипполитъ. Въ другой разъ спасибо. Сего
 дни жарко, солнце подходитъ къ полдню, распу-
 спи съ работы; я довольно богатъ, чтобъ опъ
 лишняго ихъ праздника не потерпѣть убытка.

Всѣ мужики. Помилуй те самъ Богъ, какъ
 милуешь ты насъ! (Расходятся.)

~~~~~

Я В Л Е Н І Е 2.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Гипполитъ. Сколько людей меня любятъ...
 а я однако несчастливъ.

Весельчакъ. Баринъ мой скучаешь и что-
 то про себя бормочишь. Скука, сударь, худое ре-
 месло, и вы дурно дѣлаешь, что съ нею познако-
 мились.

Гипполитъ. (Въ задумчивости) Что ты го-
 воришь?

Весельчакъ. Я, сударь, люблю говоришь,
 когда меня слушающъ; а на вѣшеръ слова бросаешь
 неохотникъ. Разгладьте свое пасмурное личико и
 удоспойте меня благосклоннымъ взглядомъ, такъ я
 продолжаю спану.

Гипполитъ. Шутки хороши, да не во всякое время.

Весельчакъ. Нѣтъ, сударь, съ шѣхъ поръ, какъ вы сами прозвали меня Весельчакомъ, я времени не разбираю, готовъ всегда врать быль и небылицу, правду наряжать сказкой, а сказку правдой, говоришь, болтаешь, шумѣешь, словомъ, дѣлаешь все то, что можно, чтобы васъ разсмѣшить.

Гипполитъ. Въ чемъ рѣдко успѣваешь.

Весельчакъ. Да скажите пожалуйста, сударь, когда вы перестанете нахмуриваться? когда увѣришь вы, что право вы счастливы?

Гипполитъ. Я счастливъ, я? Развѣ есть на свѣтѣ счастливые люди? Укажи мнѣ ихъ, пожалуй; по крайней мѣрѣ я ихъ не видывалъ.

А р і я.

Напрасно, счастье, тебя
Я гдѣ нибудь сыскалъ желаю;
Труды и время лишь теряю
И тщетно мучаю себя.

Нѣтъ, нѣтъ! найди его не можно;

Оно нигдѣ намъ не дано,

И все плѣняешь сердце ложно,

Такъ Небомъ знашь учреждено.

Но если, — ахъ! то бышь не можешь, —

Судьба сыскашь его поможетъ,

Тогда бѣднѣйшій самой край

Въ Эдемской превратится рай!

Весельчакъ. Переймите-ка, сударь, у меня. Я пью и ѣмъ вдоволь; волочусь, сколько охоты есть; люблю дѣвушекъ, и нахожу какъ-то ненарочно на моей улицѣ всегда по двѣ, по три комнѣ склонныхъ; сплю такъ крѣпко, что никакихъ баггарей прескъ, бывало въ Финляндіи, въ память ли вамъ, меня разбудить не можешь; смѣюсь, хохочу, не шучу потерявши, и благодаря моей судьбѣ, счастливъ, да, сударь, счастливъ. — Что вы на меня такъ смотрите изволише? Ужъ ли

же вы думаете, что коли нѣтъ кучи денегъ, такъ и счастливу бытъ не можно?

Гипполитъ. Твои грубыя чувства, другъ мой, не могутъ вмѣщать того счастія, какого ищешь человѣкъ съ просвѣщеніемъ, человѣкъ испытавшій сладости міра.

Весельчакъ. По этому я моими чувствами грубыми не мѣняюсь оппюдь на ваши нѣжныя. Однако я васъ люблю, и желалъ бы васъ видѣть веселѣе; вы всегда пасмурны, уѣхали сюда невѣдомо за чѣмъ; имѣя тысячь пятьдесять доходу, прискакали жить въ деревню. Вы къ уединенію не сродны; поѣзжайте въ Москву, сударь.

Гипполитъ. Развѣ я шамъ не жилъ? развѣ не соскучилъ наконецъ я и шамъ? Ахъ! вездѣ изчезли мечшы пріятной другъ къ другу довѣренности, — слово я и ниѣ всѣ забавы помрачило; или будь въ шолцѣ людей, гдѣ каша нашей, или въ чепырехъ своихъ спѣнахъ одинъ сидя, съ досады пресни: нѣтъ инаго образа жизни.

Весельчакъ. Инъ съѣздите въ чужіе краи.

Гипполитъ. Я ихъ видѣлъ, года при пропашался и не въ Россіи; все то же: либо глупость, либо надмѣнность; здѣсь принужденіе, шамъ своевольство; и побывавъ въ разныхъ Государствахъ, не видалъ ни одного человѣка, которой бы спашъ ложась, сказалъ самъ себѣ: я сегодня былъ доволенъ.

Весельчакъ. Ну, такъ примишесь за хозяйство; спройте, ломайте. На примѣръ, сударь, гдѣ у васъ поставленъ храмъ Вѣрности, поставьте шалашъ; гдѣ убѣжище Терпѣнія, шуда перенесите Вѣрность, а на мѣсто Вѣрности . . . словомъ: сдѣлайте, сударь, въ спроеніяхъ вашихъ производство.

Гипполитъ. Какая радость будетъ мнѣ въ томъ, коль не лзя имѣть удовольствія посидѣть въ нихъ не одному.

Весельчакъ. О, такъ женишесь на хорошенъкой, пригожей, а особливо молодой дѣвушкѣ.

Гипполитъ. Не хочу; женишба зависимость, изъ всѣхъ неволь самая безпокойная неволя; въ эшомъ соспояніи не только найши счасіе, и послѣдній слѣдъ къ нему пошеряешь.

Весельчакъ. Спалъ въ пѣнь! По моему, шакъ каждое изъ эшихъ, средшво сдѣлало бы меня счасливымъ, еслибъ я уже имъ не былъ; а вамъ все не шо, да не въ шакую силу. Не уже ли же шаки машъ нашура не проложила вамъ нигдѣ никакой будшо пропинки ко счасію? Взгляните, сударь, на всѣхъ! Кшо до форшуны не доходитъ большой сполбовой дорогой, шопъ навѣрно, какъ червякъ, кривыми дорожками доползешъ, какъ доползешъ.

Гипполитъ. Пойду въ эшопъ лѣсокъ. Какъ скучно чего-шо хопѣшь, и не знашь самому чего!

Весельчакъ. А сказашъ ли, сударь, наконецъ, чего вамъ хочешся?

Гипполитъ. Скажи, чего?

Весельчакъ. Вы признаешесь, ежели я опрадаю?

Гипполитъ. Ты знаешь, что я припворспво-вашъ не умѣю.

Весельчакъ. Вамъ хочешся влюбишся.

Гипполитъ. Влюбишся! влюбишся! Какое, право, смѣщное соспояніе: бѣгай или за кокешкой, кошорая измучишъ, или за разумницей, кошорая безъ вѣсу и мѣры не поцѣлуешъ. Нѣнѣтъ, влюбишся не мое дѣло. Влюбишся! Любовь въ нѣкошорыхъ лѣша ничшо иное, какъ сумазбродшво, а влюбленные посмѣшище. Я силѣ эшаго пламеннаго божка, коего зовушъ Амуромъ и кошорому вселенная кланяешся, никакъ не вѣрю; Амуръ ешъ изчадіе нашего воображенія, и сердце наше едва ли горѣло когда вправду его пламенемъ.

Весельчакъ. Въ самой вещи, сударь, поди-ше-ка прогуляшся, вы что-шо по мудреному говорите; я и половины словъ вашихъ въ полкъ не возьму. Мое дѣло любвишъ весь свѣшъ: и мушцинь и женцинь, любвишъ солнышко днемъ, ночью мѣсяцъ, дѣшомъ ппичку, зимой сани, словомъ, нѣшъ дня,

часа, мѣсяца, года и погоды, въ копорыя бы я чего нибудь не любилъ. Безъ любви жить на свѣтѣ! Да какъ эшо можно? Она наша сударушка, голубушка, жизнь, богатство, она все; безъ нее, по моему, шакъ и огромныя-то барскія палаты ни лучше, ни краше пустаго амбара.

(Во время этаго монолога Гипполитъ выходитъ, а между тѣмъ Весельчакъ поетъ слѣдующую арію. На дворъ располагается погода къ ненастью и ходятъ громовыя тучи.)

А р і я.

Я скукъ врагъ навѣки!
 Люблю хорошую дѣвченку,
 Люблю пригожую бабенку,
 И все, что женщина, люблю.
 Со мной въ ладу всѣ челоуѣки;
 Я всяку ночь покойно сплю.
 Со спарухой не вожуся,
 Съ молодкой волочуся,
 Съ ребятами шучу,
 Влюбляясь ихъ учу.

Я скукъ врагъ навѣки!

(По окончаніи аріи Гипполитъ подходитъ на сцену съ веселымъ видомъ, и слышенъ громъ вдали.)

Гипполитъ. (Про себя) Какая справная мысль!

Весельчакъ. Баринъ идешь назадъ весель; видно надумался о чемъ нибудь пріятномъ, или не шакъ ли, какъ всѣ богатые люди, копорые онѣ привычки къ перекорамъ и съ самимъ временемъ живутъ въ разладѣ: давеча было ясно, господинъ мой былъ пасмуренъ; а теперь, чу, громъ гремитъ, шакъ онъ распошѣвился.

Гипполитъ. Ешъли бы эшо подлинно случилось. . . .

Весельчакъ. Чшо, сударь, шакое, не можно ли мнѣ знашь?

Гипполитъ. Я гулялъ задумавшись въ этой липовой рощѣ, гдѣ разбросаны у меня спящія нѣсколькихъ лжебоговъ, и глядя на нихъ, мнѣ вдругъ захопѣлось, чтобы по древнему обычаю кто изъ нихъ сошелъ къ намъ сюда; эта мысль меня очень забавляетъ.

Весельчакъ. Вотъ на, сударь; да я думаю въ старину это бредили.

Гипполитъ. Что нужды, что то былъ бредъ; имъ такъ казалось, и они были счастливы. Часъ сонъ привидѣлся такой хорошій, что вѣкъ бы не проснулся.

Весельчакъ. Положимъ, сударь, чтобы эти боги и сошли къ намъ — вотъ-таки сюда прямо въ поле по новому, или старому манеру, какъ имъ угодно; ну, что же въ томъ прибыли было бы, пожалуйста скажите?

Гипполитъ. Я бы спросилъ у нихъ, гдѣ счастье, гдѣ его сыскаешь, какъ сохранишь, какъ во всю жизнь имъ пользоваться?

Весельчакъ. Опять-таки за счастье! Нѣтъ, а я бы у нихъ ничего не спросилъ, а ушелъ бы очень далеко. Видалъ я какъ земные полубоги нашу братью мѣлочъ ломаютъ и коверкаютъ; а цѣлая-то полновѣсная какъ слепитъ по вашему съ неба шуша, такъ-то ли пить дѣло будетъ?

Гипполитъ. Однако гроза усиливается; пойдемъ домой, пока дождь не пошелъ.

Весельчакъ. Нѣтъ, уже поздно никакъ; экая, какой пошелъ! Вотъ, сударь, каково богами-то шумитъ; вы лишь молвили про нихъ, а нѣ и гроза. Съ часъ тому не было ни тонкаго облачка, а теперь посмотришь какое черное небо!

Гипполитъ. Поспѣшимъ, поспѣшимъ; градъ и дождь прескращенной.

Весельчакъ. Нѣкогда бѣжать, сударь; войдемъ лучше въ этотъ шаламъ, и шумъ дождемъ, чтобы шуша прошла.

(Оба входятъ въ шаламъ; громъ и гроза страшная, дождь и градъ, а къ концу дуетъ

небо очищается и время становится прекрасное.)

Гипполитъ.

Ахъ, если бы могло поспаться,
Чтобы сходили боги къ намъ,
Тогда бы было лъзя ласкаться
Сыскашь конецъ всѣмъ злымъ бѣдамъ.

Весельчакъ.

Какая страшная погода,
Пресильной въ небѣ шумъ и трескъ!
Одѣлась въ шучу вся природа,
Глаза слѣпимъ ужасной блескъ!

Гипполитъ.

Иль дожджикъ переспать не хочешь?

Весельчакъ.

Нѣтъ! онъ насъ любо какъ промочитъ.

Гипполитъ.

Намъ, видно, здѣсь весь день сидѣшь.

Весельчакъ.

На шучи съ молніей глядѣшь.

Гипполитъ.

Но нѣтъ, опять ужъ спало ясно.

Весельчакъ.

Вотъ небо время дастъ прекрасно.

Гипполитъ.

И шучи, кажется, прошли.

Весельчакъ.

Опять за рощу всѣ ушли.

В м ѣ с т ѣ.

Гипполитъ.

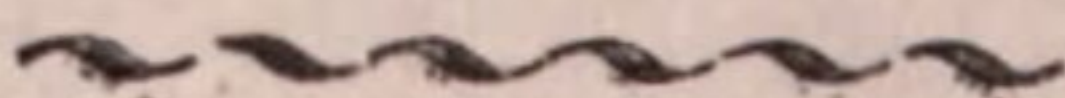
Но нѣтъ! опять ужъ спало ясно,

И шучи, кажется, прошли.

Весельчакъ.

Вотъ время небо дастъ прекрасно;

Опять за рощу всѣ ушли.

Я В Л Е Н І Е 3.

Тѣ жъ и Амуръ.

(Амуръ спускается при ясномъ видѣ неба, гроза перестаетъ, въ различныхъ облакахъ со всѣхъ сторонъ слетаютъ Игры, Смихъ и Забавы. Лишь только Амуръ съ облака ступитъ на землю, то птицы всѣ запоютъ, и начнется въ воздухѣ волшебной хоръ; пока Амуръ едетъ со свитою своею въ облакахъ, Гипполитъ и Весельчакъ, его не призывая еще, выходятъ изъ шалаша.)

Весельчакъ. То-то, сударь, была нарядная прескапня! Никакъ на Олимпѣ опъ опца Юпишера прочимъ богамъ приходило жарко.

Гипполитъ. Это такъ не рѣдко бываешь: на верху браняшься, а внизу прещашъ.

(Амуръ входитъ и начинается хоръ, подъ которой Игры, Смихъ и Забавы танцуютъ балетъ; во время хора Гипполитъ и Весельчакъ стоятъ въ изумленіи.)

Х о р ъ.

Амуръ! тебѣ вселенна служишь,
Природа вся успавъ швой чшишь,
Твой гласъ сердца всѣхъ смертныхъ движеши,
Огнемъ безсмертнымъ ихъ палиши.

*

Ты скипшромъ всѣхъ краевъ владѣешь
Превыше свѣтскихъ всѣхъ Царей;
Во всѣхъ народахъ ты имѣешь,
Сколь шамъ сердецъ, споль олшарей!

(Пока поютъ хоръ и балетъ танцуютъ, Амуръ подходитъ къ деревьямъ, къ лавочкамъ, и гдѣ палочкой ни тронетъ, вездѣ видно превращеніе, а шалашъ украшается розами и съ верху являются два сердца пылающія, съ надписью: Вотъ счастье.)

Весельчакъ. (Тихо Гипполиту) Вошь, сударь, накликали вы и боговъ; смотрише, какая ихъ спая слепѣла. Я уйду.

Гипполитъ. (Удерживая его) Такъ чпожъ? Тѣмъ лучше; какое благополучіе! Подойдемъ къ этому юному бужку; эшо никакъ Амуръ: я его никогда не видывалъ.

А м у р ъ. (Важно)

Желаніямъ швоимъ Олимпъ сей день внимая,
И на судьбу швою сокрышой ропотъ зная,
Послалъ меня сюда надмѣнный духъ смиришь,
И выучишь тебя любя любимымъ бышь.

(Въ воздухѣ слышно эхо: любить.)

Чего желаешь ты, скажи мнѣ откровенно?

Мнѣ все покорено: адъ, небо и веселенна.

Гипполитъ. Желаю счастья.

А м у р ъ.

Коль хочешь бышь счастливъ, ты долженъ
полюбишь.

(Въ воздухѣ повторяется слово: полюбить.)

Гипполитъ. Любить!

А м у р ъ.

Найдя предметъ любви, спарайся милымъ бышь.

Гипполитъ. Не лзя ли опъ любви меня избавишь? Я владычество швое знаю, могущества швоего спрашусь; но думаю. . . .

Весельчакъ. А! а! шрусу праздновашъ. . . .

А м у р ъ.

На свѣпѣ безъ моихъ нѣпъ счастья оковъ!

Взгляни на сей шалашъ и судъ прочши боговъ.

Гипполитъ. (Читаетъ) Вошь счастье!

(Игры и Слѣхи, окружа Амура, указывая на него, кричатъ тоже: вотъ счастье.)

(Игривая толпа Геніевъ во время аріи танцуютъ, а по окончаніи каждаго куплета первые четыре стиха поются хоромъ.)

Амуръ. (Поетъ)

На свѣтѣ блаженство
 Одно, чтобъ любить,
 Всѣхъ благъ совершенство
 Любя милымъ быть.
 Богатствъ обольщенье
 И славы прельщенье
 Моихъ спрѣлъ, колчана
 Не стоюшъ ошнюдь.

✱

Въ любви тая спрасной,
 Хорошъ всякой край,
 Съ подругой прекрасной
 Вездѣ сыщешь рай.
 Безъ женщинъ мущина,
 Жена безъ мущины
 Блаженной судьбины
 Нигдѣ не найдешь.

Гипполитъ. О сынъ всеильной красоты,
 повсюду чшимый Купидонъ! или во множествѣ раз-
 личныхъ человѣческихъ состояній нѣтъ ни одного
 шакого, въ которомъ бы я могъ, почиая могуще-
 ство швое издалека, быть счастливъ, покоенъ, ве-
 селъ, не старая швоимъ спраснымъ пламенемъ?

Амуръ. (Смѣючись) Ахъ! какъ же ты смѣ-
 шонъ съ своими высокопарными разсужденіями! Од-
 нако я тебя пошѣшу; ты наконецъ признаешься
 и самъ, что безъ меня земной шаръ плачевное жи-
 лище. Смошри, пошѣли видъ при мнѣ имѣешь
 швое селеніе, какъ прежде? Пшички повсюду поютъ
 и рѣзвяшся, деревья одно къ другому приклоняютъ
 свои вѣшви и лиспочки ихъ вьются вмѣшѣ; но
 когда все эшо для тебя не убѣдительно, когда гор-
 досшь и шщеса влекутъ тебя за собою, то я
 дамъ тебѣ случай самому познашь свое заблужденіе.

Гипполитъ. Такой даръ для меня спокрашъ
 будешь любезнѣе спрѣлъ швоихъ; на нихъ и безъ
 меня такъ много охошниковъ, что господину Аму-
 ру не малой ихъ запасъ ежедневно пошребенъ: на
 что шеряшь ихъ напрасно?

Амуръ. (Принимая отъ двухъ Грацій кружку) Вотъ тебѣ кружка изъ самаго чистаго кризо-липа; въ ней вода рѣки Забвенія. Изъ этой кружки Юпитеръ пьетъ всякой разъ, когда онъ отъ одной любовницы бросается въ объятія другой; но такъ какъ онъ сегодня подарилъ себя Юнонѣ, то до завтра это ему не понадобится. Вотъ тебѣ еще изумрудное колечко, которое я употребляю только на небѣ, когда между богами какая баламушка. Употреби эти двѣ вещи въ свою пользу. Надѣвъ кольцо на правую руку, ты сдѣлаешься всѣмъ шѣмъ, чѣмъ пожелаешь; надѣвъ на лѣвую, очутишься тамъ, гдѣ вздумаешь, и будешь невидимкой; а когда надоѣдятъ тебѣ превращенія, и ты, найдя судьбу по сердцу своему, захочешь, чтобы волшебство совсѣмъ исчезло, выпей тогда изъ кружки, да смотри поберегай ее и испости напередъ всѣ твои зашѣи.

Гипполитъ. Ахъ, какимъ восхищеніемъ, крылатой божокъ, ты меня наполняешь!

Амуръ. Скоро, скоро всѣ эти подарки тебѣ наскучатъ, и я надъ сердцемъ твоимъ воспоржествую.

(Во все это время Весельчакъ заигрываетъ съ прислужницами Амура и Геніями.)

А ты, бѣднякъ, также, я чаю, чегонибудь хочешь?

Весельчакъ. Благо можно попросить, семь попышаюсь и я. (Подходитъ робко и тихо) Великой, большой, ужасной, преузорочной, опець.... дия....

Амуръ. (Расхохотавшись) Ха, ха, ха! Оставайся пожалуй эти вычурны; я до нихъ не охотникъ. Я беру на себя иногда видъ важной, когда бесѣдую съ людьми знашными, спешенными и неприспугными; а съ такими добрыми проспѣяками, каковы ты, я всегда обхожусь безъ чиновъ, и для нихъ у меня особья водятся спрѣлы.

Весельчакъ. Такъ изволь же знать, Господинъ Амуръ, что мнѣ двухъ вещей, помилуй Богъ, какъ хочешь; а впрочемъ я всѣмъ по милости твоѣ

ей ли, или другаго какаго вашего брата верхняго жишеля, доволенъ.

Амуръ. Ну скажи, чего?

Весельчакъ. Бо первыхъ, кабы у меня была женушка, которая бы меня любила ни больше, ни меньше, какъ я ее любить буду.

Амуръ. Изволь. Пошомъ?

Весельчакъ. Кабы имѣлъ я въ карманѣ такую бутылку вина, въ которую бы, сколько изъ нее выпью, сколько бы опять наливалось, то есть даромъ, безъ плашежа.

Амуръ. Изволь, я тебя эшимъ подарю за твое добросердечіе. Я не замѣшкаюсь привесити тебѣ такую дѣвочку, съ которой ты будешь жить, какъ рыба съ водой, а вина когда ни пожелаешь, всегда получишь. Господинъ твой пускай до вечера помайся, ха, ха, ха, и пусть узнаешь, что сколько ни есть на свѣтѣ людей, и сколько ни различны ихъ состоянія, все въ мірѣ любить, все мнѣ кланяется и изъ эшаго колчана лешаюшь спирѣлы шакже давно, какъ и люди водятъся.

(*Амуръ, проговоря сіе, даетъ сигналъ; облака во множествѣ спускаются, Игры, Слѣхи и Забавы группами садятся и поднимаются вверхъ; Амуръ на легкое облако восходитъ, и пока этотъ отлетъ на театрѣ дѣлается, поется тотъ же волшебной хоръ, которой и прежде. По окончаніи же онаго, и когда Амуръ изъ виду и съ свитою своею пропадаетъ, то театръ приходитъ въ первобытное состояніе, превращенія исчезаютъ и шалашъ прежній видъ получаетъ.)*

Я В Л Е Н І Е 4.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Никакъ, сударь, тысяча и одна ночь въ очью совершается?

Гипполитъ. Ахъ, какая нужда изслѣдывать, сонъ ли то, или истина! Сегодняшній день вѣчно

изъ памяти моей не выйдешъ. Есѣли все на свѣшѣ обманъ, то можешъ ли мечта быть прелестнѣе моей! Пойду, полечу, обѣку мысленно всѣ предѣлы свѣта, упопрѣблю въ пользу свою сіи очарованные подарки, и посмопрю, есѣ ли на свѣшѣ счасіе.

Весельчакъ. Однако, сударь, пока вы еще кольца своего съ пальчика на пальчикъ не перебрасываеше и изъ угла въ уголь по свѣту не мычишесь...

Гипполитъ. (Съ нетерпѣніемъ желая уйти, пока тотъ его держитъ)

Ну!...

Весельчакъ. Пока изъ кружки не зачали еще цѣдишь воду забвенія, которую по часпой перемѣнѣ вашихъ склонностей скоро, я думаю, почнеше....

Гипполитъ. Ну!...

Весельчакъ. Такъ же пока и я не пожелалъ, не получилъ и не почалъ своего съ неба спадшаго реискаго...

Гипполитъ. Договоришь ли ты безчисленные свои пока?

Весельчакъ. Не можно ли, сударь, намъ опобѣдать? Громъ, шучи и слѣпое дишяшко Амуръ шакъ насъ засовали, мы шакъ засуешились, что давно полдень прошелъ, а мы еще не ѣли.

Гипполитъ. Вошъ еще какая диковинка! Сколько людей опъ Амура, и не видавъ его совсѣмъ, по нѣскольку дней вовсе не ѣдятъ, а мы по крайней мѣрѣ его видѣли.

Весельчакъ. Правда, сударь, что это велико дѣло; да только брюхо ничего эшаго не разумѣетъ.

Гипполитъ. Добро! пойдемъ обѣдашь, и выпьемъ за здоровье Амура.

Я В Л Е Н І Е 5.

(Театръ представляетъ селеніе Глафиры ;
вдали театра Англійской садикъ , а на
право ближе къ оркестру бесѣдка съ
площадкой, на которую Глафира изъ бе-
сѣдки выходитъ.)

Глафира. (Одна.)

А р і я.

Спокрапъ счастливое уединенье,
Гдѣ я живу безъ скуки, безъ досадъ !
Въ шебѣ мой духъ находишь ушѣшенье,
Какого дашь не силенъ знашной градъ.
Тамъ шумъ, шамъ все пропивишся природѣ ;
Все ею здѣсь и дышешь и живешь :
Здѣсь ппички рѣзвяшся въ свободѣ
И соловей играючи поешъ.

Спокрапъ счастливое уединенье, и проч.

Смѣяна. (Вбѣгаетъ съ крикомъ) Ахъ ! ахъ !
ахъ ! сударыня.

Глафира. Чшо ты ?

Смѣяна. Вонъ шамъ какое-то дитя за мною
гонишся.

Глафира. Чшожь шупъ спрашнаго ?

Смѣяна. Ничего ; да лишь я его взвидѣла,
шакъ вся спала не своя и сердце шакъ бьется....

Глафира. Какъ же она испугалась !... (Амуръ
вбѣгаетъ съ завязанными глазами и съ лукомъ)
Чшо за хорошее дитя ! — Ошкуда ты взялся,
мальчикъ ?

Амуръ. Я не мальчикъ.

Глафира. Дѣвочка чшо ли ?

Амуръ. Нѣшъ.

Смѣяна. Не ужъ ли ты родился ошъ грому и
молніи давишней ?

Амуръ. Нѣшъ , я шуму не люблю.

Часть IV.

И

Глафира. Для чего ты зажмурившись ходишь; вить ушибешься.

Амуръ. Не бойтесъ, я не ушибусь; а зрячїе на меня заглядываясь, часто спотыкаюшся.

Смѣяна. Да скажи намъ, милое дитя, что ты такое?

Амуръ. (Развязывая очи) Я божокъ; меня зовушъ Амуръ.

Глафира. Такого гостя я право давно къ себѣ не ожидала.

Смѣяна. А за чѣмъ пожаловалъ? Развѣ тебѣ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ насъ, мѣста нѣтъ? Иль опъ тебя и въ глуши не уйдешъ?

Амуръ. Опъ меня! опъ Амура уйди! ха, ха, ха!

А р і я.

Нѣтъ въ свѣтѣ учасши такой,
Нигдѣ нѣтъ края, ни пущи,
Гдѣбъ опъ стрѣлы моей любой
Умѣлъ бы человекъ уйди;
Я жгу огнемъ, бью шепивой:
Со мной пожалуй не шути.
И снарой и малой
И прусъ и удалой,
Кто холоснъ, или кто женатъ,
Кто бѣденъ, или кто богатъ,
Ошличной разумъ кто имѣетъ
И прехъ кто счестъ не разумѣетъ, —
Все мнѣ, все покорено,
Все любить осуждено.
И такъ я сошелъ съ неба пронупъ твое сердце,
Глафира, и дашь тебѣ силу мою почувство-
вашъ.

Глафира. Я готова тебѣ повиновашся.

Амуръ. Подлѣ васъ живешъ важной и знаш-
ной господинъ; онъ богатъ, а пошому и гордъ,
ни въ чью бѣетъ, и власни моей прошивишся-
смѣетъ. Сегодня я умножу имъ число моихъ под-
данныхъ, сегодня Глафира будешъ его женою.

Глафира. Чья? Гипполиша? — Я его очень мало, а онъ меня, я чаю, вовсе не знаешь; и какъ мнѣ такой высокой степени льститься: онъ знаменъ, а я темной породы.

Амуръ. Эту темную породу красота ангельская дѣлаешь свѣплѣ солнечныхъ лучей.

Глафира. Онъ богатъ, а я ничего не имѣю.

Амуръ. Скромность и разумъ замѣняютъ всѣ сокровища вселенной.

Глафира. Онъ любитъ пышность, почестъ, славу, а я уединеніе.

Амуръ. Въ уединеніи съ тобой онъ все забудетъ. Слава его будетъ — тебѣ нравиться, почестъ — владѣшь своимъ сердцемъ, а пышность — вымышлять тебѣ забавы.

Смѣяна. Правду говоришь Амуръ. Наше дѣло пригожихъ и молоденькихъ дѣвушекъ прихотничать и нѣжиться, а ихъ за нами ходишь, да лисой около насъ увиваешься.

Глафира. Я больше ничего сказать не смѣю. Когда Амуръ судьбой моей хочешь править, то мнѣ остается. . . .

Амуръ. Хохошашъ? . . . ха, ха, ха! О! я люблю веселишь и веселишься. . . . Вашъ околодокъ весь я превращу сегодня въ райское селеніе: всѣхъ женю, всѣхъ выдамъ замужъ; Гименею дамъ работы дни на три; нагоню сюда Граціевъ, забавъ и смѣху пропасть, важность за порогъ вышлю; спѣсь и чванство только прону, такъ они у меня, какъ стекло, въ дребезги разобьются; а самъ погощу на каждой свадьбѣ минушь пашъ, да и поминай какъ звали.

Смѣяна. Какъ же весело и смѣшно будетъ; а я великая хохотунья. Да, господинъ Амуръ, мнѣ что?

Амуръ. Тебѣ я приготовилъ жениха кровь съ молокомъ; ты тотчасъ его увидишь. . . . Твойпреважной, престепенной Гипполитъ мыкается шеперь по моей волшебной милости за придевать земель, не вѣдомо гдѣ; пускай онъ успанетъ хорошенько, а

къ вечеру, и прежде нежели солнышко кончитъ бѣгъ свой, прежде чѣмъ Юпитеръ надѣнетъ свой ночной колпакъ и мать моя Венера поясъ свой положитъ на яшмовую полку, Глафира будетъ въ объятіяхъ нѣжнаго любовника.

(Уходитъ и Смиѣна съ Глафирой за нимъ.)

Я В Л Е Н І Е 6.

(Театръ первую декорацию представляетъ.)

Весельчакъ. (Одинъ) Имѣю 50 тысячъ годового доходу и мыкаюсь по бѣлу свѣту съ волшебной кружкой, да съ перстнемъ, такая диковинка въ башку мою не лѣзетъ. Заѣхалъ на Каму! Худо однако я сдѣлалъ, что не просился у Амура въ Москву; баринъ мой теперь можетъ спрѣлаетъ и гораздо за Москвой, а мнѣ такъ и Сухаревой башни не видашь. Ну, да не ужъ ли похождение наше кончилось? Нѣтъ, еще дюжины двѣ-три красавишекъ сверху къ намъ конечно налетятъ; вѣтъ имъ, я чаю, также тамъ скучно, какъ намъ здѣсь. Что за причина, какъ подумаешь: кто внизу, тому все вверхъ хочется, а кто вверхъ, тому нарохшился какъ бы на низъ прыгнувъ, и выходитъ это Русская побаска: Тамъ-де и хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Амуръ обѣщалъ мнѣ дѣвчонку, да все это буки. Семь-ка покаместъ попробую я съ небеснаго погреба винца. Явисъ мнѣ бутылочка бѣлаго, нѣтъ красного, нѣтъ смоленого. (Является вдругъ бутылка Шалипанскаго) То-то кладъ, то-то рай, то-то небесная сладость! Спану пьнуть и пѣтъ, и пѣтъ и пьнуть. (На колѣни ставъ) О великіе того свѣта боги, Цари Князья, Графы, бояры, знашныя и простые Господа, боярченки и наша братья челядь! всю эту бутылочку выпью за здоровье ваше; а вы между тѣмъ готовьте другую, такъ Амуръ приказалъ.

(Садится въ шалашъ и пьетъ припѣвая)

А р і я.

Пуспъ всякъ живепъ и мычепся, какъ знаепъ,
Одинъ, съ женой, иль съ множествомъ подругъ;
Меня ни то, ни сіо не раздражаепъ:
Всѣ люди мнѣ друзья и я всѣмъ другъ.

*

Мало ли, что кого изъ насъ забавипъ,
Я про себя всегда и сыпъ и пьянъ;
Кшо какъ гораздъ, шопъ счаспьемъ такъ и
правишъ,

А я за кружкой сидя знапной панъ.

*

Всѣ на судьбу, посмотришъ, губу дуюпъ,
Для чего свѣпъ идепъ всегда вверхъ дномъ;
Все прыпъ права, напрасно лишь толкуюпъ:
Мнѣ то и рай, коли въ избѣ садомъ.

(Допиваючи, онъ становится очень пьянъ)

Ну, бушылочка, мой другъ, спасибо . . . раз-
потѣшила шы меня . . . упро-то такъ меня смо-
тило. Э! да чшо красавушка моя не капишъ. . .
Видно Амуръ подъ нее голубей подпрягаепъ. . . .
То то, я чай, преузорочное дѣло будепъ.
Ну, Весельчакъ. . . . въ сорочкѣ родился. . . . Ека
невидалъ и въ Москвѣ. . . . Да ну
таки слышъ. . . . Вся недолга.

Я В Л Е Н І Е 7.

Ф и н а л ъ.

Амуръ, Смѣяна и Весельчакъ (Спитъ).

А м у р ъ.

Подъ сюды, подъ сюды,
Подъ сюды, моя красопка!
Тебя ждепъ швоя находка;
Не бось со мною шы бѣды.

С м ѣ я н а.

Амуръ находку обѣщаетъ ;
 Знать жениха мнѣ припасаетъ :
 Бояться съ нимъ не лѣзя бѣды.

А м у р ъ.

Анъ вошь молодчикъ мой сонливой ,
 Любовникъ прямо несмысливой ,
 Какъ разнѣжившись лежишь ,
 Какъ убишой съ хмѣлю спишь.

Весельчакъ.

Заспался не ксташи я ,
 Не взбудилъ никто меня ;
 Ай жишье , ай да раздолье !
 Харча , вина , всего приволье.
 Амуръ , спасибо братъ шебъ !
 Но вошь и самъ онъ здѣсь явился ;
 Съ какой красочкой очутился !
 Супруга знать моя никакъ ?
 А я стою шупъ какъ дуракъ !

*В м ѣ с т ѣ.**Амуръ*

Насилу другъ нашъ встрепеч-
 нулся.
 Вошь швой женихъ , смол-
 ри , проснулся ;
 Его шебъ я подарю ,
 Но не сей часъ , а ввечеру.

Весельчакъ.

Но вошь и самъ онъ
 здѣсь явился ;
 Съ какой красочкой
 очутился !
 Моя жена при немъ ни-
 какъ ?
 А я стою шупъ какъ
 дуракъ !

А м у р ъ.

(Видя , что Весельчакъ порывается обнять
 Смѣяну , удерживаетъ его)

Помише , молодецъ , шакъ близко къ ней не суйся ;
 Бушылка шебя ждесть , — поди съ ней поцѣлуйся.

Весельчакъ.

Не шолько что вина , шы женку мнѣ сулилъ.

А м у р ъ.

Чего шы напередъ , припомни - ка , просилъ ?

Весельчакъ.

Не помню, хошь убѣй. . . .

Амуръ.

Жены шебѣ хошѣлось;

А къ дѣлу какъ пришло, пилося бы лишъ, да ѣлось.

Весельчакъ.

Пустое, братъ Амуръ; голодной у кумѣ,
Слыхалъ я, что не ты, а хлѣбъ лишъ на умѣ.

Амуръ.

За то ты даромъ сей красощи не получишь;
Трудомъ ее купи, и есѣли не соскучишь,
Такъ къ вечеру ее ты будешь цѣловашь;
А безъ того ее вовѣки не видашь.

Смѣяна.

Почпо ты мнѣ узнать вѣла
Любви желаемый предметъ;
Иль въ злѣбъ ты своей хошѣла,
Чтобъ мнѣ омерзиль цѣлой свѣшъ?

Амуръ.

Дай мнѣ взбѣсипъ его свободу.

Смѣяна.

А ты мнѣ дай мою свободу.

Амуръ.

Пускай въ замѣнъ вина пѣепъ воду.

Смѣяна.

Напрасно такъ шѣснишь природу?

Весельчакъ.

Я пилъ какъ будпо бы во енѣ,
А на яву похмѣлье мнѣ;
Не лзя ли, башюшка Амуръ,
Мнѣ безъ хлопѣшъ ей строипъ куръ?

Амуръ.

Богамъ угодно, чпобъ въ опмщенъе
За сдѣланное предпочтенъе
Бину предъ жемской красощей
Ты искусила бы водой.

Весельчакъ.

Какой мнѣ рокъ гошовашь слезной!
 Спасибо, баринъ мой любезной!
 Амура съ неба ты сманилъ,
 А самъ опъ нихъ пошчасъ урылъ.

Смѣяна.

Что мучишь насъ тебѣ охоты?
 Жени скорѣй, иль разлюби.

Весельчакъ.

Свои ты инде найдешь шепы,
 А насъ пожалуй не губи.

Амуръ.

Не лзя шого перемѣнишь,
 Богамъ не лзя мнѣ измѣнишь.

Смѣяна и Весельчакъ. (На колѣняхъ)

Амуръ! опъ ногъ швоихъ не вспанемъ,
 Молишь тебѣ не переспанемъ;
 Нѣшъ, нѣшъ, конечно не опспанемъ,
 Пока ты счастья намъ не дашъ.

Амуръ.

На что у ногъ моихъ споише?
 Того, чего шеперь хошише,
 Снискашь опнюдь себя не льспише.

Весельчакъ.

Какая эшо яролашъ!

Амуръ.

Водою ты, а ты шерпѣнемъ
 Гошовъшесь выучены бышь.

Весельчакъ и Смѣяна.

Взаимнымъ сердца привлеченьемъ
 Успѣлъ довольно научишь.

} *Всѣ трое.*

Весельчакъ.

И шакъ, сударъ Амуръ, шальливое владыко,
 Которому всегда плаши ремень за лыко.

А м у р ъ.

Не хочешь ли меня шы бранью испужать ?

(Смѣется)

Ворчи, дружокъ, ворчи...

Весельчакъ.

Тебя коль не чѣмъ взятьъ,

Скажи же, какъ доспать ее повелѣваешь ?

А м у р ъ. (Важно)

Коль подлинно владѣшь дѣвицей сей желаешь,

Ты долженъ здѣсь въ рѣкѣ всю воду возмутишь,

И сряду девять разъ девяшу волну пишь.

Весельчакъ.

Девяшу волну пишь и девять разъ и къ ряду !

И впрямъ, Амуръ, въ тебѣ ни складу нѣтъ, ни ладу.

(Амуръ уходитъ и Смѣяну съ собой уводитъ.)

Волшебной хоръ.

(Во время онаго Весельчакъ стоитъ изумлѣнъ, надумывается и уходитъ.)

Амуръ, Венеринъ сынъ прекрасной !

Лети шы къ небесамъ опять,

И съ нихъ смѣлуй спрѣлою спрасшной

Спѣши вселенну поражаешь.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацію.)

Я В Л Е Н І Е 1.

Гипполитъ. (Одинъ)

А р і я.

Амуръ, тиранъ сердечной,
Спокойныхъ душъ врагъ вѣчной!
Увы! почто я зрѣлъ тебя!
Всѣ мысли наши возмущаешь,
Спрадашь всечасно заспавляешь,
И живишь, разсудокъ погубя.
Ошъ спрѣлъ твоихъ что ни родится,
Что только въ голову вселился,
Химера выдешъ и мечша.
Нѣтъ, я тебѣ не покорюся,
Всею силою вооружуся,
И для меня ты суеца.

Два раза я надѣвалъ кольцо на правую руку,
и два раза превращался; нѣтъ, или волшебство
мнѣ не благопріятствуетъ, или подлинно нѣтъ
участия счастливой.

Я В Л Е Н І Е 2.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Ну, сударь, благодарю покорно; изрядную вы мнѣ милость оказали.

Гипполитъ. Чѣмъ такое? Или вина тебѣ не спало?

Весельчакъ. Какъ бы не вина, сударь; за мои грѣхи пришлось и воду пить.

Гипполитъ. Какъ это?

Весельчакъ. Препроказливой эшотъ божокъ, или сапана, давищнй Амуръ нашель меня какъ-то здѣсь въ разпложъ на веселѣ, показаль мнѣ красавицу, которую я шакъ полюбиль, какъ.... какъ мущины любяшъ дѣвокъ, и собрался было ее поцѣловашъ шакъ, ... какъ мущины цѣлуютъ дѣвокъ; но мой Амуръ разсердился не вѣдь за что и изволиль мнѣ приказашъ эшу незнаемую красош-ку выслуживашъ, какъ будпо чинъ какой, и какъ бы вы думали, чѣмъ?

Гипполитъ. Чѣмъ бы то ни было, ты шакъ влюбчивъ, чшо для тебя все будешъ бездѣлица.

Весельчакъ. Нарядиль меня эшотъ воздушной сорванецъ идши къ рѣкѣ, возмушилъ воду, ловишъ девяшую волну и выцишъ ее девяшъ разъ къ ряду. (Гипполитъ смѣется.) Вамъ, сударь, смѣшно, а мнѣ и полсмѣха нѣшъ.

Гипполитъ. Не веселѣй и мнѣ, повѣрь. Я два раза превращался и все по пустякамъ.

Весельчакъ. Нишпо вамъ; сами блинъ спекли, сами и кушайше. Однако, сударь, на маломъ нашемъ розыскѣ не лзя ли узнашъ, гдѣ и чѣмъ изволили побывашъ?

Гипполитъ. Сперва вздумалось мнѣ пожипъ въ кожѣ стихошворца.

Весельчакъ. Я чаю слова ваши, сударь, по-дились какъ сыша.

Гипполитъ. Я въ эшомъ соспоянйи испышаль спрасшъ доселѣ для меня новую и въ мукахъ ее и забопахъ: я спалъ самолюбивъ, возмечшаль, чшо лучше меня никто не пишемъ, пошѣль долго, писаль много, сказалъ мало, завалили меня ругашель-спвомъ и насмѣшками, и я съ досады выскочиль вонъ изъ стихошворнаго шуловища.

Весельчакъ. И попали куда?

Гипполитъ. Въ гусшую судейскую шущу; сдѣлался судьейю, разсердился на плушовъ и лихо-

имцовъ, погналъ ихъ грудью и перомъ, зачиналъ уже одолѣвать, какъ вдругъ одинъ побольше меня судья на меня разсердился и далъ мнѣ такого шуза, что почувствовалъ я себя и къ судейству человѣкомъ негоднымъ; разлилась во мнѣ желчь, я взбѣсился и скинулъ посредствомъ волшебнаго кольца судейскую съ себя маску.

Весельчакъ. Потомъ, сударь?

Гипполитъ. Потомъ пришелъ сюда.

Весельчакъ. Воля ваша, сударь, вы не знаете, чего хотите. 50 тысячъ у васъ доходу, — одно это, кажется, звонкое слово: 50 тысячъ рублей, счастливые всѣхъ вашихъ превращеній, отъ кошорыхъ вы къ концу дня ни на волосъ выше не подымешесь.

Гипполитъ. Я не знаю право, что мудренаго въ моихъ желаніяхъ. Я счастье полагаю въ самыхъ легкихъ приобрѣтеніяхъ. Что въ богатствѣ, когда дѣлать его не съ кѣмъ! Я хотѣлъ бы имѣть товарища, копорой бы встрѣчалъ великолѣпную зарю утра, сидя рядомъ со мною, копорой ввечеру, смотря вмѣстѣ со мной на закатъ солнца, благодарилъ бы Небо одними со мной уснами за то, что къ прошекшимъ счастливымъ днямъ еще день счастливый приложился, копорой бы задумывался вмѣстѣ со мною, вздыхалъ въ одно время и о томъ же, любилъ бы меня паче всего на свѣтѣ.

Весельчакъ. Ха, ха, ха! и вышло на моемъ, сударь: вамъ влюбиться хочется; вы любовницу ищете, да не найдете, вопъ и запяшая.

Гипполитъ. Все влюбиться, да влюбиться; развѣ другъ не превосходилъ бы спокрашъ любовницы? Прошло то благополучное для смертныхъ время, въ которое человѣкъ, всегда юный въ спра-сняхъ своихъ, равняющійся въ непорочности ангелу, любилъ пламенно и нѣжно, душа его горѣла огнемъ чистымъ и незазорнымъ; а нынѣ любви нѣтъ; нынѣ все дѣвки, да дѣвки, вчера такая, завпра-иная: вопъ любовь нашего вѣка; я въ ней счастья своего никогда не найду.

Весельчакъ. Вишь вошь на всѣхъ какъ угодишь! А мнѣ по-по и любо, что все перемѣнки: вчера Арина, сегодня Марина. Поѣдемъ-те, сударь, въ Москву: шамъ красавицъ, какъ лѣтомъ мухъ, любую выбирайте; а здѣсь пей пожалуй девашую волну.

Гипполитъ. Нѣшъ, воспользуюсь теперъ другимъ подаркомъ Амура: надѣну кольцо на лѣвую руку, и предстану невидимкой, куда вздумаешся; посмошрю на вельможу, найду въ избѣ грубаго поселянина, и ешъли не сыщу счастія нигдѣ, по крайней мѣрѣ не упрекну себя, что я его не искалъ.

Я В Л Е Н І Е 3.

Весельчакъ. (Одинъ)

Ну, Весельчакъ, пишь такъ пишь девашую волну. Збылась со мной побаска: хошь не радъ, да будь гошовъ; что дѣлашь, иногда шрафишь, что и радъ, да негошовъ: свѣшъ шпука большая, что о томъ и говоришь; э, да мало ли что въ немъ мудренаго. Спанемъ-ка жишь и курныкашь сегодня, а завтра что Богъ дасъ.

А р і я.

Всякъ, чего жelaешъ,
Самъ того не знаешъ;
Свѣшъ шаковъ
Ужъ не новъ.
Много въ свѣшѣ
На примѣшѣ
Дураковъ.

*

Нынѣче все хохочешъ,
Завтра плакашь хочешъ
Человѣкъ
Весь свой вѣкъ;

Такъ живешся,
Такъ ведется
Цѣлой вѣкъ.

*

Милую находку
Нѣжную красотку
Кино сыскалъ,
Кино доспалъ,
Тошъ удачливъ,
Тошъ и счастливъ
На вѣкъ спалъ.

*

Много и умнѣе
Меня и знашнѣе
Про себя,
Не шутя,
Тошъ же кляшой
Пьюшъ девятой
Валь, какъ я.

Я В Л Е Н І Е 4.

(Театръ перемѣняется и представляетъ кабинетъ вельможи, въ которомъ Гипполитъ невидимкой.)

Гипполитъ и Мечтолюбъ.

Гипполитъ. (Сперва одинъ) И шакъ я очутился въ Москвѣ: въ эпомъ домъ, говоряшъ, безпрестанныя собранья. Хозяинъ богашъ, знашенъ, молодъ, уменъ, пріятенъ, слѣдовательно и счастливъ; увижу, даюшъ ли благополучіе чины, слава и почестъ, когда всякой день испытываю, что роскошь дашъ его не можешъ.

Мечтолюбъ. Какой скучной обѣдъ! какое несносное принужденіе! Малой! слуга входитъ) дай сертукъ. Насилу въ цѣлой годъ нашелся такой вечеръ, которой я могу провести по своему. (Надѣвъ сертукъ) Дома ли жена?

Слуга. Изволила съѣхать и карету отпустила; вотъ опъ нее письмо.

Мечтолюбъ. (Читаетъ) Гей! Скажи, чѣмъ музыку приготовили; сегодня жена не будетъ дома во весь вечеръ, и я на свободѣ повеселюсь.

Гипполитъ. Изрядное супружество.

Мечтолюбъ. Позовите сюда Секретаря моего; завтра еще прибавятся наружные знаки моихъ почестей, и женнинъ визитъ, балъ и всѣ его послѣдствія обѣщаютъ мнѣ впередъ много лучшихъ преимуществъ.

Гипполитъ. А самое вѣрное — рога.

Мечтолюбъ. Пусть голодные писатели и изсохлые моралисты поютъ, что хотятъ; кто высидѣлся желаетъ, тому всѣ средства хороши, лишь бы доспигалъ удачи.

Гипполитъ. Самая добрая философія!

Я В Л Е Н І Е 5.

Тѣ же и Поддакинъ съ бумагами.

Мечтолюбъ. Здравствуй, господинъ Поддакинъ! Что это ны съ бумагами пришелъ?

Поддакинъ. Вашему Сіятельству недосугъ было давеча. . . .

Мечтолюбъ. Да, я ѣздилъ на званой пиръ.

Поддакинъ. Не угодно ли что приказать по этимъ бумагамъ? Тутъ есть довольно важные приговоры. . . .

Мечтолюбъ. Нѣтъ, мой другъ, все это завтра; мнѣ сегодня недосугъ. Я остался дома слушать музыку, а не дѣла дѣлать; завтра.

Поддакинъ. Не угодно ли на нѣкоторыя времени неперпяція письма хотя крашкіе отвѣты начертать?

Мечтолюбъ. Еще разъ, мой другъ, нѣтъ. Или я не могу иногда забавы мои почестъ недосугами для отправления дѣлъ? Я себя позвалъ, чѣмъ бы спросить тебя, нашелъ ли ты мнѣ денегъ занять?

Поддакинъ. Ваше Сіяшельство, денегъ достать нынѣ и трудно и дорого. Естѣли бы онѣ и были, то бы я осмѣлился доложить Вашему Сіяшельству изъ оплично глубокаго моего почтенія...

Мечтолюбъ. О чемъ?

Поддакинъ. О удовлетвореніи многихъ должниковъ, кои неотступно плашежа просятъ, и сколько я сего утра ни хлопоталъ съ ними изъ опсрочекъ, но все ссылаюся на вашу роскошь и ждашь не хотяшь ни дня; просшите мнѣ.

Мечтолюбъ. Такъ, мой другъ, я знаю, что мои сполы, мои пиры, а особливо музыка всѣмъ въ глаза кидаюся, всякой меня почишаешь ежеминутно въ деньгахъ; но ты знаешь, что нынѣ весьма вошло въ обыкновеніе не имѣть гроша въ карманѣ и кормить спо человекъ госпей. Вотъ таки на примѣръ я: у меня нѣтъ шеперь 25 рублей въ кошелькѣ, а ежели завтра получу я извѣстіе, что произведенъ, то не далѣе, какъ черезъ два дни у меня маскерадъ, и вся Москва будетъ угощена. И такъ, мой другъ, о дѣлахъ и долгахъ спанемъ говорить завтра, а о деньгахъ сегодни, сей же часъ.

Поддакинъ. Естѣли бы смѣлъ я предложить вамъ способъ получить ихъ?

Мечтолюбъ. Какой, скажи?

Поддакинъ. Посѣщающій васъ купецъ. . . .

Мечтолюбъ. Понимаю; съ охотою, завтра дѣло его будетъ сдѣлано, а ты постарайся о томъ, чтобъ. . . .

Поддакинъ. Это не забудется и не пропадетъ, Ваше Сіяшельство; онъ бы кромѣ и случайной сей своей послуги готовъ съ вами въ общія коммерческія дѣла войти, какъ-то въ опкупъ, въ подряды; подъ именемъ вашимъ всякая монополія меньше была бы спрашна; но онъ опасается и въ разговоры даже о семъ войти съ сшоль знаменишою собою, какъ ваша.

Мечтолюбъ. Пустое, другъ мой, чего онъ боится. Многіе изъ насъ лишь публику спращають надушымъ своимъ видомъ, а въ самомъ дѣлѣ

въ кабинетѣхъ своихъ они право не такъ - то казиспы.

Гипполитъ. Спасибо, хоть чистосердеченъ.

Мечтолюбъ. Много дѣлаешь въ свѣтѣ личина.

Поддакинъ. Подлинно, Ваше Сіятельство, мало ли что кому кажется золотомъ, гдѣ вправду только мѣдь.

Мечтолюбъ. Такъ, Господинъ Поддакинъ, насъ возводящъ и губящъ не дѣла, а молва. Прослыветъ дуракъ умнымъ, всѣ его премудрости дивящся; умной ли попадетъ въ дураки, всѣ закричатъ: такого скопа и не бывало. Хищра наука въ свѣтѣ жить, мой другъ!

Поддакинъ. Кто одаренъ такими достоинствами, какъ вы, Сіятельныйшій, тотъ властвуетъ во всякое время нишкою эшаго лабиринта.

Мечтолюбъ. На что достоинства? Чтoby счастливу быть не надо быть добру, а оспорожно быть дурну.

Гипполитъ. Какая тонкая чернота, какой уродъ въ порокахъ!

Поддакинъ. Мѣшко разсуждашь изволише, Ваше Сіятельство!

Гипполитъ. Кури свой идолъ, о пребезчестный ласкатель!

Мечтолюбъ. Возьмемъ въ примѣръ когонибудь; я о себѣ не спану говорить. Мало ли ты знаешь людей въ свѣтѣ, которые чѣмъ больше сдѣлали хулы достойныхъ дѣлъ, тѣмъ легче получили всякія степени преимуществъ.

Поддакинъ. Не говоря о Вашемъ Сіятельствѣ, и я скажу, что ихъ довольно.

Мечтолюбъ. Сколько же напротивъ мнѣ извѣстныхъ людей, кои отъ неумышленности, отъ неоспорожнаго подвига молодого разсудка, можетъ быть и хорошаго, по крайней мѣрѣ не пакостнаго, плашили дорого за самыя извинительныя шалости; молва объ нихъ доходила до какойнибудь мѣлкой швари; эша гадина внушала и вѣспочку и свои

шолки шупъ же въ уши какого ни наестъ скарета; шопъ скажешъ двумъ, или шремъ другимъ, и пошло въ славу; наконецъ молодой человѣкъ безъ всякой вины часто прешерпѣваетъ самыя люпыя поношенія, шеряетъ хорошее имя и какъ ключъ ко дну канешъ.

Поддакинъ. Все, что ни изволише сказапъ, все очень справедливо; слова изъ ушпъ вашихъ какъ рѣка льешся.

Гипполитъ. А на сердцѣ сажа; что не договаривзешъ?

Мечтолюбъ. Однако я заговорился; пора бы за музыку. А ты таки все за бумаги.

Поддакинъ. Въ нихъ еспъ одна шакая, которая меня собственно корышуетъ, и ежели бы смѣлъ. . . .

Гипполитъ. Подай, подай; что шакое?

Поддакинъ. Письмо къ одному Губернашору о представленіи къ мѣсту небогатаго человѣка, коего жена. . . .

Мечтолюбъ. Родственница тебѣ, или. . .

Поддакинъ. Она, Ваше Сіашельство, оппущена мужемъ погоспипъ ко мнѣ; за шакое его одолженіе былъ бы я неблагодаренъ. . .

Мечтолюбъ. Конечно. . . еспѣлибъ не показалъ чрезъ благодѣшеля своего ему услуги. А хорошали эпа госпоба? Виновашъ, я много спрашиваю; мое дѣло подписашъ письмо, прочее для меня секретъ. (*Подписываетъ*) Вели послать ко мнѣ мою пѣвицу. (*Приносятъ ему карточки*) Вотъ еще одна изъ шѣхъ забавъ, кои меня крайне веселяшъ. Около большаго праздника прославяшъ кого нибудъ въ новое достоинство, или въ новый случай у Двора, то и бросяшся всѣ на-перерывъ съ визитами, кто поушру, кто наканунѣ, кто ввечеру. Завтра я жду эспафешы, а сегодня вся Москва валишъ въ госпи.

Я В Л Е Н І Е 6.

Тѣ же и Нина, пѣица.

Мечтолюбъ. Здравспіуй, Нина! Какъ же ты авантажна сегодня! Ты не догадаешься, за чѣмъ я тебя позвалъ?

Нина. Для клавикорты конечно, Ваше Сіятельство?

Мечтолюбъ. А ежели бы не для нихъ . . . Сыграй мнѣ чтонибудь, только прошу не арію, а простую Рускую хорошую пѣсенку; я терпѣть не могу вашихъ Италіянскихъ взвизговъ. Всякой имѣешь свой вкусъ.

А р і я.

Н и н а.

Все со временемъ проходитъ,
Заблужденьямъ есть конецъ;
Топь во тьмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чпшитъ вѣнецъ.

Мечтолюбъ.

Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаемъ каждой часъ;
Но, ахъ! все вздоръ; любовь прямая
Одна сильна счастливитъ насъ.

Мечтолюбъ. Вотъ настоящая правда!

Гипполитъ. Да ты ее не чувствуешь.

Н и н а.

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустою,
Горы злата драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной!

Мечтолюбъ.

Любовь и скиптры украшаетъ,
Любовь и бѣдность золотитъ;
Но безъ любви вся шварь скучаетъ,
Ничто въ подсолнечной не льститъ.

Мечтолюбъ. Продолжай, продолжай; я хочу ее всю прослушать.

Н и н а.

Даръ любить дала природа
 Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ ;
 Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
 Выше Царскихъ всѣхъ побѣдъ.

Мечтолюбъ.

Когда я Нину обнимаю,
 Когда ласкаюсь я къ ней,
 Тогда я все позабываю,
 Кромѣ голубушки моей.

(Въ это время входитъ слуга съ запиской. Мечтолюбъ, которой хотѣлъ поцѣловать Нину, отскакиваетъ и беретъ записку; пока онъ ее читаетъ, Гипполитъ про себя)

Вотъ прекрасно! Забываетъ все, кромѣ голубушки, а вмѣсто того бросается изъ объятий ея къ запискѣ, которой еще и содержанія не знаетъ! Чужъ будешь съ этой голубушкой, когда онъ прочтешь ее?

Мечтолюбъ. (Прочтя и въ смущеніи) Гей! карету! Боже мой! распустишь музыкантовъ! Не было никакой перемѣны, и я чаемаго повышенія не получилъ. Я знаю, кто это спроворилъ; я вѣдаю, чѣмъ проискалъ я обязанъ за шеперешнее мое внутреннее страданіе. О люди, вы, кои зависпавыми на насъ смотря очами, желаете быть на нашемъ мѣстѣ! благословице вашу участь! Бы! никогда не покупаете вашихъ забавъ такою дорогою цѣною, какъ мы, и эшопъ мигъ пріятной, коюрой я себѣ доставилъ между шягоспнымъ обѣдомъ и спокрапъ несноснѣйшимъ вечеромъ, не спюишъ всѣхъ очарованныхъ счастьемъ дней, кои вы проводите съ своими подругами, насмѣхаясь намъ и нашимъ замысламъ. Ну, шеперь женѣ у Князя дѣлашъ нечего; поѣду за ней.

Гипполитъ. И спѣши, чшобъ не опоздашь. Вотъ счастье знашнаго Господина!

(Снимаетъ кольцо и театръ представляетъ селеніе Глафиры.)

Я В Л Е Н І Е 7.

(Театръ представляетъ Глафирины дачи.)

Глафира и Смѣяна.

Глафира. Какая въ чувствахъ моихъ пере-
мѣна! Ни одинъ день еще не казался мнѣ такъ
дологъ, какъ сегодншній.

Смѣяна. Чшо со мной подѣялось! Бывало все
хохочу съ утра до вечера, а сегодни вовсе не мо-
гу смѣяться.

Глафира. За чшо ни примусь, ничто на умъ
нейдепъ.

Смѣяна. Чшо ни возьму въ руки, все изъ
нихъ валипся.

Глафира. Давишнее дишя изъ мыслей не вы-
ходишъ.

Смѣяна. Эпопъ паспушокъ, копораго я ви-
дѣла, овладѣлъ мною совершенно.

Глафира. Ахъ! эпо шы, Смѣяна?

Смѣяна. Я не видала васъ, Сударыня.

Глафира. Какой прекрасной день! какой ве-
черъ!

Смѣяна. Кабы поскорѣй онъ прошелъ.

Глафира. Чшожъ онъ шебѣ такъ наскучилъ?

Смѣяна. Мнѣ Амуръ обѣщаль къ закапу солн-
ца такого прекраснаго, такого пригожаго молодча-
ка, что я жду не дождусь его назвать мужемъ.

Глафира. Развѣ шы его видѣла и говорила
съ нимъ?

Смѣяна. Видѣшь видѣла, говоришь не гово-
рила, а ужъ влюблена въ него по уши.

Глафира. И такъ шы меня рѣшилась оста-
вить?

Смѣяна. Я васъ очень, очень люблю, моя
милая барыня; а эшаго молодца, не пощаю вамъ,
чшо люблю побольше.

Глафира. Какъ же шы скоропоспшижно влюб-
ляешься!

Смѣяна. Такъ - то и надобно, сударыня; дѣвка не свѣпская, выросла въ деревнѣ. По нашему обычью взглянула, полюбила, по рукамъ, да и замужъ; мы вашихъ благородныхъ вычуръ не знаемъ. Признайшесь, что много есть между вами въ городахъ такихъ, которые до шѣхъ поръ засвапшя и задляпшя сговорами, помолвками и прочими дурачествами, что при отпускѣ приданого едва любяпшя уже шого жениха, на котораго глядя за мѣсяць передъ тѣмъ, съ радости умирали.

Глафира. Мой другъ! всякая жизнь имѣетъ свои правила. Ты сама знаешь пословицу: что городъ, то норовъ; что село, то обычай.

Смѣяна. Стало мое село или родина всѣхъ вашихъ сполчныхъ городовъ милѣ. У насъ обычай — природа, правило — любовь. Я по рядной несуща собою красоту, женихъ мнѣ вмѣсто знаши даетъ сердце. Мы по вашему по городскому другъ за другомъ не волочимся, да любимъ всѣмъ сердцемъ.

Глафира. (Про себя) Какъ близко ея разсужденіе къ моимъ чувствамъ. (Вслухъ) Ты очень чистосердечна, мой другъ.

Смѣяна. А на чтожъ мнѣ припворяпшя? Я влюбилась, въ эшомъ спыда еще нѣпшъ; я хочу замужъ, эшо и подавно не спыдно. Спросите и вы у своего сердца, чупшъ не на моей ли оно шакже споронѣ.

Глафира. Ахъ, правда! Я опшъ тебѣ не скрою, что съ шѣхъ поръ, какъ Амуръ произнесъ имя Гипполипта, языкъ его поминушно сложишъ хочешъ, и кажется мнѣ, что я шакже его люблю, едва издали раза два видѣвши.

Смѣяна. И шакъ, сударыня, оставимъ принужденіе, послѣдуемъ въ полной свободѣ нашимъ чувствамъ и. . . .

Глафира. Что ты, Смѣяна? развѣ Гипполиптъ меня любитъ? Я и думаю объ эшомъ не опваживаюсь; да и жилище мое еще не шакъ мнѣ прискучило.

Смѣяна. Полноше, сударыня, какъ можешь не прискучишь что нибудь безъ муштинъ? Полгода мы здѣсь живемъ однѣ одиныхоньки; сады и пшички, лѣса, бесѣдки, все это хорошо и прелестно, да только тогда, когда хорошій любовникъ вмѣстѣ съ нами въ кусты прячется.

(Слышенъ голосъ)

Глафира! Небеса твой жребій премѣнили,
Оставь на время ты убѣжище свое;
Поди туда, гдѣ мы съ Смѣяной нынѣ были:
Тамъ ждешь тебя Амуръ и счастье твое.

Глафира. Какое чувство поселилось въ душѣ моей! какой трепетъ всѣ члены мои въ движеніе приводитъ! Любовь! я силу твою ощутила! Царствуй надъ моимъ сердцемъ, награди меня предметомъ, спроси моей достойнымъ, и вложи въ него ко мнѣ постоянное чувство! А вы, мѣста моихъ увеселеній, страна моихъ забавъ! простигте. Когда я люблю, то уже вы для меня пусты стали.

А р і я.

Прости на вѣкъ моя свобода,
Прощай мой садъ, прощай лѣсокъ,
И ты, прозрачной милой шокъ,
Гдѣ царствуетъ одна природа,
Гдѣ всяка мнѣ погода
И всякой былъ пріятель рокъ!

Я В Л Е Н І Е 8.

(Театръ представляетъ избу. Даша сидитъ за станкомъ, и Гипполитъ невидимкой.)

Д а ш а. Что это бабюшка такъ долго домой неидетъ?

Гипполитъ. Вотъ еще родъ людей, коихъ участь мнѣ не извѣстна; ужь ли и здѣсь нѣтъ счастья безъ любви? Посмотримъ.

Д а ш а п о е т ъ.

Гдѣ нийду, гдѣ ни гуляю,
Скучно, скучно мнѣ вездѣ;
Все грущу и все вздыхаю:
Знашь мнѣ счастья нѣтъ нигдѣ.

*

Выдуль къ берегу крупному
Прогуляться на часокъ,
Вдругъ явлюся прошивъ дому,
Гдѣ живетъ мой милъ дружокъ.

*

Я кричу ему въ окошко:
Ваня, Ваня, выдь на дворъ,
Или дай взглянуть немножко
На себя черезъ заборъ.

Гипполитъ. Ой ужъ мнѣ эта любовь! все
она, да она.

(Входятъ Изотъ и Домна.)

Изотъ. Здорово, здорово, Даша. Я чаю ты
всѣ глаза просмотрѣла, насъ ждавши?

Даша. И вѣдомо, бабюшка; а мапушка гдѣ?

Изотъ. Вонъ она за мной идетъ.

Даша. А! здравствуй, мапушка.

Домна. Здорово, мой свѣтъ. Опгадай, дѣв-
ка, гдѣ мы по се мѣсто прогулялись съ опцомъ
твоимъ?

Даша. Гдѣ мнѣ это знашь.

Изотъ. А вонъ были за рѣкой у Авдея, Ива-
нова опца.

Даша. Что бы вы тамъ дѣлали, бабюшка?

Изотъ. Мы съ спарикомъ пѣли брагу, а
мать твоя все прокалакала съ Иваномъ; вонъ - де
скоро Пешровки на дворъ, пора - де молодцу же-
ниться.

Даша. Я чаю, онъ, бабюшка, не хочетъ?

Домна. Врешь дурочка; кто жениться не
хочетъ? У насъ, спасибо, у крестьянъ не завелось
еще таскаться по вашимъ сестрамъ дѣвкамъ, да
ихъ позорить, а себя срамить; Богу благодаренье!
у насъ за часую женящаяся, да и ладно.

И з о т ъ. Нешто, воптъ какъ мы съ матерью-то твоей обвѣнчались, тому будешь гораздо за два десятка, а еще мы и шеперь другъ друга любимъ; не шакъ ли Домна?

Домна. Да кого же мнѣ и любить, что не Изопа своего; да мнѣ хотъ цѣлой хоровадь приведи молокососовъ - те городскихъ, да я ни на одного не промѣняю своего друга Изопа Савельича.

И з о т ъ. Тьфу врагъ! да и хорошъ я былъ съ молоду.

Гипполит ъ. И въ такой проспошъ любовь обитаешь?

А р і я.

И з о т ъ.

Помнишь ли, какъ я влюбился;

Это было на Святкахъ.

Ты кашалась на горахъ,

Я къ тебѣ путь вмигъ подбился:

То взгляну я на тебя,

То ты взглянешь на меня,

То мы оба взглянемъ вдругъ;

Изъ - подпиха и съ оглядкой

Проберусь къ тебѣ украдкой;

Парни всѣ сберутся вокругъ:

Съ шѣхъ поръ, въ доброй молвишь часъ,

Нѣтъ въ селѣ счастливей насъ.

Поемъ, куримъ и веселимся;

Мы баръ покойнѣе сто разъ,

На мигъ не грустимся.

Даша. Чтожъ, бапюшка, Ивана-тъ хочешь, или нѣтъ, жениться?

И з о т ъ. Что-то ты объ Иванѣ - то поговариваешь больно часто.

Домна. Эхъ, эхъ, Изопъ, ну что дѣвку по пустякамъ мучишь? Не горюй, Даша, опецъ тебя просвашалъ за Ивана.

Даша. Ахъ, бапюшка! ахъ, мапушка! какъ я рада! Пойду низанье низать, рубахи шить; Ваня мой, я Ванюшина, все шить.

Гипполитъ. Какая привлекательная нечестность!

Домна. Экъ она спрѣльнула! Ну ладно, что мы это дѣло свахляли; малой-то хорошъ, дѣвка-та наша будетъ за нимъ счастлива.

Изотъ. Хорошій мужъ, да добрая жена кладъ на землѣ; что кто ни бай, а лучше того нѣтъ на свѣтѣ, какъ женишься, да за мужъ иди. Вонъ, я посмотрию, господинъ нашъ Гипполишъ...

Гипполитъ. Я въ своемъ селѣ; шѣмъ пріятнѣе будетъ мнѣ узнать истинное обо мнѣ мнѣніе моихъ крестьянъ.

Изотъ. Человѣкъ онъ доброй, честной; мы всѣ его любимъ опъ мала до велика, всѣ имъ довольны. . . .

Домна. То ужъ нече говоришь, спарикъ, развѣ некошной какой въ селѣ-то его не хвалишь; а то Богъ намъ его послалъ.

Гипполитъ. Ахъ! какая сладкая для меня минуша!

Изотъ. Ну, а вотъ онъ вишь холостъ, жены нѣтъ, дѣшей то же, скучаетъ; помыкается по свѣшу, да и умретъ, какъ свѣча погаснетъ; что родясь принесъ, то и въ могилу унесетъ, ну, что въ этомъ проку! Не люблю я холостыхъ; кабы моя была воля, всѣхъ бы женилъ.

Гипполитъ. Какія правды я сегодня слышу, и опъ кого? Опъ мужика! Всякое его слово осматривается въ умѣ моемъ.

Домна. Что ты, батенька! Онъ еще не спаръ; бываетъ и женился; можешь богатою ищешь.

Изотъ. Богатою! богатою! что у нихъ это у бояръ за богатство въ головѣ? Самъ онъ бѣднякъ шпо ли? Слава Богу, есть чѣмъ жить. Не вѣдаютъ они развѣ, что сквозь золопо слезы текутъ. Вонъ какъ сосѣдъ Парамонъ богату взялъ, да теперь и живому не радъ; а мы съ побою какъ женились, такъ изъ обоихъ кармановъ еле-еле сколопили, чпобъ поцу заплашишь, да слава Богу живемъ 20 лѣтъ, не чужой хлѣбъ ѣдимъ, свой. Знаешь ты

баба, чпо бѣднякъ - то всегда богашова сыпѣе; богашому - то надо много, да и самъ доспавай, а бѣдному - то Богъ посылаетъ.

Гипполитъ. Вотъ сущая правда!

Домна. По чемъ знашь, можешь и знашной невѣсмы хочешся.

Изотъ. Вотъ еще новая причина, новой обморокъ не лучше прежняго. Ну, пусть деньги чпо нибудь — кинь рубль, такъ зазвенишь; а знашность - ша ихъ, по моему, пыль. Пожалуй наряди и меня, да назови какъ по ихъ Принцомъ што ли, или кавалеромъ; чпо, я опъ того буду умнѣи, дороднѣи, краше, здоровѣи ли? Все, баба, пустое! Тотъ же буду я Изотъ, да въ цвѣшномъ кафтанѣ, а какъ еще по какимъ грѣхамъ да плашье - то придешь не къ лицу, до сошьешь не по коспямъ, такъ еще изъ порядочной рожи выдешь смѣшная харя. Провались оно совсѣмъ; не съ машной жишь, али не съ нарядной куклой: женѣ нада мужъ, а мужу жена, а шамъ все фу.

Гипполитъ. Заблужденія мои мнѣ открывающся.

Домна. И ты, Савельичъ, то же любишь меня, шакъ и думаешь, чпо всѣмъ Домна нада.

Изотъ. Хошь Домна, хошь Фешинья, да надобна жена; слышь ты безъ бабы жишь не лзя. Хошь какъ не изволь, нѣтъ ужъ намъ Неба - ша не перемудришь.

Домна. Какой ты, право, шупникъ, мужъ!

Изотъ. Нѣтъ, шупъ не до шупки. Я своего господина люблю; мнѣ право скучно, чпо онъ холоспъ. Изведетъся у насъ шакъ ни за денежку, а мы шамъ доспавайся черпъ знаетъ кому. Кабы онъ моего совѣту послушалъ, я бы ему сыскалъ невѣсту.

Домна. Кого же бы, скажи?

Изотъ. А чѣмъ не по немъ сосѣдка наша Глафира?

Гипполитъ. Глафира? О нѣжное имя!

Домна. И вѣдомо,

Изотъ. Чѣмъ она и впрямъ ему не жена? Дѣвица благородная, скромная, добрая, живешь въ своей дачѣ, водой не замутишь.

Долна. Во всемъ околodкѣ и малой и большой всѣ ее хваляшь.

Изотъ. И она по же изсохнешь, какъ лучинка. Смѣшны, право, бояра, а подь часъ и жалки. Холоспой дѣшина и дѣвка живушь. другъ ошъ друга въ версѣ, а не видаются; привыкли къ городскому — безъ свахъ и свадьбы нѣшь. А у меня какой обычай: взялъ въ руку лучину, а въ другую огонь, раздулъ, да сложилъ, шакъ и вспыхло.

Гипполитъ. Нѣшь! пропивъ такой испины никакое умствование не сильно.

Даша. (Вбѣгаетъ) Бапюшка! у меня ужъ и низанье гошовой; когда же къ вѣнцу?

Изотъ. Вошь, жена, ты дѣвку-шовзбударажила, она шеперь и спанешъ на ушахъ у насъ лежашъ; а вишь Иванъ-ашъ чужой помѣщицы Глафиры, вишь надо еще у барина спросишься, какъ онъ изволишь. Ой бабы, бабы! Коли что вздумано, шакъ вошь давай, давай. Пойдемъ добро всѣ къ спаросѣ.

Гипполитъ. (Снимаетъ кольцо) Вошь мое послѣднее превращение!

Я В Л Е Н І Е 9.

(Театръ представляетъ дачу Гипполитову по прежнему.)

Весельчакъ. (Одинъ)

Ухъ! какъ же я усталъ! Бѣгалъ ко всѣмъ рѣчкамъ, пропокамъ, прудамъ, озерамъ, мушилъ вездѣ воду, ловилъ девашую волну; да нѣшь не поймашъ: утечешъ, какъ утечешъ. Дуракъ я право, что попросилъ у Амура женщину, какъ будто диво какое; да полно, что говоришь: кшо на свѣтѣ безъ ошибки; на всякаго мудреца довольно простоты.

П ѣ с н я.

Всѣмъ на свѣпѣ ошибашься
 И въ желаньяхъ заблуждашья
 Ужъ не новое, я чай;
 Всякой строишь здѣсь свой рай.
 Иной любишь оженишься,
 Другой любишь волочешься;
 Кому хочется чего,
 Топъ и бьется изъ того.

*

Въ городахъ я напалкался
 И опъ многихъ наслыхался,
 Будто, что на свѣпѣ кладъ,
 Коль съ женой у мужа ладъ.
 Всѣ хошь эту пѣсню пѣли,
 Анъ посмотришь, такъ въ недѣли
 И у женъ и у мужей
 Не пройдетъ дня безъ зашѣй.

*

Еслибъ въ свѣпѣ хошь для шупки
 Всякъ плясалъ по своей дудки,
 То - то вышелъ бы раздоръ,
 Ни чему не равной вздоръ!
 Черпъ ли въ эдакой намъ воли;
 Лучше нѣту нашей доли!
 Всякой такъ въ спруну брянчишь,
 Какъ гуслишь ему велишь.

*

Чпо миѣ нужды знашь учишься,
 Какъ на свѣпѣ все кружишься,
 Какъ богачъ кого давуль,
 Какъ бѣднякъ когда вздохнуль;
 Мое дѣло жишь смирненько,
 Съ милой женкою дружененько;
 Какъ придетъ веселой часъ,
 Цѣловашься по спу разъ.

Я В Л Е Н І Е 10.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Гипполитъ. Глафира, Глафира! это имя
еѣ мыслию моею не расстаешся.

Весельчакъ. Чшо, сударь, нагулялись ли до
сыща?

Гипполитъ. По многимъ превращеніямъ по-
знавъ ошибку человѣческихъ о счастіи заключеній,
гошовъ былъ почти рѣшить, что его нѣтъ, бро-
ситъ кольцо, разбитъ кружку, какъ вдругъ на-
шелъ его, и гдѣжь? О боги! Въ избѣ моего мужика.

Весельчакъ. Которой - то это? Вы бы, су-
дарь, около его потерлись.

Гипполитъ. Тамъ я услышалъ имя Глафи-
ры. Она меня плѣнила; я хочу ее видѣть, хочу
ее любить, хочу ей все отдать, что я имѣю.

Весельчакъ. Вотъ, сударь, какъ Амуръ
ахъ шѣшишься изволишь надъ вами; давеча вы не
хотѣли вовсе женщинъ любить, а къ вечеру влю-
бились въ одно женское имя.

Гипполитъ. Это имя мнѣ предвѣщаетъ со-
бранье качествъ и добротъ, это имя счастье мнѣ
обѣщаетъ.

Весельчакъ. И такъ, сударь, изъ Амурскаго
фейерверка выпала одна ракета и на вашъ счетъ.
Поздравляю васъ; только берегитесь, чтобы не ку-
пишь вамъ своей добычи также, какъ и я ее до-
сшаю девятою волною.

Гипполитъ. Хотя бы моремъ и всѣмъ его
волненіемъ.

Весельчакъ. О, такъ васъ, сударь, по види-
мому, порядочно задѣло! Часъ вамъ доброй! А я пой-
ду въ послѣдній разъ попытаюсь удачи; и либо
всю здѣсь воду выпью, либо она меня проглотитъ.

(Слышенъ голосъ.)

Я дерзости твоей охотно забываю,
 Съ Глафирою тебя навѣки соединяю,
 Любовь ея къ тебѣ съ твоею къ ней сравню.
 Довольно, что тебя спрѣлой своей сражаю;
 Познай и помни вѣкъ, мой ядъ разливши въ
 кровь,
 Что всей вселенной связь, душа и жизнь — любовь.

Г и л о л и т ъ. Я въ такомъ смущеніи, въ робости,
 Въ непоспигаемомъ состояніи! А! это мои
 пасхуки идутъ съ поля. Оставлю ихъ спросту
 свои хороходы, а самъ пойду искать Глафиру.

Ф и н а л ъ.

(Распѣвѣвъ со всѣми мужиками поютъ.)

Х о р ъ.

Давайте пѣть, играть, рѣзвишься,
 Забоши всѣ, досады прочь;
 Пускай всякъ парень веселился,
 Скачише дѣвки во всю ночь.

Д а ш а.

Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
 Въ тебѣ моя отрада,
 Съ тобой играю я рада.
 Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
 Нигдѣ не вижу безъ тебя пошѣхъ.
 Давайте пѣть, играть, рѣзвишься, и проч.

М у ж и к ъ.

Вотъ я тебя, поспой,
 Въ горѣлки изловлю.

Д а ш а.

Поди - ка ты къ другой;
 Другого я люблю.

2 й М у ж и к ъ.

Семь въ жмурки, плашъ давай.

же вы думаете, что коли нѣтъ кучи денегъ, такъ и счастливу бытъ не можно?

Гипполитъ. Твои грубыя чувства, другъ мой, не могутъ вмѣщать того счастія, какого ищетъ человѣкъ съ просвѣщеніемъ, человѣкъ испытавшій сладости міра.

Весельчакъ. По этому я моими чувствами грубыми не мѣняюсь опинюдь на ваши нѣжныя. Однако я васъ люблю, и желалъ бы васъ видѣть веселѣе; вы всегда пасмурны, уѣхали сюда невѣдомо за чѣмъ; имѣя тысячь пятьдесятъ доходу, прискакали жить въ деревню. Вы къ уединенію не сродны; поѣзжайте въ Москву, сударь.

Гипполитъ. Развѣ я шамъ не жилъ? развѣ не соскучилъ наконецъ я и шамъ? Ахъ! вездѣ изчезли мечшы пріятной другъ къ другу довѣренности, — слово я и мнѣ всѣ забавы помрачило; или будь въ шолпѣ людей, гдѣ каша кашей, или въ чепырехъ своихъ спѣнахъ одинъ сидя, съ досады пресни: нѣтъ инаго образа жизни.

Весельчакъ. Инъ съѣздите въ чужіе краи.

Гипполитъ. Я ихъ видѣлъ, года при прошапался и не въ Россіи; все по же: либо глупость, либо надмѣнность; здѣсь принужденіе, шамъ своевольство; и побывавъ въ разныхъ Государствахъ, не видалъ ни одного человѣка, которой бы спашъ ложась, сказалъ самъ себѣ: я сегодня былъ доволенъ.

Весельчакъ. Ну, такъ примишесь за хозяйство; спройте, ломайте. На примѣръ, сударь, гдѣ у васъ поставленъ храмъ Вѣрности, поставьте шалашъ; гдѣ убѣжище Терпѣнія, шуда перенесите Вѣрность, а на мѣсто Вѣрности . . . словомъ: сдѣлайте, сударь, въ спроеніяхъ вашихъ производство.

Гипполитъ. Какая радость будетъ мнѣ въ томъ, коль не лъзя имѣть удовольствія посидѣть въ нихъ не одному.

Весельчакъ. О, такъ женишесь на хорошенькой, пригожей, а особливо молодой дѣвушкѣ.

Гипполитъ. Не хочу; женишба зависимость, изъ всѣхъ неволь самая безпокойная неволя; въ этомъ состояніи не только найши счастье, и послѣдній слѣдъ къ нему потеряешь.

Весельчакъ. Спаль въ пѣнь! По моему, такъ каждое изъ этихъ средствъ сдѣлало бы меня счастливымъ, еслибъ я уже имъ не былъ; а вамъ все не то, да не въ такую силу. Не уже ли же шаки машъ нашура не проложила вамъ нигдѣ никакой будно пропинки ко счастью? Взгляните, сударь, на всѣхъ! Кпо до форшуну не доходишь большой сполбовой дорогой, шопъ навѣрно, какъ червякъ, кривыми дорожками доползешь, какъ доползешь.

Гипполитъ. Пойду въ эшопъ лѣсокъ. Какъ скучно чего-то хотѣшь, и не знаешь самому чего!

Весельчакъ. А скажешь ли, сударь, наконецъ, чего вамъ хочется?

Гипполитъ. Скажи, чего?

Весельчакъ. Вы признаетесь, ежели я отгадаю?

Гипполитъ. Ты знаешь, что я пришворсшво-вашъ не умѣю.

Весельчакъ. Вамъ хочется влюбиться.

Гипполитъ. Влюбиться! влюбиться! Какое, право, смѣшное состояніе: бѣгай или за кокешкой, копорая измучишь, или за разумницей, копорая безъ вѣсу и мѣры не поцѣлуешь. Нѣтъ, влюбиться не мое дѣло. Влюбиться! Любовь въ нѣкоторыхъ лѣша ничто иное, какъ сумазбродство, а влюбленные посмѣшище. Я силѣ эшаго пламеннаго божка, коего зовушь Амуромъ и копорому вселенная кланяется, никакъ не вѣрю; Амуръ есть изчадіе нашего воображенія, и сердце наше едва ли горѣло когда вправду его пламенемъ.

Весельчакъ. Въ самой вещи, сударь, поди-ше-ка прогуляться, вы что-то по мудреному говорише; я и половины словъ вашихъ въ толкъ не возьму. Мое дѣло любить весь свѣтъ: и мужчинъ и женщинъ, любить солнышко днемъ, ночью мѣсяцъ, лѣтомъ пшичку, зимой сани, словомъ, нѣтъ дня,

часа, мѣсяца, года и погоды, въ которыхъ бы я чего нибудь не любилъ. Безъ любви жить на свѣтѣ! Да какъ это можно? Она наша сударушка, голубушка, жизнь, богатство, она все; безъ нее, по моему, такъ и огромныя-то барскія палаты ни лучше, ни краше пустаго амбара.

(Во время этого монолога Гипполитъ выходитъ, а между тѣмъ Весельчакъ поетъ слѣдующую арію. На дворѣ располагается погода къ ненастью и ходятъ громовыя тучи.)

А р і я.

Я сукъ врагъ навѣки!
 Люблю хорошую дѣвченку,
 Люблю пригожую бабенку,
 И все, что женщина, люблю.
 Со мной въ ладу всѣ челоуѣки;
 Я всяку ночь покойно сплю.
 Со старухой не вожуся,
 Съ молодой волочуся,
 Съ ребятами шучу,
 Влюбляясь ихъ учу.

Я сукъ врагъ навѣки!

(По окончаніи аріи Гипполитъ подходитъ на сцену съ веселымъ видомъ, и слышенъ громъ вдали.)

Гипполитъ. (Про себя) Какая странная мысль!

Весельчакъ. Баринъ идешь назадъ веселъ; видно надумался о чемъ нибудь пріятномъ, или не такъ ли, какъ всѣ богатые люди, которые онѣ привычки къ перекорамъ и съ самимъ временемъ живутъ въ разладѣ: давеча было ясно, господинъ мой былъ пасмуренъ; а теперь, чу, громъ гремитъ, такъ онъ распошѣвился.

Гипполитъ. Если бы это подлинно случилось. . . .

Весельчакъ. Что, сударь, такое, не можно ли мнѣ знать?

Гипполитъ. Я гулялъ задумавшись въ этой липовой рощѣ, гдѣ разбросаны у меня спашуи нѣсколькихъ лжебоговъ, и глядя на нихъ, мнѣ вдругъ захошлось, чтобы по древнему обычаю кто изъ нихъ сошелъ къ намъ сюда; эта мысль меня очень забавляетъ.

Весельчакъ. Вотъ на, сударь; да я думаю въ старину это бредили.

Гипполитъ. Что нужды, что то былъ бредъ; имъ такъ казалось, и они были счастливы. Часомъ сонъ привидится такой хорошій, что вѣкъ бы не проснулся.

Весельчакъ. Положимъ, сударь, чтобы эти боги и сошли къ намъ — вотъ-таки сюда прямо въ поле по новому, или старому манеру, какъ имъ угодно; ну, что же въ томъ прибыли было бы, пожалуйста скажите?

Гипполитъ. Я бы спросилъ у нихъ, гдѣ счастье, гдѣ его сыскаешь, какъ сохранишь, какъ во всю жизнь имъ пользоваться?

Весельчакъ. Опять-таки за счастье! Нѣтъ, а я бы у нихъ ничего не спросилъ, а ушелъ бы очень далеко. Видалъ я какъ земные полубоги нашу братью мѣлочъ ломаютъ и коверкаютъ; а цѣлая-то полновѣсная какъ слепитъ по вашему съ неба пуша, такъ-то ли пить дѣло будетъ?

Гипполитъ. Однако гроза усиливается; пойдемъ домой, пока дождь не пошелъ.

Весельчакъ. Нѣтъ, уже поздно никакъ; экая, какой пошелъ! Вотъ, сударь, каково богами-то шупитъ; вы лишь молвили про нихъ, а нѣ и гроза. Съ часъ тому не было ни тонкаго облачка, а теперь посмотришь какое черное небо!

Гипполитъ. Поспѣшимъ, поспѣшимъ; градъ и дождь преспашной.

Весельчакъ. Нѣкогда бѣжать, сударь; войдемте лучше въ этотъ шаламъ, и шупъ дождемся, чтобы пуша прошла.

(Оба входятъ въ шаламъ; громъ и гроза страшная, дождь и градъ, а къ концу дуетъ

небо очищается и время становится прекрасное.)

Гипполитъ.

Ахъ, если бы могло поспѣться,
Чтобы сходили боги къ намъ,
Тогда бы было лъзя ласкаться
Сыскавъ конецъ всѣмъ злымъ бѣдамъ.

Весельчакъ.

Какая страшная погода,
Пресильной въ небѣ шумъ и трескъ!
Одѣлась въ шучу вся природа,
Глаза слѣпнеть ужасной блескъ!

Гипполитъ.

Иль дождикъ переспасть не хочешь?

Весельчакъ.

Нѣтъ! онъ насъ любо какъ промочитъ.

Гипполитъ.

Намъ, видно, здѣсь весь день сидѣть.

Весельчакъ.

На шучи съ молніей глядѣть.

Гипполитъ.

Но нѣтъ, опять ужь спало ясно.

Весельчакъ.

Вотъ небо время дастъ прекрасно.

Гипполитъ.

И шучи, кажется, прошли.

Весельчакъ.

Опять за рошу всѣ ушли.

В м ѣ с т ѣ.

Гипполитъ.

Но нѣтъ! опять ужь спало ясно,

И шучи, кажется, прошли.

Весельчакъ.

Вотъ время небо дастъ прекрасно;

Опять за рошу всѣ ушли.

Я В Л Е Н І Е 3.

Тѣ жъ и Амуръ.

(Амуръ спускается при ясномъ видѣ неба, гроза перестаетъ, въ различныхъ облакахъ со всѣхъ сторонъ слетаютъ Игры, Смѣхи и Забавы. Лишь только Амуръ съ облака ступитъ на землю, то птицы всѣ запоютъ, и начнется въ воздухѣ волшебной хоръ; пока Амуръ едетъ со свитою своею въ облакахъ, Гипполитъ и Весельчакъ, его не примѣчая еще, выходятъ изъ шалаша.)

Весельчакъ. То-то, сударь, была нарядная прескапня! Никакъ на Олимпѣ опъ опца Юпитера прочимъ богамъ приходило жарко.

Гипполитъ. Эпо такъ не рѣдко бываетъ: на верху браняшся, а внизу прещашъ.

(Амуръ входитъ и начинается хоръ, подъ которой Игры, Смѣхи и Забавы танцуютъ балетъ; во время хора Гипполитъ и Весельчакъ стоятъ въ изумленіи.)

Х о р ъ.

Амуръ! тебѣ вселенна служишь,
Природа вся ушавъ швой чшишь,
Твой гласъ сердца всѣхъ смертныхъ движенъ,
Огнемъ безсмертнымъ ихъ палишь.

*

Ты скипшромъ всѣхъ краевъ владѣешь
Превыше свѣтскихъ всѣхъ Царей;
Во всѣхъ народахъ ты имѣешь,
Сколь тамъ сердецъ, столь олшарей!

(Пока поютъ хоръ и балетъ танцуютъ, Амуръ подходит къ деревьямъ, къ лавочкамъ, и гдѣ палочкой ни тронетъ, вездѣ видно превращеніе, а шалашъ украшается розами и съ верху являются два сердца пылающія, съ надписью: Вотъ счастье.)

Весельчакъ. (Тихо Гипполиту) Вотъ, сударь, накликали вы и боговъ; смотришь, какая ихъ спая слепѣла. Я уйду.

Гипполитъ. (Удерживая его) Такъ чпожъ? Тѣмъ лучше; какое благополучіе! Подойдемъ къ этому юному бужку; эшо никакъ Амуръ: я его никогда не видывалъ.

А м у р ъ. (Важно)

Желаніямъ швоимъ Олимпъ сей день внимая,
И на судьбу швою сокрытой ропотъ зная,
Послалъ меня сюда надмѣнный духъ смиришь,
И выучишь тебя любя любимымъ бышь.

(Въ воздухѣ слышно эхо: любить.)

Чего желаешь ты, скажи мнѣ откровенно?

Мнѣ все покорено: адъ, небо и веселенна.

Гипполитъ. Желаю счастья.

А м у р ъ.

Коль хочешь бышь счастливъ, ты долженъ
полюбишь.

(Въ воздухѣ повторяется слово: полюбить.)

Гипполитъ. Любить!

А м у р ъ.

Найдя предметъ любви, спарайся милымъ бышь.

Гипполитъ. Не лзя ли опъ любви меня избавишь? Я владычество швое знаю, могущества швоего спрашусь; но думаю. . . .

Весельчакъ. А! а! шрусу праздновашъ. . . .

А м у р ъ.

На свѣпѣ безъ моихъ нѣпъ счастья оковъ!

Взгляни на сей шалашъ и судъ прочти боговъ.

Гипполитъ. (Читаетъ) Вотъ счастье!

(Игры и Слѣхи, окружа Амура, указывая на него, кричатъ тоже: вотъ счастье.)

(Игривая толпа Геніевъ во время аріи танцуютъ, а по окончаніи каждаго куплета первые четыре стиха поются хоромъ.)

А м у р ъ. (Поетъ)

На свѣтѣ блаженство
 Одно, чтобъ любить,
 Всѣхъ благъ совершенство
 Любя милымъ быть.
 Богатствъ обольщенье
 И славы прельщенье
 Моихъ спрѣлъ, колчана
 Не споюшъ опнюдъ.

*

Въ любви тая спрасной,
 Хорошъ всякой край,
 Съ подругой прекрасной
 Вездѣ сыщешь рай.
 Безъ женщинъ мущина,
 Жена безъ мущины
 Блаженной судьбины
 Нигдѣ не найдешь.

Гипполитъ. О сынъ всеильной красоты,
 повсюду чшимый Купидонъ! или во множествѣ раз-
 личныхъ человѣческихъ состояній нѣтъ ни одного
 шакого, въ которомъ бы я могъ, почиая могуще-
 ство швое издалека, быть счастливъ, покоенъ, ве-
 селъ, не старая швоимъ спраснымъ пламенемъ?

Амуръ. (Смѣючись) Ахъ! какъ же ты смѣ-
 шонъ съ своими высокопарными разсужденіями! Од-
 нако я тебя пошѣшу; ты наконецъ признаешься
 и самъ, что безъ меня земной шаръ плачевное жи-
 лище. Смощри, пошѣли видъ при мнѣ имѣешь
 швое селеніе, какъ прежде? Пшички повсюду поютъ
 и рѣзвятся, деревья одно къ другому приклоняютъ
 свои вѣтви и листочки ихъ вьются вмѣстѣ; но
 когда все это для тебя не убѣдительно, когда гор-
 досшь и шщеса влекутъ тебя за собою, то я
 дамъ тебѣ случай самому познашь свое заблужденіе.

Гипполитъ. Такой даръ для меня спокрапъ
 будетъ любезнѣе спрѣлъ швоихъ; на нихъ и безъ
 меня такъ много охотниковъ, что господину Аму-
 ру не малой ихъ запасъ ежедневно пошребенъ: на
 что теряшь ихъ напрасно?

Амуръ. (Принимая отъ двухъ Грацій кружку) Вотъ тебѣ кружка изъ самаго чистаго кризо-липа; въ ней вода рѣки Забвенія. Изъ этой кружки Юпитеръ пьетъ всякой разъ, когда онъ отъ одной любовницы бросается въ объятія другой; но такъ какъ онъ сегодня подарилъ себя Юнонѣ, то до завтра это ему не понадобится. Вотъ тебѣ еще изумрудное колечко, которое я употребляю только на небѣ, когда между богами какая баламутка. Употреби эти двѣ вещи въ свою пользу. Надѣвъ кольцо на правую руку, ты сдѣлаешься всѣмъ шѣмъ, чѣмъ пожелаешь; надѣвъ на лѣвую, очутишься тамъ, гдѣ вздумаешь, и будешь невидимкой; а когда надѣдешь тебѣ превращенія, и ты, найдя судьбу по сердцу своему, захочешь, чтобы волшебство совсѣмъ исчезло; выпей тогда изъ кружки, да смотри поберегай ее и испости напередъ всѣ твои зашты.

Гипполитъ. Ахъ, какимъ восхищеніемъ, крылатой божокъ, ты меня наполняешь!

Амуръ. Скоро, скоро всѣ эти подарки тебѣ наскучатъ, и я надъ сердцемъ твоимъ воспоржествую.

(Во все это время Весельчакъ заигрываетъ съ прислужницами Амура и Геніями.)

А ты, бѣднякъ, также, я чаю, чегонибудь хочешь?

Весельчакъ. Благо можно попросить, семь попышаюсь и я. (Подходитъ робко и тихо) Великой, большой, ужасной, преузорочной, ошець.... дия....

Амуръ. (Расхохотавшись) Ха, ха, ха! Оставайся пожалуй эти вычурны; я до нихъ не охотникъ. Я беру на себя иногда видъ важной, когда бесѣдую съ людьми знашными, спешенными и неприспугными; а съ такими добрыми проспьяками, каковы ты, я всегда обхожусь безъ чиновъ, и для нихъ у меня особья водяшся стрѣлы.

Весельчакъ. Такъ изволь же знашь, Господинъ Амуръ, что мнѣ двухъ вещей, помилуй Богъ, какъ хочешь; а впрочемъ я всѣмъ по милости твоѣ

ей ли, или другаго какого вашего брата верхняго жишеля, доволенъ.

Амуръ. Ну скажи, чего?

Весельчакъ. Бо первыхъ, кабы у меня была женушка, которая бы меня любила ни больше, ни меньше, какъ я ее любить буду.

Амуръ. Изволь. Пошомъ?

Весельчакъ. Кабы имѣлъ я въ карманѣ такую бутылку вина, въ которую бы, сколько изъ нее выпью, столько бы опять наливалось, то есть даромъ, безъ плашежа.

Амуръ. Изволь, я тебя эшимъ подарю за твое добросердечіе. Я не замѣшкаюсь привесити тебѣ такую дѣвочку, съ которой ты будешь жить, какъ рыба съ водой, а вина когда ни пожелаешь, всегда получишь. Господинъ твой пускай до вечера помайся, ха, ха, ха, и пусть узнаешь, что сколько ни есть на свѣтѣ людей, и сколько ни различны ихъ состоянія, все въ мірѣ любить, все мнѣ кланяется и изъ эшаго колчана лешающъ спрѣлы шакже давно, какъ и люди водятся.

(Амуръ, проговоря сіе, даетъ сигналъ; облака во множествѣ спускаются, Игры, Смѣхи и Забавы группами садятся и поднимаются вверхъ; Амуръ на легкое облако восходитъ, и пока этотъ отлетъ на театрѣ дѣлается, поется тотъ же волшебной хоръ, которой и прежде. По окончаніи же онаго, и когда Амуръ изъ виду и съ свитою своею пропадаетъ, то театръ приходитъ въ первобытное состояніе, превращенія исчезаютъ и шалашъ прежній видъ получаетъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Никакъ, сударь, тысяча и одна ночь въ очью совершается?

Гипполитъ. Ахъ, какая нужда изслѣдывать, сонъ ли то, или истина! Сегодняшній день вѣчно

изъ памяти моей не выйдетъ. Есѣли все на свѣшѣ обманъ, то можешъ ли мечта быть прелестнѣе моей! Пойду, полечу, обтеку мысленно всѣ предѣлы свѣта, упоиреблю въ пользу свою сіи очарованные подарки, и посмотрю, есѣ ли на свѣшѣ счасіе.

Весельчакъ. Однако, сударь, пока вы еще кольца своего съ пальчика на пальчикъ не перебрасываеши и изъ угла въ уголъ по свѣту не мычишесъ...

Гипполитъ. (Съ нетерпѣніемъ желая уйти, пока тотъ его держитъ)

Ну!...

Весельчакъ. Пока изъ кружки не зачали еще цѣдишь воду забвенія, которую по часпой перемѣнѣ вашихъ склонностей скоро, я думаю, почнеше....

Гипполитъ. Ну!...

Весельчакъ. Такъ же пока и я не пожелалъ, не получилъ и не почалъ своего съ неба спадшаго ренскаго....

Гипполитъ. Договоришь ли ты безчисленные свои пока?

Весельчакъ. Не можно ли, сударь, намъ опобѣдать? Громъ, шуми и слѣпое дишяшко Амуръ такъ насъ засовали, мы такъ засуешились, что давно полдень прошелъ, а мы еще не ѣли.

Гипполитъ. Вотъ еще какая диковинка! Сколько людей опъ Амура, и не видавъ его совсѣмъ, по нѣскольку дней вовсе не ѣдятъ, а мы по крайней мѣрѣ его видѣли.

Весельчакъ. Правда, сударь, что это велико дѣло; да только брюхо ничего эшаго не разумѣетъ.

Гипполитъ. Добро! пойдѣмъ обѣдать, и выпьемъ за здоровье Амура.

Я В Л Е Н І Е 5.

(Театръ представляетъ селеніе Глафиры; вдали театра Англійской садикъ, а на право ближе къ оркестру бесѣдка съ площадкой, на которую Глафира изъ бесѣдки выходитъ.)

Глафира. (Одна.)

А р і я.

Спокрапъ счастливое уединенье,
Гдѣ я живу безъ скуки, безъ досадъ!
Въ тебѣ мой духъ находить утѣшенье,
Какого дашь не силенъ знашой градъ.
Тамъ шумъ, шамъ все прошивишся природѣ;
Все ею здѣсь и дышешъ и живешъ:
Здѣсь ппички рѣзвяшся въ свободѣ
И соловей играючи поешъ.

Спокрапъ счастливое уединенье, и проч.

Смѣяна. (Вбѣгаетъ съ крикомъ) Ахъ! ахъ!
ахъ! сударыня.

Глафира. Чпо ты?

Смѣяна. Вонъ шамъ какое-то дитя за мною
гонится.

Глафира. Чпожъ шумъ спрашнаго?

Смѣяна. Ничего; да лишь я его взвидѣла,
шакъ вся спала не своя и сердце шакъ бьется....

Глафира. Какъ же она испугалась!... (Амуръ
вбѣгаетъ съ завязанными глазами и съ лукомъ)
Чпо за хорошее дитя! — Ошкуда ты взялся,
мальчикъ?

Амуръ. Я не мальчикъ.

Глафира. Дѣвочка чпо ли?

Амуръ. Нѣшъ.

Смѣяна. Не ужъ ли ты родился отъ грому и
молніи давишней?

Амуръ. Нѣшъ, я шуму не люблю.

Часть IV.

И

Глафира. Для чего ты зажмурившись ходишь; вишь ушибешься.

Амуръ. Не бойпесь, я не ушибусь; а зрячіе на меня заглядываясь, часто спотыкаюшся.

Смѣяна. Да скажи намъ, милое дитя, что ты такое?

Амуръ. (Развязывая очи) Я божокъ; меня зовушъ Амуръ.

Глафира. Такого гостя я право давно къ себѣ не ожидала.

Смѣяна. А за чѣмъ пожаловаль? Развѣ тебѣ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ насъ, мѣста нѣтъ? Иль отъ тебя и въ глуши не уйдешь?

Амуръ. Отъ меня! отъ Амура уйди! ха, ха, ха!

А р і я.

Нѣтъ въ свѣтѣ учаси такой,
Нигдѣ нѣтъ края, ни пущи,
Гдѣбъ отъ спрѣлы моей любой
Умѣлъ бы человекъ уйди;
Я жгу огнемъ, бью шепивой:
Со мной пожалуй не шути.
И спарой и малой
И прусъ и удалой,
Кто холосшъ, или кто женашъ,
Кто бѣденъ, или кто богашъ,
Ошличной разумъ кто имѣетъ
И шрехъ кто счестъ не разумѣетъ, —
Все мнѣ, все покорено,
Все любилъ осуждено.
И такъ я сошелъ съ неба пронупъ твое сердце,
Глафира, и дамъ тебѣ силу мою почувство-
вашъ.

Глафира. Я готова тебѣ повиновашся.

Амуръ. Подлѣ васъ живешъ важной и знаш-
ной господинъ; онъ богашъ, а пошому и гордъ,
ни въ чью бѣетъ, и власни моей прошивишся
смѣетъ. Сегодня я умножу имъ число моихъ под-
данныхъ, сегодня Глафира будешъ его женою.

Глафира. Чья? Гипполипа? — Я его очень мало, а онъ меня, я чаю, вовсе не знаешь; и какъ мнѣ такой высокой степени льститься: онъ знаменъ, а я щемной породы.

Амуръ. Эту щемную породу красота ангельская дѣлаешь свѣплѣ солнечныхъ лучей.

Глафира. Онъ богашъ, а я ничего не имѣю.

Амуръ. Скромность и разумъ замѣняютъ всѣ сокровища вселенной.

Глафира. Онъ любитъ пышность, почестъ, славу, а я уединеніе.

Амуръ. Въ уединеніи съ тобой онъ все забудетъ. Слава его будетъ — тебѣ нравиться, почестъ — властвовать своимъ сердцемъ, а пышность — вымышлять тебѣ забавы.

Смѣяна. Правду говоришь Амуръ. Наше дѣло пригожихъ и молоденькихъ дѣвушекъ прихотничать и нѣжиться, а ихъ за нами ходить, да лисой около насъ увиваться.

Глафира. Я больше ничего сказать не смѣю. Когда Амуръ судьбой моей хочешь править, то мнѣ оспается. . . .

Амуръ. Хохопашъ? . . . ха, ха, ха! О! я люблю веселить и веселиться. . . . Вашъ околодокъ весь я превращу сегодня въ райское селеніе: всѣхъ женю, всѣхъ выдамъ замужъ; Гименею дамъ работы дни на три; нагоню сюда Граціевъ, забавъ и смѣху пропасть, важность за порогъ вышлю; спѣсъ и чванство только прону, такъ они у меня, какъ стекло, въ дребезги разобьются; а самъ погощу на каждой свадьбѣ минуть пашъ, да и поминай какъ звали.

Смѣяна. Какъ же весело и смѣшно будетъ; а я великая хохопунья. Да, господинъ Амуръ, мнѣ что?

Амуръ. Тебѣ я приготожилъ жениха кровь съ молокомъ; ты тотчасъ его увидишь. . . . Твойпреважной, престепенной Гипполитъ мыкается шеперь по моей волшебной милости за придевать земель, не вѣдомо гдѣ; пускай онъ успанетъ хорошенько, а

къ вечеру, и прежде нежели солнышко кончитъ бѣгъ свой, прежде чѣмъ Юпитеръ надѣнетъ свой ночной колпакъ и мать моя Венера поясъ свой положитъ на яшмовую полку, Глафира будетъ въ объятіяхъ нѣжнаго любовника.

(Уходитъ и Снѣжна съ Глафирой за нимъ.)

Я В Л Е Н І Е 6.

(Театръ переую декорацію представляетъ.)

Весельчакъ. (Одинъ) Имѣю 50 тысячъ годового доходу и мыкаюсь по бѣлу свѣту съ волшебной кружкой, да съ перстнемъ, такая диковинка въ башку мою не лѣзетъ. Заѣхалъ на Каму! Худо однако я сдѣлалъ, что не просился у Амура въ Москву; баринъ мой теперь можетъ спрѣлаетъ и гораздо за Москвой, а мнѣ такъ и Сухаревой башни не видалъ. Ну, да не ужъ ли похождение наше кончилось? Нѣтъ, еще дюжины двѣ-три красавишекъ сверху къ намъ конечно налепятъ; вишь имъ, я чаю, также тамъ скучно, какъ намъ здѣсь. Что за причина, какъ подумаешь: кто внизу, тому все вверхъ хочется, а кто вверхъ, тому нарохшился какъ бы на низъ спрыгнуть, и выходитъ это Русская побаска: Тамъ-де и хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Амуръ обѣщалъ мнѣ дѣвчонку, да все это буки. Семь-ка покаместъ попробую я съ небеснаго погреба винца. Явисъ мнѣ бутылочка бѣлаго, нѣтъ красного, нѣтъ смоленого. (Является вдругъ бутылка Шампанскаго) То-то кладъ, то-то рай, то-то небесная сладость! Спану шянушь и пѣшь, и пѣшь и шянушь. (На колѣни ставъ) О великіе того свѣта боги, Цари Князья, Графы, бояры, знашныя и простые Господа, боярченки и наша братья челядь! всю эту бутылочку выпью за здоровье ваше; а вы между тѣмъ готовьте другую, такъ Амуръ приказалъ.

(Садится въ шалашъ и льетъ припѣвая)

А р і я.

Пусть всякъ живешъ и мычешся, какъ знаешъ,
Одинъ, съ женой, иль съ множествомъ подругъ;
Меня ни то, ни сіо не раздражаетъ:
Всѣ люди мнѣ друзья и я всѣмъ другъ.

*

Мало ли, что кого изъ насъ забавитъ,
Я про себя всегда и сытъ и пьянъ;
Кшо какъ гораздъ, шопъ счаспьемъ такъ и
правишъ,

А я за кружкой сидя знашной панъ.

*

Всѣ на судьбу, посмотришъ, губу дуюшъ,
Для чего свѣтъ идетъ всегда вверхъ дномъ;
Все прынь права, напрасно лишь полкуюшъ:
Мнѣ по и рай, коли въ избѣ садомъ.

(Допиваючи, онъ становится очень пьянъ)

Ну, бутылочка, мой другъ, спасибо . . . раз-
потѣшила ты меня . . . упросто такъ меня смо-
тило. Э! да что красавушка моя не капишъ. . .
Видно Амуръ подъ нее голубей подпрягаетъ. . . .
То-то, я чай, преузорочное дѣло будешъ.
Ну, Весельчакъ. . . . въ сорочкѣ родился. . . . Ека
невидалъ и въ Москвѣ. . . . Да ну
таки слышъ. . . . Вся недолга.

Я В Л Е Н І Е 7.

Ф и н а л ъ.

Амуръ, Смѣяна и Весельчакъ (Спитъ).

А м у р ъ.

Подъ сюды, подъ сюды,
Подъ сюды, моя красотка!
Тебя ждешь швоя находка;
Не бось со мною ты бѣды.

С м ѣ я н а.

Амуръ находку обѣщаетъ ;
 Знашь жениха мнѣ припасаетъ :
 Бояшся съ нимъ не лъзя бѣды.

А м у р ъ.

Анъ вошъ молодчикъ мой сонливой ,
 Любовникъ прямо несмыдливой ,
 Какъ разнѣжившись лежишь ,
 Какъ убишой съ хмѣлю спишь.

Весельчакъ.

Заспался не кшапи я ,
 Не взбудиль никшо меня ;
 Ай жишье , ай да раздолъе !
 Харча , вина , всего приволье.
 Амуръ , спасибо брашъ шебъ !
 Но вошъ и самъ онъ здѣсь явился ;
 Съ какой красопкой очутился !
 Супруга знашь моя никакъ ?
 А я сшою шупъ какъ дуракъ !

В м ѣ с т ѣ.

Амуръ

Весельчакъ.

Насилу другъ нашъ вострепе-	Но вошъ и самъ онъ
нулся.	здѣсь явился ;
Вошъ швой женихъ , смоп-	Съ какой красопкой
ри , проснулся ;	очутился !
Его шебъ я подарю ,	Моя жена при немъ ни-
Но не сей часъ , а ввечеру.	какъ ?
	А я сшою шупъ какъ
	дуракъ !

А м у р ъ.

(Видя , что Весельчакъ порывается обнять
 Смѣяну , удерживаетъ его)

Пошише , молодець , шакъ близко къ ней не суйся ;
 Бушылка шебя ждешь , — поди съ ней поцѣлуйся.

Весельчанъ.

Не шолько чшо вина , шы женку мнѣ сулилъ.

А м у р ъ.

Чего шы напередъ , припомни - ка , просиль ?

Весельчакъ.

Не помню, хоть убей. . . .

Амуръ.

Жены тебѣ хотѣлось;
А къ дѣлу какъ пришло, пилось бы лишь, да ѣлось.

Весельчакъ.

Пустое, братъ Амуръ; голодной у кумъ,
Слыхалъ я, что не ты, а хлѣбъ лишь на умъ.

Амуръ.

За то ты даромъ сей красоти не получишь;
Трудомъ ее купи, и ешьли не соскучишь,
Такъ къ вечеру ее ты будешь цѣловать;
А безъ того ее вовѣки не видашь.

Смѣяна.

Почпо ты мнѣ узнать вѣла
Любви желаемый предметъ;
Иль въ злобѣ ты своей хотѣла,
Чтобъ мнѣ омерзиль цѣлой свѣтъ?

Амуръ.

Дай мнѣ взбѣсиль его свободу.

Смѣяна.

А ты мнѣ дай мою свободу.

Амуръ.

Пускай въ замѣнъ вина пьешь воду.

Смѣяна.

Напрасно такъ тѣсишь природу?

Весельчакъ.

Я пилъ какъ будто бы во енѣ,
А на яву похмѣлье мнѣ;
Не лзя ли, бабюшка Амуръ,
Мнѣ безъ хлопотъ ей строить куръ?

Амуръ.

Богамъ угодно, чтобъ въ опмщенье
За сдѣланное предпочтенье
Бину предъ жемской красой
Ты искусила бы водой.

Весельчакъ.

Какой мнѣ рокъ топовяшъ слезной!
 Спасибо, баринъ мой любезной!
 Амура съ неба ты сманилъ,
 А самъ опъ нихъ пошчасъ урылъ.

Смѣяна.

Что мучишь насъ тебѣ охоты?
 Жени скорѣй, иль разлюби.

Весельчакъ.

Свои ты инде найдешь счепы,
 А насъ пожалуй не губи.

Амуръ.

Не лзя того перемѣнишь,
 Богамъ не лзя мнѣ измѣнишь.

Смѣяна и Весельчакъ. (На колѣняхъ)

Амуръ! опъ ногъ швоихъ не вспанемъ,
 Молишь тебя не переспанемъ;
 Нѣшъ, нѣшъ, конечно не отспанемъ,
 Пока ты счастья намъ не дашъ.

Амуръ.

На что у ногъ моихъ споише?
 Того, чего шеперь хошише,
 Снискашъ опнюдь себя не льспише.

Весельчакъ.

Какая эшо яролашъ!

Амуръ.

Водою ты, а ты шерпѣнъемъ
 Готовьшесь выучены бышъ.

Весельчакъ и Смѣяна.

Взаимнымъ сердца привлеченьемъ
 Успѣлъ довольно научишь.

} *Всѣ трое.*

Весельчакъ.

И шакъ, сударь Амуръ, шальливое владыко,
 Кошпорому всегда плаши ремень за лыко.

А м у р ъ.

Не хочешь ли меня шы бранью испужашь ?
(Смѣется)

Ворчи, дружокъ, ворчи...

Весельчакъ.

Тебя коль не чѣмъ взятьъ,
Скажи же, какъ доспашь ее повелѣваешь ?

А м у р ъ. (Важно)

Коль подлинно владѣшь дѣвицей сей желаешь,
Ты долженъ здѣсь въ рѣкѣ всю воду возмутишь,
И сряду девять разъ девяшу волну пишь.

Весельчакъ.

Девяшу волну пишь и девять разъ и къ ряду!
И впрямь, Амуръ, въ тебѣ ни складу нѣтъ, ни ладу.
(Амуръ уходитъ и Смѣяну съ собой уводитъ.)

Волшебной хоръ.

(Во время онаго Весельчакъ стоитъ изумлѣнъ,
надумывается и уходитъ.)

Амуръ, Венеринъ сынъ прекрасной!

Лежи шы къ небесамъ опять,

И съ нихъ смѣлѣй спрѣлою спрашной

Спѣши вселенну поражащъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацию.)

Я В Л Е Н І Е 1.

Гипполитъ. (Одинъ)

А р і я.

Амуръ, тиранъ сердечной,
Спокойныхъ душъ врагъ вѣчной!
Увы! почто я зрѣлъ тебя!
Всѣ мысли наши возмущаешь,
Спрадашь всечасно заспавляешь,
И жизнь, разумъ погубя.
Ошъ спрѣлъ швоихъ что ни родится,
Что только въ голову вселился,
Химера выдешъ и мечта.
Нѣтъ, я тебѣ не покорюся,
Всей силою вооружуся,
И для меня ты суеца.

Два раза я надѣвалъ кольцо на правую руку,
и два раза превращался; нѣтъ, или волшебство
мнѣ не благопріятствуетъ, или подлинно нѣтъ
участия счастливой.

Я В Л Е Н І Е 2.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Ну, сударь, благодарю покорно; изрядную вы мнѣ милость оказали.

Гипполитъ. Чпожъ шакое? Или вина тебѣ не спало?

Весельчакъ. Какъ бы не вина, сударь; за мои грѣхи пришлось и воду пить.

Гипполитъ. Какъ это?

Весельчакъ. Препроказливой эпопъ божокъ, или сапана, давишній Амуръ нашель меня какъ-то здѣсь въ разплохъ на веселъ, показаль мнѣ красавицу, которую я шакъ полюбилъ, какъ.... какъ мущины любяшъ дѣвокъ, и собрался было ее поцѣловашъ шакъ, ... какъ мущины цѣлуютъ дѣвокъ; но мой Амуръ разсердился не вѣдь за чшо и изволилъ мнѣ приказашъ эпу незнаемую красопку выслуживашъ, какъ будпо чинъ какой, и какъ бы вы думали, чѣмъ?

Гипполитъ. Чѣмъ бы то ни было, ты шакъ влюбчивъ, чшо для тебя все будешъ бездѣлица.

Весельчакъ. Нарядилъ меня эпопъ воздушной сорванецъ идши къ рѣкѣ, возмушилъ воду, ловилъ девяпую волну и выпилъ ее девашъ разъ къ ряду. (Гипполитъ смѣется.) Вамъ, сударь, смѣшно, а мнѣ и полсмѣха нѣшъ.

Гипполитъ. Не веселѣй и мнѣ, повѣрь. Я два раза превращался и все по пустякамъ.

Весельчакъ. Нишпо вамъ; сами блинъ спекли, сами и кушайте. Однако, сударь, на маломъ нашемъ розыскѣ не лзя ли узнать, гдѣ и чѣмъ изволили побывашъ?

Гипполитъ. Сперва вздумалось мнѣ пожитъ въ кожѣ спихотворца.

Весельчакъ. Я чаю слова ваши, сударь, поились какъ сыща.

Гипполитъ. Я въ эпомъ соспояніи испышалъ спрасъ доселъ для меня новую и въ мукахъ ее и забопахъ: я спалъ самолюбивъ, возмечшалъ, чшо лучше меня никто не пишемъ, пошѣлъ долго, писалъ много, сказалъ мало, завалили меня ругашельспвомъ и насмѣшками, и я съ досады выскочилъ вонъ изъ спихотворнаго шуловища.

Весельчакъ. И попали куда?

Гипполитъ. Въ гуспую судейскую шущу; сдѣлался судьей, разсердился на плушовъ и лихо-

имцовъ, погналъ ихъ грудью и перомъ, зачиналъ уже одолѣвать, какъ вдругъ одинъ побольше меня судья на меня разсердился и далъ мнѣ такого шуза, что почувствовалъ я себя и къ судейству человѣкомъ негоднымъ; разлилась во мнѣ желчь, я взбѣсился и скинулъ посредствомъ волшебнаго кольца судейскую съ себя маску.

Весельчакъ. Потомъ, сударь?

Гипполитъ. Потомъ пришелъ сюда.

Весельчакъ. Воля ваша, сударь, вы не знаете, чего хопите. 50 тысячъ у васъ доходу, — одно это, кажется, звонкое слово: 50 тысячъ рублей, счастливые всѣхъ вашихъ превращеній, ошъ копорыхъ вы къ концу дня ни на волосъ выше не подымешесь.

Гипполитъ. Я не знаю право, что мудренаго въ моихъ желаніяхъ. Я счастье полагаю въ самыхъ легкихъ приобрѣщеніяхъ. Что въ богатствѣ, когда дѣлешь его не съ кѣмъ! Я хотѣлъ бы имѣть товарища, копорой бы встрѣчалъ великолѣпную зарю утра, сидя рядомъ со мною, копорой ввечеру, смотря вмѣстѣ съ мной на закатъ солнца, благодарилъ бы Небо одними со мной уснами за то, что къ пропекшимъ счастливымъ днямъ еще день счастливый приложился, копорой бы задумывался вмѣстѣ со мною, вздыхалъ въ одно время и о томъ же, любилъ бы меня паче всего на свѣтѣ.

Весельчакъ. Ха, ха, ха! и вышло на моемъ, сударь: вамъ влюбиться хочется; вы любовницу ищете, да не найдете, вопъ и запяшая.

Гипполитъ. Все влюбиться, да влюбиться; развѣ другъ не превосходилъ бы спокрашъ любовницы? Прошло то благополучное для смертныхъ время, въ которое человѣкъ, всегда юный въ спра-сняхъ своихъ, равняющійся въ непорочности ангелу, любилъ пламенно и нѣжно, душа его горѣла огнемъ чистымъ и незазорнымъ; а нынѣ любви нѣтъ; нынѣ все дѣвки, да дѣвки, вчера такая, завпра-иная: вопъ любовь нашего вѣка; я въ ней счастья своего никогда не найду.

Весельчакъ. Вишь вошь на всѣхъ какъ уго-
дитъ! А мнѣ шо-шо и любо, что все перемѣнки:
вчера Арина, сегодня Марина. Поѣдемъ-те, су-
дарь, въ Москву: шамъ красавицъ, какъ лѣтомъ
мухъ, любую выбирайте; а здѣсь пей пожалуй де-
вяшую волну.

Гипполитъ. Нѣшъ, воспользуюсь теперъ дру-
гимъ подаркомъ Амура: надѣну кольцо на лѣвую
руку, и предстану невидимкой, куда вздумаешся;
посмотрю на вельможу, найду въ избѣ грубаго по-
селянина, и ешъли не сыщу счастья нигдѣ, по
крайней мѣрѣ не упрекну себя, что я его не искалъ.

Я В Л Е Н І Е 3.

Весельчакъ. (Одинъ)

Ну, Весельчакъ, пишь такъ пишь девяшую
волну. Збылась со мной побаска: хошь не радъ,
да будь гошовъ; что дѣлашь, иногда шрафится,
что и радъ, да негошовъ: свѣшъ шпука большая,
что о помъ и говоритъ; э, да мало ли что въ
немъ мудренато. Спанемъ-ка жить и курныкашъ
сегодня, а завтра что Богъ дастъ.

А р і я.

Всякъ, чего желаетъ,
Самъ того не знаетъ;
Свѣшъ шаковъ
Ужъ не новъ.
Много въ свѣшѣ
На примѣшѣ
Дураковъ.

*

Нынче все хохочетъ,
Завтра плакатъ хочетъ
Человѣкъ
Весь свой вѣкъ;

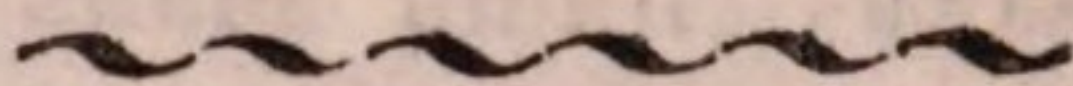
Такъ живется,
Такъ ведется
Цѣлой вѣкъ.

*

Милую находку
Нѣжную красотку
Кино сыскалъ,
Кино доспалъ,
Тошъ удачливъ,
Тошъ и счастливъ
На вѣкъ спалъ.

*

Много и умиѣ
Меня и знамиѣ
Про себя,
Не шумя,
Тошъ же кляшой
Пьюшъ девяшой
Валь, какъ я.

Я В Л Е Н І Е 4.

(Театръ перемѣняется и представляетъ кабинетъ вельможи, въ которомъ Гипполитъ невидимкой.)

Гипполитъ и Мечтолюбъ.

Гипполитъ. (Сперва одинъ) И шакъ я очутился въ Москвѣ; въ эпомъ домѣ, говоряшъ, безпрестанныя собранья. Хозяинъ богатъ, знаменъ, молодъ, уменъ, пріятенъ, слѣдовательно и счастливъ; увижу, даюшъ ли благополучіе чины, слава и почестъ, когда всякой день испытываю, чпо роскошь дасть его не можетъ.

Мечтолюбъ. Какой скучной обѣдъ! какое несносное принужденье! Малой! слуга входитъ) дай сертукъ. Насилу въ цѣлой годъ нашелся такой вечеръ, которой я могу провести по своему. (Надѣвъ сертукъ) Дома ли жена?

Слуга. Изволила съѣхать и карету опустошила; вотъ опъ нее письмо.

Мечтолюбъ. (Читаетъ) Гей! Скажи, чтобы музыку приготовили; сегодня жена не будетъ дома во весь вечеръ, и я на свободѣ повеселюсь.

Гипполитъ. Изрядное супружество.

Мечтолюбъ. Позовише сюда Секретаря моего; завтра еще прибавятся наружные знаки моихъ почестей, и женины визиты, балъ и всѣ его послѣдствія обѣщаютъ мнѣ впередъ много лестныхъ преимуществъ.

Гипполитъ. А самое вѣрное — рога.

Мечтолюбъ. Пусть голодные писатели и изсохлые моралисты поютъ, что хотятъ; кто выситъся желаетъ, тому всѣ средства хороши, лишь бы доспигалъ удачи.

Гипполитъ. Самая добрая философія!

Я В Л Е Н І Е 5.

Тѣ же и Поддакинъ съ бумагами.

Мечтолюбъ. Здравствуй, господинъ Поддакинъ! Что это ны съ бумагами пришелъ?

Поддакинъ. Вашему Сіятельству недосугъ было давеча. . . .

Мечтолюбъ. Да, я ѣздилъ на званой пиръ.

Поддакинъ. Не угодно ли что приказать по этимъ бумагамъ? Тутъ есть довольно важные приговоры. . . .

Мечтолюбъ. Нѣтъ, мой другъ, все это завтра; мнѣ сегодня недосугъ. Я остался дома слушать музыку, а не дѣла дѣлать; завтра.

Поддакинъ. Не угодно ли на нѣкоторыя времени неперпяція письма хотя крашкіе опѣшны начертать?

Мечтолюбъ. Еще разъ, мой другъ, нѣтъ. Или я не могу иногда забавы мои почестъ недосугами для отправления дѣлъ? Я себя позвалъ, чтобы спросить тебя, нашелъ ли ты мнѣ денегъ занялъ?

Поддакинъ. Ваше Сіяшельство, денегъ достать нынѣ и трудно и дорого. Есѣли бы онѣ и были, то бы я осмѣлился доложить Вашему Сіяшельству изъ оплично глубокаго моего почтенія...

Мечтолюбъ. О чемъ?

Поддакинъ. О удовлетвореніи многихъ должниковъ, кои неотступно плашежа просятъ, и сколько я сего утра ни хлопоталъ съ ними изъ опсрочекъ, но все ссылаюся на вашу роскошь и ждашь не хопяшь ни дня; просшите мнѣ.

Мечтолюбъ. Такъ, мой другъ, я знаю, что мои сполы, мои пиры, а особливо музыка всѣмъ въ глаза кидаются, всякой меня почишаешъ ежеминутно въ деньгахъ; но ты знаешъ, что нынѣ весьма вошло въ обыкновеніе не имѣть гроша въ карманѣ и кормить спо человекъ госпей. Вотъ таки на примѣръ я: у меня нѣтъ теперъ 25 рублей въ кошелькѣ, а ежели завтра получу я извѣстіе, что произведенъ, то не далѣе, какъ черезъ два дни у меня маскарадъ, и вся Москва будетъ угощена. И такъ, мой другъ, о дѣлахъ и долгахъ спанемъ говорить завтра, а о деньгахъ сегодня, сей же часъ.

Поддакинъ. Есѣли бы смѣлъ я предложить вамъ способъ получить ихъ?

Мечтолюбъ. Какой, скажи?

Поддакинъ. Посѣщающій васъ купецъ. . . .

Мечтолюбъ. Понимаю; съ охотою, завтра дѣло его будетъ сдѣлано, а ты постарайся о томъ, чтобъ. . . .

Поддакинъ. Это не забудется и не пропадетъ, Ваше Сіяшельство; онъ бы кромѣ и случайной сей своей послуги готовъ съ вами въ общія коммерческія дѣла войти, какъ-то въ опкупъ, въ подряды; подъ именемъ вашимъ всякая монополія меньше была бы спрашна; но онъ опасается и въ разговоры даже о семъ войти съ споль знаменишою собою, какъ ваша.

Мечтолюбъ. Пустое, другъ мой, чего онъ боится. Многіе изъ насъ лишь публику спращавать надушымъ своимъ видомъ, а въ самомъ дѣлѣ

въ кабинетѣхъ своихъ они право не такъ - то казиспы.

Гипполитъ. Спасибо, хоть чистосердеченъ.

Мечтолюбъ. Много дѣлаетъ въ свѣтѣ личина.

Поддакинъ. Подлинно, Ваше Сіятельство, мало ли что кому кажется золотомъ, гдѣ вправду только мѣдь.

Мечтолюбъ. Такъ, Господинъ Поддакинъ, насъ возводятъ и губятъ не дѣла, а молва. Прослыветъ дуракъ умнымъ, всѣ его премудрости дивятся; умной ли попадетъ въ дураки, всѣ закричатъ: такого скопа и не бывало. Хищра наука въ свѣтѣ жить, мой другъ!

Поддакинъ. Кто одаренъ такими достоинствами, какъ вы, Сіятельныйшій, тотъ владѣетъ во всякое время нишкою эшаго лабиринта.

Мечтолюбъ. На что достоинства? Чтoby счастливу быть не надо быть добру, а оспорожно быть дурну.

Гипполитъ. Какая тонкая чернота, какой уродъ въ порокахъ!

Поддакинъ. Мѣтко разсуждаетъ изволише, Ваше Сіятельство!

Гипполитъ. Кури свой идолъ, о пребезчестный ласкашель!

Мечтолюбъ. Возьмемъ въ примѣръ когонибудь; я о себѣ не спану говорить. Мало ли ты знаешь людей въ свѣтѣ, копорые чѣмъ больше сдѣлали хулы достойныхъ дѣлъ, тѣмъ легче получили всякія степени преимуществъ.

Поддакинъ. Не говоря о Вашемъ Сіятельствѣ, и я скажу, что ихъ довольно.

Мечтолюбъ. Сколько же напротивъ мнѣ извѣстныхъ людей, кои опъ неумышленности, опъ неосторожнаго подвига молодаго разсудка, можетъ быть и хорошаго, по крайней мѣрѣ не пакостнаго, плашили дорого за самыя извинительныя шалости; молва объ нихъ доходила до какойнибудь мѣлкой швари; эша гадина внушала и вѣспочку и свои

шолки пущъ же въ уши какого ни наестъ скареда; пошъ скажешъ двумъ, или премъ другимъ, и пошло въ славу; наконецъ молодой человекъ безъ всякой вины часто прешерптываетъ самыя дюпшы поношенія, теряетъ хорошее имя и какъ ключъ ко дну канешъ.

Поддакинъ. Все, что ни изволише сказапъ, все очень справедливо; слова изъ устъ вашихъ какъ рѣка льешся.

Гипполитъ. А на сердцѣ сажа; что не договариваешъ?

Мечтолюбъ. Однако я заговорился; пора бы за музыку. А ты таки все за бумаги.

Поддакинъ. Въ нихъ есть одна такая, которая меня собственно корысшуешъ, и ежели бы смѣлъ. . . .

Гипполитъ. Подай, подай; что такое?

Поддакинъ. Письмо къ одному Губернатору о представленіи къ мѣсту небогатаго человека, коего жена. . . .

Мечтолюбъ. Родственница тебѣ, или. . .

Поддакинъ. Она, Ваше Сіяшельство, опущена мужемъ погостить ко мнѣ; за такое его одолженіе былъ бы я неблагодаренъ. . .

Мечтолюбъ. Конечно. . . естѣлибъ не показалъ чрезъ благодушеля своего ему услуги. А хороша ли эпа госпожа? Виновашъ, я много спрашиваю; мое дѣло подписать письмо, прочее для меня секретъ. (*Подписываетъ*) Вели послапъ ко мнѣ мою пѣвицу. (*Приносятъ ему карточки*) Вотъ еще одна изъ тѣхъ забавъ, кои меня крайне веселяпъ. Около большаго праздника прославляпъ кого нибудъ въ новое достоинство, или въ новый случай у Двора, то и бросяпся всѣ на-перерывъ съ визитами, кшо поушру, кшо наканунѣ, кшо ввечеру. Завтра я жду эсшафеты, а сегодня вся Москва валипъ въ гости.

Я В Л Е Н І Е 6.

Тѣ же и Нина, пѣица.

Мечтолюбъ. Здравспвуй, Нина! Какъ же ты аванпажна сегодня! Ты не догадаешься, за чѣмъ я тебя позвалъ?

Нина. Для клавикорты конечно, Ваше Сіятельство?

Мечтолюбъ. А ежели бы не для нихъ . . . Сыграй мнѣ что нибудь, только прошу не арію, а простую Рускую хорошую пѣсенку; я шерпѣть не могу вашихъ Италіянскихъ взвизговъ. Всякой имѣешь свой вкусъ.

А р і я.

Н и н а.

Все со временемъ проходитъ,
Заблужденьямъ естъ конецъ;
Топь во тьмѣ свой вѣкъ проводишь,
Кто лишь славы чшишь вѣнецъ.

Мечтолюбъ.

Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаемъ каждой часъ;
Но, ахъ! все вздоръ; любовь прямая
Одна сильна счастливитъ насъ.

Мечтолюбъ. Вотъ настоящая правда!

Гипполитъ. Да ты ее не чувствуешь.

Н и н а.

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустою,
Горы злапа драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной!

Мечтолюбъ.

Любовь и скиптры украшаетъ,
Любовь и бѣдность золотиетъ;
Но безъ любви вся тварь скучаетъ,
Ничто въ подсолнечной не льститъ.

Мечтолюбъ. Продолжай, продолжай; я хочу ее всю прослушать.

Н и н а.

Даръ любви дала природа
 Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ ;
 Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
 Выше Царскихъ всѣхъ побѣдъ.

Мечтолѹбъ.

Когда я Нину обнимаю,
 Когда ласкаюсь я къ ней,
 Тогда я все позабываю,
 Кромѣ голубушки моей.

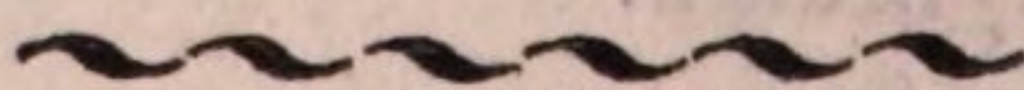
(Въ это время входитъ слуга съ запиской. Мечтолѹбъ, которой хотѣлъ поцѣловать Нину, отскакиваетъ и беретъ записку; пока онъ ее читаетъ, Гипполитъ про себя)

Вотъ прекрасно! Забываетъ все, кромѣ голубушки, а вмѣсто того бросается изъ объятій ея къ запискѣ, которой еще и содержанія не знаетъ! Чтожь будешь съ этой голубушкой, когда онъ прочтешь ее?

Мечтолѹбъ. (Прочтя и въ смущеніи) Гей! карету! Боже мой! распустишь музыкантовъ! Не было никакой перемѣны, и я чаемаго повышенія не получилъ. Я знаю, кто это спроворилъ; я вѣдаю, чѣмъ проiscaмъ я обязанъ за шеперешнее мое внутреннее страданіе. О люди, вы, кои зависпавивыми на насъ смотря очами, желаете быть на нашемъ мѣстѣ! благословице вашу участь! Бы! никогда не покупаете вашихъ забавъ такою дорогою цѣною, какъ мы, и эпошъ мигъ пріятной, копторой я себѣ доставилъ между шягоспнымъ обѣдомъ и спокрашъ несноснѣйшимъ вечеромъ, не спюишъ всѣхъ очарованныхъ счастіемъ дней, кои вы проводите съ своими подругами, насмѣхаясь намъ и нашимъ замысламъ. Ну, шеперь женѣ у Князя дѣлашъ нечего; поѣду за ней.

Гипполитъ. И спѣши, чтобъ не опоздашь. Вотъ счастье знашнаго Господина!

(Снимаетъ кольцо и театръ представляетъ селеніе Глафыры.)

Я В Л Е Н І Е 7.

(Театръ представляетъ Глафирины дачи.)

Глафира и Смѣяна.

Глафира. Какая въ чувствахъ моихъ переменѣна! Ни одинъ день еще не казался мнѣ такъ дологъ, какъ сегодншній.

Смѣяна. Чшо со мной подѣялось! Бывало все хохочу съ утра до вечера, а сегодни вовсе не могу смѣяться.

Глафира. За чшо ни примусь, ничшо на умъ нейдепъ.

Смѣяна. Чшо ни возьму въ руки, все изъ нихъ валипся.

Глафира. Давишнее дишя изъ мыслей не выходишъ.

Смѣяна. Эпошъ паспушокъ, копораго я видѣла, овладѣль мною совершенно.

Глафира. Ахъ! эпо пы, Смѣяна?

Смѣяна. Я не видала васъ, Сударыня.

Глафира. Какой прекрасной день! какой вечеръ!

Смѣяна. Кабы поскорѣй онъ прошелъ.

Глафира. Чшожъ онъ шебъ такъ наскучилъ?

Смѣяна. Мнѣ Амуръ обѣщаль къ закапу солнца такого прекраснаго, такого пригожаго молодчика, что я жду не дождусь его назвать мужемъ.

Глафира. Развѣ ты его видѣла и говорила съ нимъ?

Смѣяна. Видѣшъ видѣла, говоришъ не говорила, а ужъ влюблена въ него по уши.

Глафира. И такъ ты меня рѣшилась оставишъ?

Смѣяна. Я васъ очень, очень люблю, моя милая барыня; а эшаго молодца, не пошаю вамъ, что люблю побольше.

Глафира. Какъ же ты скоропоспшижно влюбляешся!

Смѣяна. Такъ - то и надобно, сударыня; дѣвка не свѣпская, выросла въ деревнѣ. По нашему обычью взглянула, полюбила, по рукамъ, да и замужъ; мы вашихъ благородныхъ вычуръ не знаемъ. Признайшесь, что много есть между вами въ городахъ такихъ, которые до шѣхъ поръ засва-шались и задляшъ стоворами, помолвками и прочими дурачествами, что при отпускѣ приданого едва любяшъ уже того жениха, на котораго глядя за мѣсяцъ передъ тѣмъ, съ радости умирали.

Глафира. Мой другъ! всякая жизнь имѣетъ свои правила. Ты сама знаешь пословицу: что городъ, то норовъ; что село, то обычай.

Смѣяна. Стало мое село или родина всѣхъ вашихъ столичныхъ городовъ милѣе. У насъ обычай — природа, правило — любовь. Я по рядной несущу за собою красоту, женихъ мнѣ вмѣсто знаши даетъ сердце. Мы по вашему по городскому другъ за другомъ не волочимся, да любимъ всѣмъ сердцемъ.

Глафира. (Про себя) Какъ близко ея разсужденіе къ моимъ чувствамъ. (Вслухъ) Ты очень чистосердечна, мой другъ.

Смѣяна. А на чтожъ мнѣ припворяться? Я влюбилась, въ этомъ спыда еще нѣтъ; я хочу замужъ, это и подавно не спыдно. Спросите и вы у своего сердца, чужь не на моей ли оно также споронѣ.

Глафира. Ахъ, правда! Я опъ тебя не скрою, что съ шѣхъ поръ, какъ Амуръ произнесъ имя Гипполипа, языкъ его поминушно сложишъ хочешъ, и кажется мнѣ, что я также его люблю, едва издали раза два видѣвши.

Смѣяна. И такъ, сударыня, оставимъ принужденіе, послѣдуемъ въ полной свободѣ нашимъ чувствамъ и. . . .

Глафира. Что ты, Смѣяна? развѣ Гипполипъ меня любилъ? Я и думаю объ этомъ не опваживаюсь; да и жилище мое еще не такъ мнѣ прискучило.

Смѣяна. Полноте, сударыня, какъ можешь не прискучить что нибудь безъ мушинъ? Полгода мы здѣсь живемъ однѣ одиныхоньки; сады и пшички, лѣса, бесѣдки, все это хорошо и прелестно, да только тогда, когда хорошій любовникъ вмѣстѣ съ нами въ кусты причесся.

(Слышенъ голосъ)

Глафира! Небеса твоя жребій премѣнили,
Оспавъ на время ты убѣжище свое;
Поди шуда, гдѣ мы съ Смѣяной нынѣ были:
Тамъ ждетъ тебя Амуръ и счастье твое.

Глафира. Какое чувство поселилось въ душѣ моей! какой трепетъ въ члены мои въ движеніе приводитъ! Любовь! я силу твою ощутила! Царствуй надъ моимъ сердцемъ, награди меня предметомъ, спаси моей достойнымъ, и вложи въ него ко мнѣ постоянное чувство! А вы, мѣста моихъ увеселеній, страна моихъ забавъ! простите. Когда я люблю, то уже вы для меня пусты стали.

Арія.

Прости на вѣкъ моя свобода,
Прощай мой садъ, прощай лѣсокъ,
И ты, прозрачной милой шокъ,
Гдѣ царствуетъ одна природа,
Гдѣ всяка мнѣ погода
И всякой былъ пріятель рокъ!

Я В Л Е Н І Е 8.

(Театръ представляетъ избу. Даша сидитъ за станкомъ, и Гипполитъ невидимкой.)

Даша. Что это бабюшка такъ долго домой нейдетъ?

Гипполитъ. Вотъ еще родъ людей, коихъ участь мнѣ не извѣстна; ужь ли и здѣсь нѣтъ счастья безъ любви? Посмотримъ.

Д а ш а п о е т ъ.

Гдѣ нийду, гдѣ ни гуляю,
Скучно, скучно мнѣ вездѣ;
Все грущу и все вздыхаю:
Знашь мнѣ счастья нѣтъ нигдѣ.

*

Выдуль къ берегу крупному
Прогуляйся на часокъ,
Вдругъ явлюся прошивъ дому,
Гдѣ живешь мой милъ дружокъ.

*

Я кричу ему въ окошко:
Ваня, Ваня, выдь на дворъ,
Или дай взглянуть немножко
На себя черезъ заборъ.

Гипполитъ. Ой ужъ мнѣ эта любовь! все
она, да она.

(Входятъ Изотъ и Домна.)

Изотъ. Здорово, здорово, Даша. Я чаю ты
всѣ глаза просмотрѣла, насъ ждавши?

Даша. И въдомо, бабюшка; а мапушка гдѣ?

Изотъ. Вонъ она за мной идетъ.

Даша. А! здравствуй, мапушка.

Домна. Здорово, мой свѣтъ. Опгадай, дѣв-
ка, гдѣ мы по се мѣсто прогулялись съ опцомъ
твоимъ?

Даша. Гдѣ мнѣ это знашь,

Изотъ. А вонъ были за рѣкой у Авдея, Ива-
нова опца.

Даша. Что бы вы тамъ дѣлали, бабюшка?

Изотъ. Мы съ спарикомъ пѣли брагу, а
мать твоя все прокалякала съ Иваномъ; вонъ - де
скоро Пешровки на дворъ, пора - де молодцу же-
ниться.

Даша. Я чаю, онъ, бабюшка, не хочетъ?

Домна. Врешь дурочка; кто жениться не
хочетъ? У насъ, спасибо, у крестьянъ не завелось
еще таскаться по вашимъ сестрамъ дѣвкамъ, да
ихъ позорить, а себя срамить; Богу благодаренье!
у насъ за частую женился, да и ладно.

И з о т ъ. Нешто, воптъ какъ мы съ матерью-то твоей обвѣнчались, тому будетъ гораздо за два десятка, а еще мы и шеперь другъ друга любимъ; не шакъ ли Домна?

Д о м н а. Да кого же мнѣ и любить, что не Изопа своего; да мнѣ хотъ цѣлой хоровадь приведи молокососовъ - те городскихъ, да я ни на одного не промѣняю своего друга Изопа Савельича.

И з о т ъ. Тыфу врагъ! да и хорошъ я былъ съ молоду.

Г и п н о л и т ъ. И въ шакой проспошъ любовь обитаешъ?

А р і я.

И з о т ъ.

Помнишь ли, какъ я влюбился;

Это было на Святкахъ.

Ты кашалась на горахъ,

Я къ тебѣ путь вмигъ подбился:

То взгляну я на тебя,

То ты взглянешъ на меня,

То мы оба взглянемъ вдругъ;

Изъ - подпиха и съ оглядкой

Проберусь къ тебѣ украдкой;

Парни всѣ сберутся вокругъ:

Съ шѣхъ поръ, въ доброй молвишь часъ,

Нѣтъ въ селѣ счастливей насъ.

Поемъ, куримъ и веселимся;

Мы баръ покойнѣе сто разъ,

На мигъ не грустимся.

Д а ш а. Чпожъ, бапюшка, Ивана-тъ хочешъ, или нѣтъ, женишься?

И з о т ъ. Чпо - то ты объ Иванѣ - то поговариваешь больно часпо.

Д о м н а. Эхъ, эхъ, Изопъ, ну что дѣвку по пустякамъ мучишь? Не горюй, Даша, опецъ тебя просвашалъ за Ивана.

Д а ш а. Ахъ, бапюшка! ахъ, мапушка! какъ я рада! Пойду низанье низатъ, рубахи шипъ; Ваня мой, я Ванюшина, все шупъ.

Гипполитъ. Какая привлекательная непрочность!

Домна. Экъ она спрѣльнула! Ну ладно, что мы это дѣло свахляли; малой-то хорошъ, дѣвка-та наша будетъ за нимъ счастлива.

Изотъ. Хорошій мужъ, да добрая жена кладъ на землѣ; что кто ни бай, а лучше того нѣтъ на свѣтѣ, какъ женился, да за мужъ иди. Вонъ, я посмотрию, господинъ нашъ Гипполилъ...

Гипполитъ. Я въ своемъ селѣ; шѣмъ пріятнѣе будетъ мнѣ узнать истинное обо мнѣ мнѣніе моихъ крестьянъ.

Изотъ. Человѣкъ онъ доброй, честной; мы всѣ его любимъ отъ мала до велика, всѣ имъ довольны. . . .

Домна. То ужъ нече говоришь, сщарикъ, развѣ некошной какой въ селѣ-то его не хвалишь; а то Богъ намъ его послалъ.

Гипполитъ. Ахъ! какая сладкая для меня минуша!

Изотъ. Ну, а вопъ онъ вишь холостъ, жены нѣтъ, дѣшей по же, скучаетъ; помыкается по свѣшу, да и умретъ, какъ свѣча погаснетъ; что родясь принесъ, то и въ могилу унесетъ, ну, что въ эшомъ проку! Не люблю я холостыхъ; кабы моя была воля, всѣхъ бы женилъ.

Гипполитъ. Какія правды я сегодня слышу, и отъ кого? Отъ мужика! Всякое его слово осмается въ умѣ моемъ.

Домна. Что ты, башька! Онъ еще не сщаръ; бываетъ и женился; можешь богашой ищешь.

Изотъ. Богашой! богашой! что у нихъ это у бояръ за богашество въ головѣ? Самъ онъ бѣднякъ шпо ли? Слава Богу, есть чѣмъ жить. Не вѣдаютъ они развѣ, что сквозь золошю слезы щекушъ. Вонъ какъ сосѣдъ Парамонъ богашу взялъ, да теперь и живому не радъ; а мы съ побою какъ женились, такъ изъ обоихъ кармановъ еле-еле сколопили, чтобъ попу заплашишь, да слава Богу живемъ 20 лѣтъ, не чужой хлѣбъ ѣдимъ, свой. Знаешь ты

баба, что бѣднякъ - то всегда богашова сыщѣе; богатому - то надо много, да и самъ доспавай, а бѣдному - то Богъ посылаетъ.

Гипполитъ. Вотъ сущая правда!

Домна. По чемъ знашь, можешь и знашной невѣсты хочешься.

Изотъ. Вотъ еще новая причина, новой обморокъ не лучше прежняго. Ну, пусть деньги чтонибудь — кинь рубль, такъ зазвенишь; а знашность - ша ихъ, по моему, пыль. Пожалуй наряди и меня, да назови какъ по ихъ Принцомъ што ли, или кавалеромъ; что, я отъ того буду умнѣи, породнѣи, краше, здоровѣи ли? Все, баба, пустое! Тотъ же буду я Изотъ, да въ цвѣтномъ кафтанѣ, а какъ еще по какимъ грѣхамъ да плашье - то придешь не къ лицу, до сошьешь не по коспямъ, такъ еще изъ порядочной рожи выдешь смѣшная харя. Провались оно совсѣмъ; не съ машной жишь, али не съ нарядной куклой: женѣ нада мужъ, а мужу жена, а шамъ все фу.

Гипполитъ. Заблужденія мои мнѣ открываются.

Домна. И ты, Савельичъ, то же любишь меня, такъ и думаешь, что всѣмъ Домна нада.

Изотъ. Хотѣ Домна, хотѣ Фешинья, да надобна жена; слышь ты безъ бабы жишь не лъзя. Хотѣ какъ не изволь, нѣтъ ужъ намъ Неба - ша не перемудришь.

Домна. Какой ты, право, шупникъ, мужъ!

Изотъ. Нѣтъ, шупъ не до шупки. Я своего господина люблю; мнѣ право скучно, что онъ холоспъ. Изведется у насъ такъ ни за денежку, а мы шамъ доспавайся чертъ знаетъ кому. Кабы онъ моего совѣту послушалъ, я бы ему сыскалъ невѣсту.

Домна. Кого же бы, скажи?

Изотъ. А чѣмъ не по немъ сосѣдка наша Глафира?

Гипполитъ. Глафира? О нѣжное имя!

Домна. И вѣдомо,

Изотъ. Чѣмъ она и впрямъ ему не жена? Дѣвица благородная, скромная, добрая, живешь въ своей дачѣ, водой не замушишь.

Долна. Во всемъ околodikъ и малой и большой всѣ ее хваляшь.

Изотъ. И она по же изсохнешь, какъ лучинка. Смѣшны, право, бояра, а подь часъ и жалки. Холоспой дѣшина и дѣвка живушь. другъ опъ друга въ версѣ, а не видаются; привыкли къ городскому — безъ свахъ и свадьбы нѣшь. А у меня какой обычай: взялъ въ руку лучину, а въ другую огонь, раздулъ, да сложилъ, шакъ и вспыхло.

Гипполитъ. Нѣшь! прошивъ шакой испины никакое умствование не сильно.

Даша. (Вбѣгаетъ) Бапюшка! у меня ужъ и низанье гошово; когда же къ вѣнцу?

Изотъ. Вошь, жена, шы дѣвку-шовзбударажила, она шеперь и спанешъ на ухахъ у насъ лежашь; а вишь Иванъ-ашъ чужой помѣщицы Глафиры, вишь надо еще у барина спросишься, какъ онъ изволишь. Ой бабы, бабы! Коли что вздумано, шакъ вошь давай, давай. Пойдемъ добро всѣ къ спаросѣ.

Гипполитъ. (Снимаетъ кольцо) Вошь мое послѣднее превращеніе!

Я В Л Е Н І Е 9.

(Театръ представляетъ дачу Гипполитову по прежнему.)

Весельчакъ. (Одинъ)

Ухъ! какъ же я успалъ! Бѣгалъ ко всѣмъ рѣчкамъ, пропокамъ, прудамъ, озерамъ, мушилъ вездѣ воду, ловилъ девашую волну; да нѣшь не поймашь: утечешъ, какъ упечешъ. Дуракъ я право, что попросилъ у Амура женщину, какъ будто диво какое; да полно, что говоришь: кшо на свѣтѣ безъ ошибки; на всякаго мудреца довольно простоты.

П ѣ с н я.

Всѣмъ на свѣтѣ ошибашся
 И въ желаньяхъ заблуждашся
 Ужъ не новое, я чай;
 Всякой строишь здѣсь свой рай.
 Иной любишь оженишься,
 Другой любишь волочишься;
 Кому хочется чего,
 Топь и бьется изъ того.

*

Въ городахъ я напалкался
 И охъ многихъ наслыхался,
 Будто, что на свѣтѣ кладъ,
 Коль съ женой у мужа ладъ.
 Всѣ хощь эту пѣсню пѣли,
 Анъ посмотришь, такъ въ недѣли
 И у женъ и у мужей
 Не пройдетъ дня безъ зашѣй.

*

Еслибъ въ свѣтѣ хощь для шушки
 Всякъ плясалъ по своей дудки,
 То - то вышелъ бы раздоръ,
 Ни чему не равной вздоръ!
 Чертъ ли въ эдакой намъ воли;
 Лучше нѣшу нашей доли!
 Всякой такъ въ спруну брянчишь,
 Какъ гуслишь ему велишь.

*

Что мнѣ нужды знашь учишься,
 Какъ на свѣтѣ все кружишься,
 Какъ богачъ кого давуль,
 Какъ бѣднякъ когда вздохнуль;
 Мое дѣло жишь смирененько,
 Съ милой женкою дружененько;
 Какъ придетъ веселой часъ,
 Цѣловашся по спу разъ.

Я В Л Е Н І Е 10.

Гипполитъ и Весельчакъ.

Гипполитъ. Глафира, Глафира! это имя
еѣ мыслию моею не распадется.

Весельчакъ. Чшо, сударь, нагулялись ли до
сыща?

Гипполитъ. По многимъ превращеніямъ по-
знавъ ошибку человѣческихъ о счастіи заключеній,
гошовъ былъ почти рѣшить, что его нѣтъ, бро-
ситъ кольцо, разбитъ кружку, какъ вдругъ на-
шелъ его, и гдѣжь? О боги! Въ избѣ моего мужика.

Весельчакъ. Которой - то это? Вы бы, су-
дарь, около его потерлись.

Гипполитъ. Тамъ я услышалъ имя Глафи-
ры. Она меня плѣнила; я хочу ее видѣть, хочу
ее любить, хочу ей все отдать, что я имѣю.

Весельчакъ. Вотъ, сударь, какъ Амуръ
ахъ, шѣпшися изволишь надъ вами; давеча вы не
хотѣли вовсе женщинъ любить, а къ вечеру влю-
бились въ одно женское имя.

Гипполитъ. Это имя мнѣ предвѣщаетъ со-
бранье качествъ и добротъ, это имя счастье мнѣ
обѣщаетъ.

Весельчакъ. И такъ, сударь, изъ Амурскаго
фейерверка выпала одна ракета и на вашъ счетъ.
Поздравляю васъ; только берегитесь, чтобы не ку-
пишь вамъ своей добычи также, какъ и я ее до-
стаю девяною волною.

Гипполитъ. Хотя бы моремъ и всѣмъ его
волненіемъ.

Весельчакъ. О, такъ васъ, сударь, по види-
мому, порядочно задѣло! Часъ вамъ доброй! А я пой-
ду въ послѣдній разъ попытаюсь удачи; и либо
всю здѣсь воду выпью, либо она меня проглотитъ.

(Слышенъ голосъ.)

Я дерзости твоей охотно забываю,
 Съ Глафирою тебя навѣки соединяю,
 Любовь ея къ тебѣ съ твоею къ ней сравню.
 Довольно, что тебя спрѣлой своей сражаю;
 Познай и помни вѣкъ, мой ядъ разливши въ
 кровь,
 Что всей вселенной связь, душа и жизнь — любовь.

Г и л о л и т ъ. Я въ такомъ смущеніи, въ робости,
 Въ непоспигаемомъ состояніи! А! это мои
 пастухи идутъ съ поля. Оставлю ихъ строить
 свои хоробы, а самъ пойду искать Глафиру.

Ф и н а л ъ.

(Распѣвѣе со всѣми мужиками поютъ.)

Х о р ъ.

Давайте пѣть, играть, рѣзвишься,
 Забоши всѣ, досады прочь;
 Пускай всякъ парень веселился,
 Скачище дѣвки во всю ночь.

Д а ш а.

Ванюша! мнѣ одинъ милѣй шь всѣхъ!
 Въ тебѣ моя отрада,
 Съ тобой играю я рада.
 Ванюша! мнѣ одинъ милѣй шь всѣхъ!
 Нигдѣ не вижу безъ тебя пошѣхъ.
 Давайте пѣть, играть, рѣзвишься, и проч.

М у ж и к ъ.

Вотъ я тебя, поспой,
 Въ горѣлки изловлю.

Д а ш а.

Поди - ка шь къ другой;
 Другаго я люблю.

2 й М у ж и к ъ.

Семъ въ жмурки, плашъ давай.

3й Мужикъ.

Ну, что не зашѣвай,
Хороводу не мѣшай;
Не шронь насъ, не замай.

Ваня.

По мнѣ во что бы ни играли,
Съ тобою бышь лишь не мѣшали.

Дѣвка.

Вишь, вопъ не лъзя собратъся,
Ни къ парнямъ показатъся.
Что это за игра;
Пора домой, пора.

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацию.)

ЯВЛЕНІЕ 1.

Глафира, Смѣяна и послѣ Амуръ.

Глафира. Куда же мы идемъ?

Смѣяна. Куда велѣлъ Амуръ. Вотъ, сударыня, то самое мѣсто, гдѣ я съ нимъ давеча была — топъ шалашъ, топъ кустъ, роща, рѣчка.

Глафира. Одну только была минушу, а все такъ хорошо примѣшила.

Смѣяна. А, сударыня, гдѣ Амура въ первый разъ увидишь, шамъ всѣ урочища сдѣлаются знакомы.

Глафира. Я далѣе не пойду. Здѣсь дачи Гипполипа; онъ можетъ насъ встрѣшить, и что подумаешь?

Смѣяна. Подумаешь, что мы гуляемъ, и зачѣмъ поставишь, я чай, что двѣ дѣвушки пришли въ его помѣстье.

Глафира. Нѣтъ, это непристойно; воропшимся.

Смѣяна. Что же мы все ходишь будемъ съ мѣста на мѣсто?

Глафира. Да откуда мы пришли? Я и слѣду не найду.

Амуръ. Да его и не бывало. Не я ли вашъ жошой? А кто за мной ходишь, топъ слѣду не разбираешь; идешь зря, куда глаза глядятъ.

Глафира. Что тебѣ за удовольствіе насъ мучишь?

А м у р ъ.

Что вы спали? Не спрашишесь;

Съ вами я, пойдемъ смѣлѣй:

Часть IV.

К

Пусть любви другихъ милѣй,
 На меня въ томъ положишесь.
 Кто по немъ зажмурясь ходитъ,
 Тотъ хохочетъ и поетъ,
 Ко мнѣ на голосъ идетъ,
 И блаженство пусть находитъ.

Приходишь дѣло къ развязкѣ. Глафира! поди
 ты по этой дорожкѣ; тамъ въ бесѣдкѣ ты най-
 дешь гитару, и по нѣкоторомъ времени приди на-
 задъ сюда, сядь въ этотъ шалашъ и зачни на ней
 играть, что тебѣ на умъ придетъ.

Глафира. Да я играть не умѣю.

Амуръ. Любовь тебя научитъ.

Глафира. Ну, ежели онъ спроситъ, за чѣмъ
 я въ его бесѣдкѣ сижу?

Амуръ. Онъ этого не спроситъ; онъ давно
 уже знаетъ, за чѣмъ женщины однѣ въ бесѣдки
 садятся.

Смѣяна. Да со мной - то скоро ли конецъ
 будешь?

Амуръ. А ты поди со мной къ этому источ-
 нику; тамъ ждетъ тебя твоя побѣда: Весельчакъ
 въ него придетъ пить девятую волну.

Смѣяна. А я что буду дѣлать?

Амуръ. Дожидашься.

Смѣяна. Чего? Чшобъ онъ при мнѣ захлеб-
 нулся, или утопился?

Амуръ. Какіе странные вопросы! Ну, вѣтъ
 ты его полюбила? Такъ ежели онъ въ воду, и ты
 за нимъ.

Смѣяна. О, нѣтъ, я благодарна! Любишь
 его люблю, только на сухомъ пуги, а плавать не
 горазда.

Амуръ. Чу! Гипполитъ идетъ; уйдемъ скорѣй.

(Амуръ машетъ стрѣлой, деревья разступаются
 и видна къ рѣкѣ дорога.)

Я В Л Е Н І Е 2.

Распотѣевъ и Гипполитъ.

Гипполитъ. Два раза я встрѣтилъ ее, и она какъ молнія изъ глазъ моихъ сверкнула. Ахъ, какъ она прекрасна! Я всю ея дачу обошелъ кругомъ, и свѣскаивъ ее не могъ. Я видѣлъ то убѣжище, гдѣ она въ свободѣ дни свои ведешь; мнѣ все въ немъ показалось прелестно. Но гдѣ ее теперь искаивъ?

Распотѣевъ. Милостивый государь! какой нарядъ работъ къ завтраму будетъ? Сегодня додѣлали храмъ Славы на крутой горѣ по плану вашего Архитектора.

Гипполитъ. Завтра его срывъ.

Распотѣевъ. Срывъ? Что же на мѣсто его поставивъ?

Амуръ. (Изъ-за куста) Храмъ Любви.

Гипполитъ. (Въ сторону) Чей это голосъ?

Распотѣевъ. Не вслушался, сударь.

Гипполитъ. Амуръ повелѣваетъ въ моемъ владѣннѣ; да будетъ здѣсь воля его во всемъ соблюдена.

(Во весь этотъ разговоръ ходитъ задумавшись, и слушаетъ лишь то, что говоритъ Амуръ.)

Распотѣевъ. На берегу, сударь, пруда галлерей зачата и спѣвны уже выведены; остановилась работа за тѣмъ, что не знаютъ, что наверху поставивъ?

Амуръ. Купидона.

Распотѣевъ. По галлерей приказывали выштамповать поставивъ, такъ какихъ изволише вы именно назначивъ?

Амуръ. Глафиру.

Распотѣевъ. Глафиру? Да у насъ, сударь, никакъ ее нѣтъ. А въ оранжереѣ надъ фонтаномъ?

Амуръ. Глафира.

Распотѣевъ. Еще Глафира! На Кишайской башенкѣ также, милостивый государь, Архитек-

поръ говоришь, весьма бы ксшапи поспавишь что
нибудь пригожее, козисное.

Амуръ. Пославъ Глафиру.

Распотѣевъ. Опять Глафиру! Да гдѣ ихъ
набрать такую кучу? Не прикажете ли подновишь
убѣжище размышленія?

Амуръ. Срышь.

Распотѣевъ. А на мѣсто его?

Амуръ. Храмъ Любви.

Распотѣевъ. Еще другой, милоспивый го-
сударь?

Гипполитъ. (Съ гнѣвомъ) Что еще?

Распотѣевъ. Изотъ просишь дочь отдашь
въ чужое село замужъ; велишь ли?

Гипполитъ. Хорошо, пусть отдаетъ. Я его
семью люблю; дайше ему на свадьбу 100 руб., да
вели ко мнѣ придти.

Распотѣевъ. То-то онъ благодарить бу-
детъ!

Гипполитъ. Ну, ты слышалъ мои прика-
занія? Вотъ шебъ мой нарядъ къ завшрему. (Ухо-
дитъ.)

Распотѣевъ.

Сколько ни соображаю,
Власъ его не понимаю.

И шамъ и сямъ
Глафиру славъ;
Срой Славы храмъ,
Любви поспавъ.

Изъяну будетъ шумъ не мало;
Жаль денегъ мнѣ господскихъ спало.

Нѣтъ, я за это не примусь,
А завтра сызнова спрошусь.

То-то, правду говоряшь, всяко-то время
переходчиво. Цѣлая кладовая навалена спаринныхъ
эшихъ богатырей въ лапахъ, да колдуновъ; то
было до насъ, а теперъ ненадо ихъ; за все про
все будь Глафира: что день, то зашѣя, что годъ,
то новая кукла.

Я В Л Е Н І Е 3.

Распотѣевъ и Весельчакъ.

Весельчакъ. Голубушка моя, какъ кладъ, мнѣ не дается, а солнце уже на закашѣ; коли Амуръ не лжешъ, пора бы бышь и концу этой суматохѣ.

Распотѣевъ. Скажи, дружокъ, что барину едѣлалось?

Весельчакъ. Пишь девяшую волну.

Распотѣевъ. Послушай - ка! Онъ велѣлъ все срышь.

Весельчакъ. Девяшь разъ къ ряду.

Распотѣевъ. Да что ты мѣлишь за сумбуръ? Говоряшь шебѣ: срышь велѣлъ храмъ Славы.

Весельчакъ. Пей девяшую волну.

Распотѣевъ. Али у васъ сегодня какая вѣдьма была, что вы всѣ на людей не похожи.

Весельчакъ. Пойду пишь девяшую волну.
(Уходитъ къ рѣкѣ.)

Распотѣевъ. Баринъ все ломашъ велишь, а слуга только и мѣлишь: пей девяшую волну, да девяшь разъ къ ряду; никакъ они угорѣли? Однако побѣжаешь мнѣ порадовать спарика Изюша. Говоряшь Рускіе люди: ушро мудренѣе вечера; посмотришь, что - то завтра будетъ, а сегодня на барскомъ дворѣ сумерѣки очень глуехоньки.

Я В Л Е Н І Е 4.

*Г л а ф и р а. (Съ гитарою.)**А р і я.*

Вездѣ меня находятъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждой шагъ мой водитъ
Туда, гдѣ былъ и швой.

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ,
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

(Отпѣвши уходитъ; а Гипполитъ на тотъ же го-
лосъ поетъ, выходя на театръ)

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ, вся мысль, я самъ.

*

Я самъ, прервавъ унылой
Моихъ вздыханье спонъ,
Лечу къ пропасти милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

(Отпѣвши, онъ уходитъ искать Глафиру.)

Глафира. (Приходя на театръ)
Ты спрастныхъ чувствъ волненья
За счастье не чтишь,
Ты вздоховъ изъясненья
Понять не дорожишь.

(Подходитъ къ шалашу, садится и засыпаетъ.)

Глафира. Какъ я уснула; какой вдругъ сонъ
на меня нашелъ! Гдѣ найди пристойное убѣжище?
А, вотъ шалашъ!

(Театръ представляетъ мѣсячной блескъ и вечеръ.)

Гипполитъ. Гдѣ она? Голосъ ее повсюду
мнѣ слышенъ, а найди ея не могу. Нѣтъ, пре-
красная Глафира, упрековъ твоихъ я не заслужи-
ваю; нѣтъ, я люблю, и себя одну вѣчно люблю
спану! Но гдѣ она? Хотя я бѣгу, но мнѣ все ка-
жется, что я на одномъ мѣстѣ. О Любовь! еще
ли ты мало опмѣщаешь мнѣ за мою холодность?
еще ли долженъ я, и почувствовавъ тебя, спра-
дать? (Увидя Глафиру) Боже! что я вижу? это
она! Ахъ, какъ она прекрасна! какъ сонъ ея сла-
докъ! Какдая черта божественной ея красоты въ
душѣ моей изображается! вся природа купно съ
нею покоится! Подойду къ ней; но что сказать?

какъ осмѣлишься прервать такой сладкой сонъ? Она теперь въ мечтахъ своихъ съ Геніями играетъ; подобіе смертнаго опъ нее далеко. Нѣтъ, я глядѣшь на нее спану, я въ безмолвственномъ воспоргъ ангелу такому дивисься буду!

Глафира. (Просыпаясь) Гдѣ я? что за голосъ слышится вокругъ меня? Ахъ, милоспивый государь! простише моему неосторожному поступку! Я гулявши зашла далеко въ ваши дачи, сонъ . . . усшалось . . . (Про себя) Что мнѣ сказашь ему?

Амуръ. (Изъ за куста) Люблю.

Гипполитъ. (Въ сторону) Какое пріятное смяшеніе! (Вслухъ) Не спрашиваешь, сударыня; вы почти въ своемъ помѣстьѣ. Мнѣ жаль, что шалашъ эшопъ не сдѣлался къ услугамъ вашимъ великолѣпнѣйшимъ храмомъ; мнѣ жаль, что простиша его не соопвѣстствуетъ величеству вашей красоте; мнѣ жаль . . . Что я ей скажу?

Амуръ. (Изъ-за куста) Люблю.

Глафира. Чѣмъ простише наши жилища, шѣмъ они ближе къ природѣ, кошорая никакой пышности не любитъ; самой эшопъ шалашъ для многихъ чувствительныхъ людей богашѣ покажется всѣхъ великолѣпнѣйшихъ зданій.

Гипполитъ. Ахъ! почему, кромѣ шеперешней минушы, не могу я въ немъ найши такихъ достоинствъ? Или опъ того, что я въ немъ не бываю. . . .

Амуръ. (Изъ-за куста) Самъ-другъ.

Глафира. Кто же, сударь, помѣшалъ бы вамъ сидѣшь въ немъ. . . .

Амуръ. (Изъ-за куста) Со мною?

Глафира. Что за отголоски такіе? Въ эшомъ мѣстѣ мнѣ все что-то слышится иное, нежели что мы говоримъ между собою.

Гипполитъ. Если бы чувства сердца и произношенія языка вашего согласовались со звуками воздуха, какъ бы я счастливъ былъ, какъ бы я былъ благодаренъ обворожающему селенію моему. . . .

Амуръ. Амуру.

Глафира. Слышите ли?

Гипполитъ. Слышу, сударыня; а вы что слышите?

Амуръ. Люблю.

Глафира. Люблю.

Гипполитъ. Я тоже люблю.

Глафира. Не струны ли этой гитары отъ ударенія воздуха поражаютъ слухъ мой?

Гипполитъ. Но какъ бы онѣ могли произносить вмѣстѣ съ звукомъ и слова? (Берется за гитару) Боже мой! что за ядъ по жиламъ моимъ мгновенно разлился! я внѣ себя! я забываю всѣ благопристойности, я падаю къ ногамъ твоимъ, Глафира!

Амуръ. Давно бы такъ, прегордой мой ослушникъ! Гдѣ я замѣшался, шамъ всѣ жеманства ваши свѣтскія должны исчезнуть. Какъ вы смѣшны, когда вы важнымъ видомъ собираешься другъ другу сказать: люблю! Что простѣе этого быть можешь, что естественнѣе? Но вамъ бы все не уронить чести, все бы съ краснорѣчіемъ, котораго я часто, какъ рѣзвое дитя, испугавшись, отъ васъ бѣгаю и оставляю васъ въ шокѣ и скупѣ. Ну, что спали? Не всю форму сохранили! Ха, ха, ха! не въ полномъ обрядѣ познакомились? Ха, ха, ха!

Гипполитъ. Я всѣ прищворства оставляю, и когда судьба даешь мнѣ сердце Глафиры . . .

Глафира. Оно тебѣ давно принадлежитъ; Амуръ тебѣ его отдалъ.

Д у э т ъ.

Гипполитъ.

Боги! что я ощущаю,
Что за ядъ въ моей крови;
Я свой рокъ теперь свершаю
И подвласнень спалъ Любви.

Глафира.

О Любовь! коль ты умѣла
Слабой духъ мой возмутишь,

Довершай свое пы дѣло,
Научи любимой бытъ.

В м ѣ с т ѣ

Гипполитъ.

Глафира.

Въ объятіяхъ нѣжныхъ и
 безцѣнныхъ
Той, кошорой взоръ плѣ-
 нилъ,
Дай, чшобъ всѣхъ сердець
 влюбленныхъ
Я весь жаръ въ себѣ вмѣ-
 спилъ.

Въ объятіяхъ нѣжныхъ и
 безцѣнныхъ,
Въ коихъ пы меня плѣ-
 нилъ,
Дай, чшобъ всѣхъ сердець
 влюбленныхъ
Въ насъ огонь бы не про-
 спылъ.

(Сии слова они поютъ, относя ихъ къ Амуру, которой стоитъ между ими посрединѣ театра.)

Амуръ. Я свое дѣло сдѣлалъ: гордаго и не-
присшупнаго врага смирилъ, а уединенную мизан-
тропку также ввелъ въ мою дорогу. Клянись вы
Гименею, въ чемъ вы хошите; онъ любитъ, чшобъ
ему божились. Я его къ вамъ сведу тогда, какъ
все мое волшебство исполнился, а теперь мнѣ не-
досугъ; не вы одни въ мое подданство попали.

Глафира. Пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ взгля-
нушь на мое прежнее убѣжище; теперь я въ немъ
новыя прелести увижу.

Я В Л Е Н І Е 5.

Весельчакъ, потомъ Амуръ и Смѣлана.

Весельчакъ. Ну, господинъ колобродъ все-
свѣшной, гдѣ ты? Дай мнѣ мою красавицу! Насилу
я девашую волну доспалъ и выпилъ. Явись мнѣ ле-
бедушка, явись передо мной, какъ листъ передъ
справой!

Амуръ. Вотъ она. Я охотно награждаю
тебя ею за то, что ты гошовъ былъ на жертву
жизни; а ее шбой за то, что за мужъ захотѣвши

по утру, до вечера перешерпѣла: рѣдкое въ девчкѣ воздержаніе.

Весельчакъ. Ну, моя павочка, Королева, или какъ тебя назвашь, не знаю, будешь ты мнѣ жена, а я тебѣ мужъ.

Смѣяна. Какъ посмотрѣшь на все это, такъ право мы будто безъ ума: не знаемъ другъ друга вовсе, а ужъ влюбились по уши.

Весельчакъ. Это, моя душа, не рѣдко бываетъ. Я часто въ сумерки, не разглядя лица, влюблялся, а до разсвѣта и разлюблялся, такъ же не видавши милой рожицы; да что мудренато? Его божеское превосходишельство что изволишь, то и творишь.

Смѣяна. То ужъ задалъ онъ намъ сегодня хлопотъ; сумятицы такой я и не видывала.

Весельчакъ. Еще то ли будешь, моя перловая раковинка, когда мы повѣнчаемся; шутъ-то ты увидишь и не такія диковинки.

Амуръ. Прежде времени не хвались; добро, не забудь давишняго.

Весельчакъ. О! нѣтъ, не забуду; всегда напередъ спану жену цѣловаю, а шамъ и за вино.

Смѣяна. Что это значишь?

Весельчакъ. Такъ, моя пшаха; завтра все узнаешь.

Д у э т ъ.

Весельчакъ.

Кто съ нѣжностью любить умѣетъ,
Тотъ вѣрно доброй человѣкъ.

С м ѣ я н а.

Кто вздохи спростны разумѣетъ,
Блаженъ тотъ будешь весь свой вѣкъ!

О б а.

Что можетъ лучше въ свѣтѣ быть,
милу женушку

Какъ) любить!

мужа милого.

Весельчакъ.

Жены любезное названье;
Тебѣ хочу навѣкъ я дать.

Смѣяна.

Равно мое съ твоимъ желанье
Хочу тебя я мужемъ звать

Оба.

Уйдемъ отъ скуки, отъ суесть,
Въ своемъ углу найдемъ весь свѣтъ;

Я и ты, ты и я,

Вотъ для насъ вселенна вся.

Весельчакъ. Преошмѣнная моя Смѣяна!

Смѣяна. Преузорочной мой Весельчакъ!

Весельчакъ. Пойдемъ же теперь по всему
селу рассказывать о нашемъ счастьи; я не люблю
никакой радости одинъ: дай все раздѣлишь съ
друзьями — такова моя натура.

Смѣяна. Все раздѣлишь?

Весельчакъ. Кромѣ жены однаножъ, слы-
шишь ли, Смѣяна?

Я В Л Е Н І Е 6.

Глафира и Гипполитъ.

Мелопѣя.

Гипполитъ.

И такъ отнынѣ впредъ я буду при тебѣ,
Благодаря боговъ въ счастливѣйшей судьбѣ;
Воспоргомъ равнымъ ихъ я наслаждаюсь стану!
Доколѣ живъ, тебя любить не переслану!

Глафира.

И ты, всѣхъ чувствъ моихъ любезнѣйшій
предметъ,
О райская душа, о милой другъ, мой свѣтъ!
Уставы вѣрности я сохраняю не должно:
Узря тебя, любить другаго не возможно!

Гипполитъ.

Съ тобою Гипполитъ вездѣ увидишь рай.

Глафира.

И ты представишь мнѣ прекраснымъ всякой край.

Гипполитъ.

Небесны красоты въ земномъ познавши міръ ,

Я образъ божества зрѣшь буду во Глафирѣ.

Глафира.

Твой взглядъ, сей спасный взглядъ, что кровь мою
палишь ,

Съ бессмертными меня во счастьи сравнишь !

Гипполитъ.

И нѣжныя твои спокрапныя лобзанья ,

Біенье двухъ сердець , прерывныя вздыханья

Да будушь жертвою доспойной олшаря

Амура нѣжнаго , вселенной всей Царя !

Дуетъ.

Глафира.

Небо здѣсь свидѣтель вѣрной

Тому будетъ навсегда ,

Что мой жаръ къ тебѣ чрезмѣрной

Не погаснетъ никогда.

Гипполитъ.

И я равно здѣсь обещаю

Любви не чувствовашь иной ;

Я ново сердце посвящаю

Тебѣ, Глафира, лишь одной.

Глафира.

Съ тобой судьбы насланья люпы

Меня не смогутъ испужать.

Гипполитъ.

И дня и ночи всѣ минушы

Мы будемъ радостными счищать.

Оба.

Союзомъ вѣчнымъ соединимся ,

Отдавъ другъ другу мы сердца ,

Душами вѣкъ не разлучимся,
Счастливы будемъ безъ конца.

Гипполитъ.

Познай надъ нами шы Любви опредѣленье!
До нынѣ я спраспей различныхъ искушенье,
Кромѣ любви прямой, подробно испыпалъ.
Чего хопѣлось мнѣ вседневно, самъ не зналъ;
Купидо наконецъ съ Олимпа мнѣ явился,
Я прелеспью его потчасъ обворожилъ.
Волшебно опъ него кольцо принявши въ даръ,
Искалъ счастливымъ бытъ, тася любовной жаръ;
Изъ возраста въ другой, изъ спраспи въ спраспъ
бросался, —
Или несчастливъ былъ, иль въ счастьи сомнѣвался.
Узналъ я, что любишь еспъ должностъ еспеспва,
Что міра связь любовь, въ ней воля Божества;
Но счастливымъ совсѣмъ, сказалъ Амуръ, не буду,
Доколѣ всѣхъ моихъ премѣнъ я не забуду.
Тебя лишъ въ сердцѣ я хранишь хочу всегда
И въ мысляхъ не сопру, Глафира, никогда.
А впрочемъ все шеперь навѣкъ забышь желаю,
Забвенья воду пью и нову жизнь вкушаю.

Я В Л Е Н І Е 7.

*(Онъ пьетъ воду забвенія, и отдаетъ по-
ложу въ кружку кольцо Генію; которой
относитъ Амуру; театръ перемѣняет-
ся и кажетъ Амура въ торжестве на
изумрудномъ тронѣ; вокругъ его Гименей,
Дружба и Конкордія, а далѣе Иеры, Ра-
дости и Смѣхи.)*

Амуръ.

Олимпа приговоръ свершился,
Любви возставленъ здѣсь законъ,
Въ пріятну правду обратился
Волшебной нынѣшня дня сонъ.

Фортуны колесо хощя давно вертѣлось,
Но все, Глафира, швой билеши не выпадалъ;
Сегодня Гипполишъ и швой и свой досталъ,
Найдя, мнѣ покорясь, чего и вамъ хощѣлось.

Чепу сію я вамъ вручаю,
Согласье, Дружба, Гименей!
Свое вамъ дѣло поручаю
Надъ нѣжною чепюю сей.
Одинъ вѣнцомъ пусть ихъ вѣнчаетъ,
Другой да свяжетъ ихъ узломъ,
А третій подъ своимъ щипомъ
Да вѣкъ ихъ въ мирѣ сохраняетъ!

(Амуръ летитъ на верьхъ, а свита остается на
театрѣ и танцуютъ балетъ.)

Х о р ъ.

Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, Амуръ, Природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человеки,
И правишь ими ты одинъ.
Гипполитъ и Глафира.
Почто любви спрашиться!
Ея законъ легокъ:
Любить и веселиться,
Какой счастливой рокъ!

Х о р ъ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.
Гипполитъ и Глафира.
Отъ скучна принужденья
Мы чувства свободимъ,
Любовна обольщенья,
Вкушаемъ всѣ наслажденья
Мы волю имъ дадимъ.

Х о р ъ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.
Гипполитъ и Глафира.
Удалясь отъ досады,
Ненавидя обманъ,
Въ любви лишь оправды

Найпи безъ преграды
Тобой способъ данъ.

Х о р ъ.

Воспоржесѣвуй на долги вѣки,
Амуръ, Природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человѣки,
И правишь ими нынѣ одинъ.
Воспоржесѣвуй на долги вѣки,
Амуръ, Природы сынъ! 2.

(Свита вся пропадаетъ и театръ при-
ходитъ въ прежній видъ.)

Я В Л Е Н І Е 8.

*Гипполитъ, Глафира, Весельчакъ, Смѣяна
и Распотѣевъ.*

Весельчакъ. Ба! и господинъ мой самъ-другъ!
Нынѣче видно въ воздухѣ женятся! Сегодншній
день намъ доказалъ, что счастье не по лѣсу хо-
дитъ, а по людямъ.

Гипполитъ. Правда, больше всего его ищемъ,
а часто оно ближе къ намъ, нежели мы чаемъ.
Сегодня по утру я никакъ не воображалъ найпи
его въ двухъ шагахъ отъ себя.

Глафира. Также, какъ и я.

Распотѣевъ. Такое дѣло, милостивые госу-
дари! Вотъ и въ нашемъ бышу ино зандобится
какая вещь, безъ коей обойтись не можно; ищешь
ее вездѣ и въ своемъ-шо и въ чужомъ-шо се-
те, посуешься, посуешься гораздо, и найдешь шо же
самое либо у себя, либо у шабра.

Глафира. Примѣръ эшошь весьма кспашти.
Кто счастья своего или самъ въ себѣ, или около
себя не смещетъ, тотъ пыщешно гдѣ-либо искашетъ
его будешъ. Да гдѣ тебѣ, Смѣяна, попался эшошь
молодецъ?

Гипполитъ. Это мой слуга, мой пошлячаникъ, словомъ, мой въ скучѣ до васъ товарищъ; я вамъ его осмѣливаюсь представить.

Весельчакъ. Пока вы изволили съ богами, сударыня, вести компанію — ваше дѣло знатное, я простой холопишка — подхватя свою, шѣми же богами данную за усердное девятой волны хлебанье голубушку, мыкался съ нею по деревнѣ, пилъ вездѣ брагу, при всякомъ спаканѣ желая вамъ здоровья.

Гипполитъ. Смори, Весельчакъ, не напей себѣ новой послуги; будь остороженъ.

Смѣяна. Съ одного вола двухъ шкуръ не дерушъ.

Весельчакъ. Правда ваша, сударь. Съ одного вола шѣ говоришь, то такъ съ вола, а съ маленькаго бычка и зачасую по и дѣло, что шкуру дерушъ; не по винѣ глядя наука, а по виновапомъ.

Распотѣевъ. Умча рѣчь слуги вашего, милостивый государь! Я иногда въ городъ съ капустой ѣзжу, такъ сплошъ видалъ: некорыстная клячонка пошалишь въ оглобли съ дуру и не очень, такъ ее школюшъ, школюшъ разъ десять; а иной борзой конь и дышло и колымагу — то сломаетъ, и легнетъ такъ, что Боже упаси, а посмотришь, — ему лишь овса подсыпающъ, да прихаливающъ.

Гипполитъ. Понимаю, господинъ Распотѣевъ, понимаю. За швою загадку надобно и шебя чѣмъ нибудь до повеселить. Чего бы шѣ хотѣлъ, мой другъ, у насъ попросить?

Распотѣевъ. Денегъ, сударь.

Глафира. Это скоро и надежно сказано.

Распотѣевъ. Я, сударь, отъ старика отца своего Евтропа Фадеича слыхалъ пѣсню, да и вамъ ее вмѣсто поздравленія униженно сиповатымъ моимъ голосомъ спою.

Счастье деньги, деньги счастье;
Все другое дребедень.

Пусть кошель — шакъ и ненастье,
А какъ полонъ — ясной день.

*

Все за деньги достается
У господъ, какъ у крестьянъ,
Все межъ нами продается,
Также какъ у насъ жупанъ.

*

У кого звенишь въ карманъ,
Тотъ боярамъ другъ и братъ;
Не погнѣвайтесь дворяне,
Что вамъ правду спѣлъ Филапъ.

Гипполитъ. Bravo! Вотъ тебѣ за пѣсню.
(Даетъ денегъ.)

Глафира. И моя доля.

Весельчакъ. Жди меня на брагу.

Смѣяна. А меня на пляску.

Гипполитъ. Поди же, скажи всѣмъ въ моей
вопчинѣ, что я женюсь на Глафирѣ, и чтобы они
пришли ей опдашь свой поклонъ.

Распотѣевъ. Слушаю, сударь; а! да вотъ
по приказанію вашему идешь и Изотъ благодаришь
за деньги, а за нимъ цѣлой хабаръ нашей братьи.

Гипполитъ. Хотя я ни денегъ, ни приказа-
нія не помню, однако сегодняшній день видно по-
шелъ на колдовство; ничему не надобно дивиться.

(Мужики входятъ и поздравляютъ; Изотъ,
подводя дѣтей, кланяется до земли; Даша
съ Иваномъ цѣлуютъ у господъ руки.)

Гипполитъ. Здравствуйте, друзья мои. Я
принялъ намѣреніе женишься; вотъ будущая ваша
госпожа.

Изотъ. Ну, слава Богу, сударь! давно бы
такъ. Я давеча о томъ баялъ съ женой: вотъ
кабы баринъ — ахъ нашъ женился на своей сосѣдкѣ;
ахъ такъ и вылилось во свяшій часъ.

Часть IV.

Л

Глафира. Какая хорошенькая дѣвочка! Я тебѣ ленъ на голову подарю. Какъ тебя зовутъ?

Даша. Дашой, сударыня.

Глафира. Ты очень жениха своего любишь?

Даша. И вѣдомо; какъ же не любишь.

Гипполитъ. Подите, мои друзья, играйте и веселитесь — ночь шакъ свѣпла и хороша; а завтра. . . .

Весельчакъ. Завтра, сударь, спанемъ отдыхашь, кто опъ женъ, кто опъ волшебства.

Гипполитъ. Едва и вся жизнь наша не походишь ли на сегодняшнія сущки! Все грезы и мечты, одинъ сонъ слѣдуетъ другому, и часто чело-вѣкъ просыпается не прежде, какъ къ ночи.

Весельчакъ. Что, сударь, объ этомъ полковашь много; быть бы лишь щаспливу, а какъ, что за нужда. Вы этого хотѣли и нашли, стало быть дѣло вершено; а кто старое помянешь, тому глазъ вонъ.

(Актеры поютъ водевилъ, а крестьяне от-
ходятъ вдалѣ театра и приготавливаются
къ балету.)

В о д е в и л ь.

В с ѣ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ - другъ мы станемъ жить,
Другъ друга вѣкъ любить.

Всѣ вокругъ
Насъ здѣсь вдругъ
Веселѣе стали:

Все цвѣтешь,
Все поешь;
Чему же лучше быть?

Гипполитъ и Глафира.

Почто любви спрѣламъ
 Пропивившѣся стремился,
 За что пѣнялъ богамъ,
 Не зналъ и самъ.
 Тобой когда плѣнился,
 То вѣришь научился,
 Что въ свѣтѣ не любя
 Прожить не лѣзя.

В с ѣ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

Весельчакъ и Смѣяна.

Случилось съ нами то,
 Что многи чшупъ за диво,
 Кромѣ боговъ никшо
 Не зрѣлъ здѣсь ничего;
 То было только лживо,
 А вотъ что справедливо:
 Любовь на свѣтѣ всѣхъ
 Милѣй ушѣхъ.

В с ѣ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

Распотѣевъ. (Одинъ)

А я вамъ пропою
 Погудку спару снова;
 Послушайте мою
 Вы пѣсню всю:
 Женишъба вамъ обнова,
 Лишь помните два слова:

Хвалище сонъ тогда,
Какъ сбудешся когда.

В с ъ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ - другъ мы спанемъ жишъ,
Другъ друга вѣкъ любимъ.

Конецъ третьяго и послѣдняго дѣйствія.

П О Р Р Ѣ Ш Н О С Т И .

Напечатано :

Читай :

Стран. Спрок.

90. 7. да мы
139. 23. розыскъ

дамы
роздыхъ

П Р І Я Т Е Л Ю.

Ш У Т К А З А Ш У Т К У.

Enfin bornant le cours de tes galanteries ,
Alcippe , il est donc vrai, dans peu tu te maries.

BOILEAU DESP.

П Р І Я Т Е Л Ю.

Ш У Т К А З А Ш У Т К У.

Итакъ ужь наконецъ, успавши волочиться,
Любезный Сибаритъ, изволилъ ты жениться;
Тихонько, безъ чиновъ, не сообщая друзьямъ,
На упренней зарѣ явился съ милой въ храмъ,
И тамъ предъ олтаремъ Свидѣтелю священну
Далъ клятву сохранишь въ ней вѣрность
неизмѣнну;

Не ставя ни во что обычныхъ прихотей,
Ты въ долгъ не покупалъ богатыхъ овощей;
Ты шаферовъ по насъ не разсылалъ въ каретѣ
О бракъ возвѣстивъ на розовомъ билетѣ:
Завидую твоей отвагѣ я, мой другъ!
Еще ты не попалъ людей въ опборный кругъ,
Въ которомъ всякой помѣ анаемъ предася,
Кто безполковому обряду не поддастся.
Хвала тебѣ и честь! — Но дѣло не о томъ;
По совѣси скажи, — глазъ на глазъ, шепоткомъ:

Какую Богъ послалъ тебѣ въ женитьбѣ долю,
И позлащаетъ ли любовь твою неволю? —
Неволю! — (скажешь ты) — какой бы лже-
мудрецъ

Симъ словомъ поносишь опважился вѣнецъ? —
Изъ устъ какого ты опверженца природы
Услышалъ, будто бракъ послѣдній вздохъ
свободы? —

Постой, не горячись! Я также какъ и ты
 Лелѣялъ въ головѣ различныя мечты,
 Романовъ я прочелъ и самъ въ мой вѣкъ не
 мало,

И много пыли мнѣ изъ нихъ въ глаза
 попало;

Но, всѣ восторги прочь — отъ нихъ горилъ
 сыръ боръ,

Волнуется душа и разумъ поритъ вздоръ:

Разсудокъ остудить назначенъ сердца пламень,

И нашихъ всѣхъ онъ дѣлъ быть долженъ
 пробный камень.

Женишься — благъ законъ! — Гдѣ другъ
 вѣрнѣй жены? —

Подпоры тверже нѣтъ, какъ дочери и сыны!

И какъ подъ старость жизнь могла бы вы-
 носиться,

Когдабъ не льстились мы въ потомкахъ воз-
 родиться?

Я истину сію испытываю самъ:

Два раза я въ мой вѣкъ водилъ невѣсту въ
 храмъ,

И въ участи своей, Небесъ благоволеньемъ,

Для многихъ былъ мужей щасливымъ из-
 ключеньемъ!

Все такъ; — но въ мысляхъ свѣжъ Депу-
 шевъ Философъ,

Въ копоромъ наизусть знавалъ я пму
 стиховъ,

И пышнымъ иногда рассказомъ величался,

Когда я на театрѣ предъ публикой являлся;

Воскликну какъ Аристъ за книгой у спола:

„Такъ! все пріятно здѣсь! — супруга мнѣ
 мила,
 „Съ почтеніемъ ее люблю я всей душою,
 „Блаженство нахожу дѣлишься съ ней судьбою,
 „И ею что любимъ, увѣренъ крѣпко я;
 „О чемъ же горевалъ? — Ахъ! она моя!“ —
 Прошу не хохотать и чуръ лишь не сер-
 дишься!
 Посмотримъ, отъ чего такой конспираспъ
 родится;
 Сравнимъ одно съ другимъ, — увидимъ, мо-
 жетъ бытъ,
 Что женщинъ обожалъ ловчѣй, чѣмъ съ
 ними живѣ.

Припомни, какъ себя знавалъ я холоспаго,
 И съ шѣмъ собой смѣни себя же молодого!
 По волѣ проводя съ утра до ночи день,
 Ты нѣгою дышалъ, тебя пучнила лѣнь;
 Небрежно полчаса хозяйствомъ занимался,
 И послѣ до полднѣ мечтаньямъ предавался;
 Домашній бытъ тебѣ заботы не давалъ;
 За трубной шабаку ты кофе попивалъ,
 И лежа на софѣ, безъ всякаго убранства,
 Зависѣлъ не любилъ отъ моднаго пиранства.
 Для сердца, для ума коль пищи захопѣлъ —
 Тьму мершвыхъ мудрецовъ вокругъ себя имѣлъ;
 Любую книгу взявъ и съ ней садясь къ ка-
 мину,
 Ты новую всегда выискивалъ причину
 Съ насмѣшкой мнѣ швердишь, когда приду
 къ тебѣ,
 Что я всегда въ саняхъ, разсѣянъ и въ гульбѣ,

Тогда какъ ты, капризъ погоды презирая,
 Въ покоѣ тепломъ духъ садовой обоня
 Между цвѣтовъ и нравъ прозябшихъ на окнѣ,
 Находишь рай земной съ собой наединѣ.
 Любя стихи писать и прозой занимаясь,
 Ты схватишь вдругъ перо, и — станешь
 разгараешься;
 Восторгъ, Писмовъ духъ и пламенникъ
 страстей,
 Заронишь искру въ кровь и пупъ пока-
 жешь ей, —
 Польешься похъ стиховъ, и ты, съ улыбкой
 нѣжной,
 Восхишишься, когда, во мѣду за трудъ при-
 лѣжный,
 Удастся оспру мысль, иль чувство изъяснить
 И журналисту свой листочекъ подарить.

Пробыло часъ и два — но ихъ ты не
 считаешь,
 Отъ спрѣлки ни на что приказа не сжидаешь,
 Въ чернильницу перо до завтраго кладешь,
 Надѣнешь сершучекъ — и со двора идешь,
 Не въ гости — сохрани Господь отъ сей
 неволи! —
 Ты хочешь погулять, и за-просто, безъ холи,
 На Минава взглянуть, зайди на булеваръ,
 Отвѣдать, хорошоль варить форель Пакаръ;
 Взоръ бросишь на пруды, — сойшиться
 шамъ съ народомъ;
 Прошла въ Москва рѣка провѣдать мимо-
 ходомъ;
 И послѣ, ворошась, обѣдаешь одинъ.

Дѣвчонка, коей ты названьемъ господинъ,
По чувствамъ — вѣрный рабъ, все кушанье
подносишь

И взглядомъ воровскимъ себѣ подачки просишь;
Покушалъ — и опять ложишься на диванъ.
Приборщица сняла салфетку, соль, спаканъ,
Плипой накурено, — уйдишь самой оста-
лось;

Нѣтъ мастера на грѣхъ!
Въ игрушкахъ заспаешь вечерняя пора.
Бѣгунъ твой запряженъ и ждетъ тебя съ
двора.

Нанинувши капотъ въ защиту отъ нечистоты,
Въ клубъ Англійской лежишь искать въ бо-
стоу щастья;

Въ шуманномъ шамъ чаду несмѣтныхъ чу-
буковъ

По двѣсти ловишь въ виски искусныхъ игро-
ковъ.

Межъ тѣмъ, пока на бой герои не сойдутся,
Въ газетную зашелъ; — рѣкой шумъ вѣспи-
лются,

И безпощадъ и шокъ, и выдумка и былъ,
Со многихъ языковъ лепишь словесна пыль;
И шумъ ты познаешь, что карточные колоды,
Что трубка съ табакомъ — суть знаменье
свободы;

Что воля состоишь въ способности шагать,
Безъ шляпы, назадъ, впередъ, чтобъ время
убивать.

Или махнешь въ театръ, и взявъ билетъ въ
прихожей,

Въ каморку, кою мы обязаны звать ложей,

Увидишь избочась, какъ Ярбъ, Сеидъ, Эней
Умѣюшъ разсмѣшишь чувствительныхъ лю-
дей,

Какъ движешъ очеса комедіантовъ спая,
Желая заслужишь воскликновенье рая. —
День кончися, и ты воропишься домой,
Въ убѣжище свое, гдѣ ждешъ тебя покой,
Гдѣ мягкой пуховикъ сонъ сладкой пригото-
вишь,
И гдѣ спрасямъ обрядъ ни въ чемъ не
прекословишь.

Не такъ ли ты живаѣ, скажи, любез-
ной другъ,
Когда былъ одинокъ? — Но нынѣ ты су-
пругъ;
Какое близъ тебя я вижу превращенье! —
Изчезъ волшебной рай какъ легко сновидѣнье!
Покинувъ для жены обычаи свои,
И уши и глаза совсѣмъ ужъ не твои;
Не топъ спалъ кабинетъ, — и это очень явно,
Что въ спальню изъ него прорубленъ входъ
недавно;
Приборщицы твоей верплавый слѣдъ про-
спылъ: —
Украдкою вздохнувъ, съ двора ее спустилъ,
И вдругъ на мѣстѣ сей физической богини
Все утро на глазахъ ужасныя рабыни,
Сѣдя какъ новыль у стѣнъ твоихъ торчашъ,
То щуря глазъ, другимъ въ замочну щель гля-
дяшъ,
То въ дверь, на цыпки ставъ, приложашся
ушами,

Иль шмыгъ, да шмыгъ къ тебѣ открытыми
послами, —

И такъ - то спражу бдитѣ законная жена,
Чшобъ не похмистилъ добычи сапана.

А тамъ къ тебѣ валишъ дородный управитель,
Не денегъ, не бѣлья, но векселей рачишель;
Обручку поклонясь, подносишъ жирный счетъ,
Который подпиши, не заводя хлопотъ.

Когдажъ тебѣ чипать всѣ наши сочиненья?

Мурнычать у огня шѣ сладки пѣснопѣнья,

Которымъ никогда никто не подражалъ,

Нелединской одинъ въ огнѣ души слагалъ?

Пойдемъ ли шупъ на умъ Поэзіей питаемся,
Съ Державинымъ паришь, съ Жуковскимъ
наслаждаешься?

Досугъ ли, часъ, другой разиѣжась отдох-
нушь,

Полишь цвѣты въ горшкахъ и въ пшичникъ
завернушь?

Въ пріятныхъ пуспякахъ, когда не жметъ
забота,

День цѣлый разсоришь безъ цѣли, безъ оп-
чеша?

Задумавшись — вздремнушь, проснувшись —
хохоташъ?

Собратъся со двора — и съ мѣста не вста-
вашъ?

О щасливый удѣлъ философа такого,
Примолвимъ на ушко: припомъ и — холо-
стаго!

Въ уборной по тебѣ отправленъ ужъ
курьеръ;

Чу, голосъ подающъ: „Ну, чтожъ, пора, mon cher!

„Карета подана, — вѣдь эдакъ опоздаемъ!“
Везутъ тебя; куда? — А вотъ сей часъ
узнаемъ.

Ты губу занусилъ, бѣжишь, — въ карету сѣлъ.
Къ Абрамуша! — пошелъ! — Цугъ сѣрыхъ
полетѣлъ.

Кузнецкой мостъ для васъ давно готовилъ
шкани.

Все нравился женѣ, ты — плашишь пляшки
дани.

И путь мадамъ и здѣсь; подальше — магазинъ.
„Нѣтъ, Майковъ лучше всѣхъ! — тамъ есть
александринъ; —

„Туда, мой другъ!“ — Изволь! Пришлось жить
въ каретѣ.

За то ты спалъ знающихъ въ перкарѣ, въ
пешинетѣ.

Уже на башнѣ часъ вечерень загремѣлъ;
Женатой новичекъ еще съ утра не бѣлъ
И просишься домой. — Карпоновъ тѣму за-
брали,

Безъ денегъ и съ пряшемъ обѣдать поспѣвали.
Хлѣбъ — соль всегда вкусна, когда желудокъ
пощѣ;

Любовь и аппетитъ приправятъ и овощъ.
Безъ дальнихъ прихотей, лишь только два
куверта,

Однако же филе, припомъ не безъ десерта,
За тѣмъ, что въ стартѣ шамъ издавна введено:
Хоть яблоки подай, — иначе жить грѣшно!
Трапезой наслаждаясь съ дражайшею женою,
Пора бы чай въ халатъ, — хоть часикъ
взять покоя;

Не шупъ-то было, шѣтъ: — хозяйюшка швоя,
 Перемѣнивъ капотъ, шюрбанъ и все и вся,
 Неупомимая — тащилъ опять въ карету,
 Съ визитами къ роднѣ, къ друзьямъ, по цѣлу
 свѣту.

Четверкой по ямски (вся масти вороной),
 Для свадебныхъ суевъ нарочно нанятой,
 Ты новый родъ спозналъ спрадапсельной забавы,
 И карточки сорилъ съ заставы до заставы,
 Нещадно тѣхъ браня, кто съ лаской прини-
 малъ,
 И въ супки наконецъ впорой походъ сломалъ.

Увы! еще тебѣ готово искушение!
 Приготовляй, мой другъ, свое долготерпѣнье!
 Сегодня славной балъ — вотъ новая бѣда!
 Не раньше какъ въ полночь сбѣзжающа шуда
 Всѣ баря, что ни клекъ, о томъ едва не плачутъ;
 Но карта прислана — нарядятся и свачутъ.
 Уйди въ свой кабинетъ, — есть время оп-
 дохнутъ

И съ горькою слезой спаринку вспомнута;
 Спѣши, пока швоя сладчайша половина —
 Пора дасть имя ей, — пустьъ будетъ
 Жозефина, —

Причешется и свой удѣлаетъ нарядъ.
 Въ уборной вижу я зеркальный цѣлый рядъ;
 Изъ многихъ лампъ огонь свой лучъ въ стек-
 ло бросаешь,

И отражая, предметы озаряешь;
 Тамъ битью весь en plein шюникъ самъ Цик-
 леръ шилъ,

И наждый плащъ стибъ Амуръ заворожилъ;

Тамъ крупныхъ жемчуговъ съ алмазомъ оже-
 релъе,
 Совмѣстное въ цвѣтахъ природѣ руководѣлье;
 Тупъ разныхъ влагъ сосудовъ и смѣсь души-
 стыхъ нравъ
 Для мягкости волосъ и глянца ихъ составъ;
 Здѣсь пропасть мѣлочей, какъ будто безъ
 искусства,
 Кокетство припасло, чтобъ дѣйствовать на
 чувства;
 Косынка, поясокъ, подвязочка, корсетъ —
 Но мѣли срисовать Венеринъ туалетъ?
 Гдѣ ты, блаженна тѣнь Піиша вдохновенна,
 Которому въ Руси завидуетъ вселенна?
 Гдѣ скрылися твоей духъ, перо и геній сей,
 Которымъ всѣхъ плѣнилъ ты въ Душеньки
 своей?
 О юные пѣвцы любви и восхищенья,
 Вы, коихъ состоитъ вся жизнь изъ наслаж-
 денья!
 Вамъ трудъ сей предлежитъ; воспойте жен-
 ской полъ!
 Я читалъ его всегда и — ежели нашлъ
 Дни счастья на землѣ, — къ нему по оп-
 ношенью;
 Чье сердце по его не бьется повелѣнью?
 Дѣлите мой восторгъ! Кто женщинъ не лю-
 билъ —
 Нѣтъ солнца для того, — и Богъ его забылъ!...
 Но что-то ты пворишь, мой скимниръ
 новобрачный,
 Ушедши къ камельку пипать свой недугъ
 мрачный,

Бесѣдой въ тишинѣ, не съ Музами, — съ
 собой? —
 Ты ропщешь чуть не въ слухъ, что съ мод-
 ною женой
 Лѣтъ подъ сорокъ тебя чертъ дернулъ
 сочетаться
 И съ вертопрашествомъ свободой помѣняешься.
 Для взора данъ машабъ, для ласки сказанъ
 часъ,
 И къ ручкѣ подойти извѣстно сколько разъ;
 Повѣстки молча ждешь и ноги хопъ кусаешь,
 Явилась красота и... все позабываешь.
 Ликъ ангельской въ глаза какъ молнія бле-
 снулъ,
 Во всѣхъ чертахъ себя Венеринъ сынъ вдохнулъ;
 Взоръ томный — сладкихъ чувствъ исполко-
 вапель нѣжный,
 Улыбка съ простотой — пупъ къ сердцу
 неизбѣжный,
 Станъ гибкой и прямой — всѣхъ прелестей
 соборъ,
 Въ причeskѣ тонкой вкусъ, зашѣливой
 подборъ
 И вымыселъ шипѣя и хитрость въ мѣлкой
 складкѣ,
 Да, скажемъ, не смотря на ценсоровъ
 нападки,
 Что всякая на ней булабочка поетъ;
 Ахъ! къ милому лицу, снажише, что
 нейдетъ?
 Вошла, взглянула, — все ей покорно взору!
 „Вѣдь ты не долго ждалъ, — и мы при-
 ѣдемъ въ пору!“

Не стану говоришь о множествѣ гостей
 Прибывшихъ на балъ, о роскоши застѣй,
 Которыми у насъ хозяева щеславны
 Умѣютъ угождать на вкусы своенравны, —
 Все пляшетъ и шумитъ: — здѣсь вальсъ,
 шутъ гулъ, шамъ смѣхъ
 И крепсъ и болшавня обворожаютъ всѣхъ;
 А ты, какъ угадалъ, съ женою показался,
 Лишь въ залѣ копилюнъ въ кружокъ фор-
 мировался.

Вообще пушемъ хиприль, по важно, по шупя,
 Честное слово взялъ, чѣмъ долго не гостя,
 Ошъ ужина ульнушь уклончивымъ манеромъ,
 Она ужъ поднята пригожимъ кавалеромъ
 И спала въ общій кругъ; а кругъ вѣдь до
 зари

Никто не разорветъ, хопъ что ни говори.
 Чѣмъ дѣлать? — Для тебя оспалось наблюденье:
 Разсмащивай людей, ихъ нравы, заблужденье,
 На спѣсь большихъ господъ взгляни, пожавъ
 плеча,
 Прислушай, какъ они другъ другу съ горяча
 Безъ логики свои доводы опускаютъ,
 Крѣпя ихъ только шѣмъ, что все всѣхъ луч-
 ше знаютъ.

Ужъ за полночь давно и претій часъ
 шечетъ,
 Объ ужинѣ никто докладываетъ нейдетъ;
 Морфей влѣтѣлъ въ окно и съ воздухомъ на-
 ружнымъ
 Какъ сыплетъ на глаза всѣмъ барынямъ
 окружнымъ,

Не дремлетъ лишь оркестръ и — храбрый
копилющій,
Часъ отъ часу резвѣй одолѣвая сонъ,
Со стула и на стулъ красотки вольсирующъ
И свѣжихъ на прокатъ прыгунчиковъ вер-
бующъ.

Нещасный муженежъ! — а ты чуть чуть
не спишь! —

Понюхай табачку — вновь мысли освѣжишь;
По комнатамъ пройдишь, вѣдь есть гдѣ по-
слоняться,

На бронзы позѣваешь, спашуямъ удивляешься;
Вѣрна ли древность въ нихъ, чей образъ —
опгадай,

Архитектурныя ошибки замѣчай,
Написанну сличь Венеру на плафонъ,
Сходналь она съ швоей, что пляшетъ въ
копилющѣ.

Но вотъ пошелъ въ походъ ужъ водоч-
ный лопокъ

И двинулся къ столу танцовщиковъ пошокъ;
Терзаютъ осепровъ голодные Корнеши —
И превращаются чудовища въ скелеты.

Но бѣднѣе тебя отбило отъ бѣды;
Ты съ роду не видалъ еще такой бѣды.

А милая швоя супруга Жозефина,
Воспорговъ и досадъ законная причина,
Манишь тебя къ себѣ и на ушко: „Мой другъ!

„Я завтра позвана въ коронкой самой кругъ.

„Тамъ будешь *jeu d'esprit* и en actions шарады;

„Ты знаешь, для меня нѣтъ болѣе оправды.

„Потѣшь меня, *mon cher*, и ежели — *vous*
m'aimez,

М 2 .

„Сыщи un joli mot — иль сдѣлай буриме.“
 Шепнула и baiser тебѣ въ лобокъ послала,
 Смиренья въ знакъ сама ладонь поцѣловала.
 Какъ щаспливъ ты опять! — Весь ужинъ
 проходилъ,
 Французской Лексиконъ на память про-
 твердилъ
 И въ мигъ карандашемъ замѣшилъ словъ
 двусложныхъ
 Для остренькихъ шарадъ премножество воз-
 можныхъ.

Пиръ конченъ на зарѣ. — Не ѣхать ли
 домой?

„Mon cher! одну кадрили; минуточку поспой!“
 Помилуй! разсвѣло! — Мазурку заиграли —
 И каблучками всѣ красотишки заспучали;
 Чье сердце успоишь? — Конечно дьяволъ самъ
 Ввелъ пляску въ міръ на зло такимъ, какъ
 ты, мужьямъ.

Вдругъ солнце вмѣсто свѣтъ всю залу озарило;
 Но легкой хороводъ и то не успѣдило.
 И бѣдный философъ, невольный балагуръ,
 Хопъ волкомъ вой, да жди ла грекъ и ма-
 шрадуръ;

Когда бы не бѣда ужасная случилась,
 Какой едва ли гдѣ слыхашь намъ доводилось, —
 Кпо думаетъ пожаръ, кпо — рухнулъ по-
 толокъ, —

Супругъ одинъ лишь радъ, что лопнулъ ба-
 шмачекъ

По щасію его на милой Жозефинѣ. —
 Скакашь уже не лзя! — Проклятыя судьбины! —

Въ слезахъ принуждена уѣхать безъ чиновъ,
Насмѣшекъ побоясь болтливыхъ языковъ.

Угрюмой съ нею мужъ въ шинель свою
зарылся,

И чуть чуть не къ полднямъ въ поселе-
лѣ очутился.

Въ такомъ порядкѣ дѣлѣ всю дань беретъ
Морфей.

.

Признайся, ничего нѣтъ лишняго въ
каршинѣ;

Готовъ ее на судъ опдать и Жозефинѣ.

Пошлюсь на всѣхъ мужей, свободы древ-
ней нѣтъ, —

Ее уже давно оплакиваетъ свѣтъ;

И женщины, ее у насъ опняя навѣки,

Умѣли опомспись за то, что человеки,

Естественный законъ во зло употребя,

Мечтали взять ихъ полъ въ подданство
за себя.

Исчезли времена племенъ патриархальныхъ,

И стерлись навыки семей первоначальныхъ.

Жена тогда была лишь первая раба:

Въ покорности шверда, вліяніемъ слаба,

Какъ говоритъ преданье: свои наклюшки
знала,

И носа не въ свои дѣла не уставляла;

Варить умѣла щи, аршельны хлѣбы печь,

И мужа своего внимая грозну рѣчь,

Не смѣла молвить да, когда онъ нѣтъ ей
скажетъ;

Отвѣтъ бывалъ одинъ: хозяинъ какъ при-
кажетъ! —

А нынѣ.... но о томъ на что и говорить ?
 Когда ужь удалось имъ насъ перехитрить ,
 Когда любовна спрасъ, смягчая будшо нравы,
 Изъ усъ ихъ принимашъ велѣла намъ
 усъавы —
 Осталось намъ одно спасеніе , мой другъ :
 Ихъ ласки покупашъ цѣной своихъ усъугъ ;
 Мечшашъ , что мы цари , доколь онѣ насъ
 любашъ ,
 И рай воображашъ , когда насъ приголубашъ.
 Ахъ ! есшъли щасшья здѣсь рисуешъ лишь
 шѣнь , —
 То въ сладкихъ пусть мечшахъ пекущъ и
 ночь и день ! —

Вотъ опытный урокъ ! — Хошъ мое бол-
 танье
 Возбудитъ можешъ бытъ въ тебѣ негодованье,
 Пріятеля прости , надъ коимъ ты спокрапъ
 Любилъ и самъ шпыняшъ за то , что онъ
 женашъ.
 Долгъ красенъ плашежемъ ; — но мести я
 не знаю ,
 И счасшя тебѣ отъ всей души желаю ! —

К О Н Е Ц Ъ .

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

Имена Особъ , благоволившихъ подписаться
на Спихотворенія Князя Ивана Михайловича
Долгорукаго.

~~~~~
Въ Москвѣ.

Ихъ Сіяшельства:

Графъ Кирило Ивановичъ Гудовичъ.
Графъ Пётръ Борисовичъ Толстой.
Князь Пётръ Андреевичъ Вяземской.
Князь Александръ Ивановичъ Долгорукой.
Княжна Варвара Пётровна Волконская.

Ихъ Превосходительства:

Лукьянъ Яковлевичъ Яковлевъ.
Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій.
Николай Николаевичъ Сандуновъ.
Федоръ Семеновичъ Мосоловъ.

Ихъ Высокородія:

Иванъ Андреевичъ Геймъ.
Ефремъ Васильевичъ Вишняковъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Баронъ Владиміръ Ивановичъ Шпейнгейль.
Алексѣй Алексѣевичъ Плавильщиковъ.
Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ.
Иванъ Васильевичъ Степановъ.
Пётръ Александровичъ Курбашовъ.
Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій.
Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ.
Григорій Ивановичъ Лазаревъ.
Василій Павловичъ Ризенко.
Пётръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ.
Тимъ Алексѣевичъ Каменецкій.
Василій Андреевичъ Жуковскій.
Сергѣй Николаевичъ Глинка.
Николай Ивановичъ Ильинъ.
Алексѣй Ивановичъ Трескинъ.
Иванъ Федоровичъ Ключаревъ.
Василій Степановичъ Кряжевъ.
Пётръ Герасимовичъ Воскресенскій.
Пётръ Васильевичъ Хавской.
Василій Федоровичъ Богдановъ.

Аркадій Львовичъ Помѣхинъ.
 Александръ Яковлевичъ Кафтыревъ.
 Михайло Андреяновичъ Успиновъ.
 Василій Николаевичъ Есиповъ.
 Павелъ Федоровичъ Карабановъ.
 Николай Ниловичъ Извъковъ.
 Михайло Петровичъ Телегинъ.
 Андрей Николаевичъ Янъковъ.
 Николай Ивановичъ Пеприщевъ.
 Г. Новиковъ.
 Павелъ Васильевичъ Гарпонъ.
 Андрей Ивановичъ Шляхтинской.

Ихъ Благородія:

Николай Ивановичъ Малиновскій.
 Александръ Васильевичъ Ивановъ.
 Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ.
 Константинъ Никишичъ Мамвѣевъ.
 Михайло Прохоровичъ Третьяковъ.
 Алексѣй Николаевичъ Садыковъ.
 Яковъ Осиповичъ Колоколовъ.
 Александръ Евгеньевичъ Поляковъ.
 Иванъ Григорьевичъ Попеляхинъ.
 Алексѣй Макаровичъ Изгордышевъ.
 Никифоръ Никоновичъ Басалаевъ.
 Пётръ Федоровичъ Калайдовичъ.
 Александръ Александровичъ Флоровъ.
 Богданъ Богдановичъ Шредеръ.
 Александръ Сергеевичъ Максютинъ.
 Николай Андреевичъ Кашинцовъ.
 Мамвѣй Николаевичъ Калмыковъ.
 Пётръ Лавренъевичъ Непорожневъ.
 Павелъ Ивановичъ Петровъ.
 Александръ Павловичъ Констанциновъ.
 Василій Семеновичъ Раевскій.
 Аркадій Михайловичъ Рахмановъ.
 Алексѣй Николаевичъ Мордвиновъ.
 Павелъ Петровичъ Демидовъ.
 Григорій Михайловичъ Богдановъ.
 Алексѣй Сергеевичъ Огаревъ.

К у п ц ы :

Василій Васильевичъ Варгинъ.
 Иванъ Григорьевичъ Салаевъ.
 Яковъ Ивановичъ Якобсонъ.
 Иванъ Никипичъ Водопьяновъ.
 Василій Григорьевичъ Лоцманъ.
 Николай Матвѣевичъ Глушковъ.
 Егоръ Андреевичъ Андреевъ.
 Матвѣй Петровичъ Глазуновъ.
 Осипъ Леонтьевичъ Свѣшниковъ.
 Михайло Ивановичъ Маклаковъ.
 Никиша Степановичъ Пономаревъ.
 Василій Александровичъ Душинъ.
 Алексѣй Алексѣевичъ Телепневъ.
 Степанъ Федотовичъ Романчиковъ.
 Александръ Ивановичъ Кузнецовъ.
 Гг. Соболевъ и Базуновъ.

Въ Санктпетербургѣ.

Библиотека Гвардейскаго Штаба ЕГО ИМПЕ-
 РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Его Сіяшельство Графъ Кушелевъ - Безбородко.

— — — — — Князь Андрей Николаевичъ
 Долгоруковъ.

Ея Превосходительство Варвара Александровна
 Ланская.

Его Превосходительство Дмирій Семеновичъ
 Хвостовъ.

Его Превосходительство Николай Степановичъ
 Ильинскій.

Его Высокородіе Иванъ Осиповичъ Тимковской.

Ихъ Высокоблагородія:

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

Михаиль Кириловичъ Грибовскій.

Левъ . . . Изъѣдиновъ.

Александръ Васильевичъ Недобровъ.

Николай Андреевичъ Шаховъ.

Николай Ивановичъ Бѣлавинъ.

Петръ Александровичъ Шамшевъ.

Аршиллеріи Полковникъ Гебгардъ.

Инженерный Поручикъ Захаръ Федоровичъ
Игнашьевъ.

Коллежскій Секретарь Алексѣй . . . Соловьевъ.

Г жа. Воейкова.

3 Неизвѣстныя Особы.

Его Благородіе Александръ Федоровичъ Пахорскій.

Его Благородіе Иванъ Андреевичъ Михайловъ.

Поручикъ Иванъ Ивановичъ Нечаевъ.

Иванъ Степановичъ Церевитиновъ.

Иванъ Пепровичъ Глазуновъ.

Илья Ивановичъ Глазуновъ.

Матвѣй Пепровичъ Глазуновъ.

Иванъ Ивановичъ большой Заикинъ.

Иванъ Ивановичъ меньшей Заикинъ.

Леонтій Леонтьевичъ Свѣшниковъ.

Алексѣй Афанасьевичъ Грязновъ.

В ъ О р л ѣ.

Его Сіятельство Г. Генералъ отъ Инфантеріи
и разныхъ Орденовъ Кавалеръ Графъ Сергей Михай-
ловичъ Каменскій.

Его Благородіе Семенъ Андреевичъ Паратичъ.

В ъ К а з а н и.

Общество Любителей Отечественной Словес-
ности.

Его Сіятельство Графъ Илья Андреевичъ Тол-
стой.

И х ъ В ы с о к о б л а г о р о д і я :

Савва Андреевичъ Москопильниковъ.

Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

Петръ Никишичъ Миллеръ.

Дѣвица Анна Александровна Наумова.

И х ъ Б л а г о р о д і я :

Гаврило Ивановичъ Осокинъ.

Александръ Прохоровичъ Павловъ.

Василій Васильевичъ Прошопоповъ.

Петръ Тимофеевичъ Завацкій.

Никита Афанасьевичъ Гавриковъ.

Дмитрій Матвѣевичъ Спрѣлковъ.

Николай Сергѣевичъ Арцыбашевъ.

Иванъ Дмистріевичъ Бобылевъ.

Въ Георгіевскѣ.

Его Превосходительство Маркъ Леонтьевичъ
Малинскій.

Въ Вяткѣ.

Его Высокородіе Александръ Яковлевичъ Жмакинъ.

Въ Вологдѣ.

Его Высокородіе Николай Федоровичъ Ошолоповъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Ильичъ Егоровъ.

Въ Астрахани.

Его Превосходительство Федоръ Анпиловичъ
Ахмашовъ.

Въ Кіевѣ.

Ея Благородіе Александра Ивановна Лапицкая.

Въ Тамбовѣ.

Иванъ Александровичъ Сапинъ.

Въ Рязскѣ.

Павелъ Александровичъ Сапинъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Его Высокоблагородіе Владимиръ Савичъ Смир-
новъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Васильевичъ
Зеленецкій.

Во Владимирѣ.

Губернская Гимназія.

Въ Калугѣ.

Василій Ивановичъ Торубаевъ.

Въ Костромѣ.

Протоіерей Іаковъ Арсеньевъ.

Въ Полтавѣ.

Капитанъ Карлъ Флиге.

Въ Ригѣ.

Афанасій Федоровичъ Галюскинъ.

Въ Черниговѣ.

Его Высокоблагородіе Яковъ Ивановичъ Лизогубъ.

Въ Рязани.

Его Высокородіе Александръ Пешровичъ Кропо-
шовъ.

Въ Симбирскѣ.

Его Высокоблагородіе Спешанъ Ивановичъ Порошинъ.

В ъ К а р а ч е в ъ.

Полковникъ Ефшихій Ивановичъ Сафоновъ.

В ъ Ч у х л о м ъ.

Его Благородіе Павелъ Александровичъ Семичовъ.

В ъ Б р я н с к ъ.

Его Высокоблагородіе Михаилъ Николаевичъ Зиновьевъ.

Его Высокоблагородіе Василій Демьяновичъ Азанчевскій.

В ъ К о л о г р и е ъ.

Его Сіяшельство Графъ Иванъ Андреевичъ Толстой.

В ъ З е м л я н с к ъ.

Его Превосходительство Левъ Ивановичъ Потаповъ.

В ъ К а с и м о в ъ.

Его Превосходительство Павелъ Пепровичъ Сухтеленъ.

В ъ П л е с а х ъ.

Его Превосходительство Алексѣй Кондрашевъ.

В ъ К и н е ш и ъ.

Михаилъ Сергеевичъ Юдинъ.

В ъ К о з л о в ъ.

Его Благородіе Александръ Лавренъевичъ Медвѣдевъ.

В ъ В я з н и к а х ъ.

Дворянской Предводитель Василій Яковлевичъ Алексѣевъ.

В ъ З а д о н с к ъ.

Поручикъ Владиміръ Алексѣевичъ Викулинъ.

В ъ Б а л а х н ъ.

Александръ Григорьевичъ Теленковъ.

В ъ С у д и с л а в ъ.

Его Благородіе Иванъ Степановичъ Кафтыревъ.

В ъ Р о с л а в ъ.

Смогришель Училищъ Александръ Чешыркинъ.

В ъ Ю р б у р г ъ.

Его Благородіе И. И. Шульгинъ.

В ъ Е л ь ц ъ.

Порфиръ Степановичъ Степановъ.

В ъ Ю р ь е в ъ - П о в о л ь с к о м ъ.

Купецъ Алексѣй Михайловичъ Юдинъ.

Dolgorukij, Ivan M.,

Bytie serdca moego ili Stichotvorenija knjazja Ivana Michajloviča
Dolgorukago ; v 4-ch č

Bd.: 4 (1818)

Moskva 1818

P.o.russ. 90 z-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610185-7